

РУСКАЯ СТАРИНА.

РУСКАЯ СТАРИНА.

КАРМАННАЯ КНИЖКА

ДЛЯ

ЛЮБИТЕЛЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОГО,

НА 1825 ГОДЪ.

ИЗДАННАЯ

А. КОРНИЛОВИЧЕМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1824.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, августа 9 дня, 1824 года.

Цензоръ Александръ Бирюковъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Ни объ одномъ изъ нашихъ Государей не писали сполько, сколько объ Императорѣ Петрѣ первомъ; но не смотря на это, царствованіе его принадлежитъ къ числу малозвѣстныхъ въ Руской исторіи. Я спарался объяснить, какимъ образомъ онъ вводилъ между предками нашими правила европейскаго общежитія: успѣлъ ли я въ этомъ или нѣтъ, предоспаваю на судъ публики.

По желанію Гг. ИЗДАТЕЛЕЙ
Полярной Звѣзды написалъ я

для нихъ спашью о первыхъ ба-
лахъ въ Россіи. Лесный онъ зывъ
о ней особъ, копорыхъ мнѣніемъ
я дорожу, побудилъ меня къ про-
долженію начатаго. Въ первомъ
отдѣленіи Руской Старины чи-
ташели увидяшь плоды сихъ шу-
ровъ. Для повѣрки сказаннаго
мною и для облегченія шѣхъ, кои
захопѣли бы слѣдовашь по тому
же пути, означены въ концѣ ис-
точники, коими я пользовался.

Второе отдѣленіе написано г.
С., воинственнѣмъ питомцемъ
знамениатаго Дона. Оно заклю-
чаетъ въ себѣ общежитіе Дон-
скихъ казаковъ въ XVII и XVIII
вѣкахъ. Авторъ пользовался со-
временными актами и отчасши

преданіями, которыя еще свѣжи въ народѣ, сильно привязанномъ къ родинѣ и поному свято сохраняющемъ память о прошедшемъ.

Въ объявленіи о Руской Старинѣ обѣщана была виньетка. Наводненіе, постигшее Петербургъ въ прошломъ мѣсяцѣ, повредивъ домъ гравера, которому поручено было ее сдѣлать, уничтожило его труды и опіяло у него возможность начать оный снова. Надѣюсь, что Публика извинитъ меня въ сей невольной не исправности.

Я намѣренъ былъ украсить изданіе это картинками, предсавить изображенія нѣкоторыхъ лицъ, костюмы ихъ, и пр.; но

УІІІ

время и обстоятельство не позволили мнѣ сего исполнить. Если Руская Старица будетъ принята благосклонно, и ничто не помѣшаетъ мнѣ продолжать сего изданія; то надѣюсь къ будущему году придашь этой книгѣ лучшей наружный видъ.

А. К.

С. Петербургъ.
Декабря, 1824.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

НРАВЫ РУСКИХЪ ПРИ ПЕТРѢ I.

И однимъ словомъ, на что въ Россіи ни взгляни: все Его началомъ имѣетъ, и чтобъ впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпашь будущъ.

Журналъ Ив. Ив. Неплюева.

ПАМЯТИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

*Сто лѣтъ минуло тому, какъ Тебя
не стало. Съ того времени Россія, про-
славленная, во. величественная, стала на
ряду съ сильнѣйшими державами на
земномъ шарѣ, и сыны ея, помня
священный для нихъ заветъ Твой,
быстро стремятся къ тому просвѣ-
щенію, которое составляло главную
цѣль Твою, единственное Твое желаніе.*

*Великій! кладу къ подножію гроба
Твоего первые мои труды. Да священ-
ная тѣнь Твоя освѣтитъ ихъ своимъ
покровомъ.*

РУСКАЯ СТАРИНА.

.....

О ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА I.

Вы не разъ удивлялись Петру I, вы слушали со вниманіемъ рассказы о подвигахъ его на полѣ брани, о его неутомимости въ дѣлахъ государственныхъ, его постоянной любви къ Россіи. Вы съ равнымъ участіемъ видѣли его въ холстинной курткѣ плетникомъ на Заандамской верфи, потомъ побѣдителемъ подъ Полшавою во время его триумфальнаго въѣзда въ Москву, и наконецъ, по заключеніи Нейштадтскаго мира, торжественно принимающимъ

благодарность народа. Но любопытство ваше завлекло васъ далѣе. Вы сдѣлали мнѣ вопросъ: какая была частная жизнь Петра I? Покажите мнѣ его, говорили вы, не повелишемъ многочисленнаго народа, а гражданиномъ, въ домашнемъ быту, посреди его семейства. Какія были его частныя занятія, его домашнія забавы?

Вошь моя ошвышь.

Императоръ Петръ I былъ феноменъ своего вѣка. Физическія и нравственныя его свойства, добродѣтели и недосыптки, занятія его по дѣламъ государственнымъ и частныя, копорымъ онъ посвящалъ часы досуга, все въ немъ являеть что-то необыкновенное, носитъ на себѣ отпечатокъ какого-то неизъяснимаго величія, безпокойной, никогда не устающей дѣл-

пельности, кошорья не могушь не возбудить удивленія.

Начинаю описаніемъ его наружно-сти. Петръ Первый былъ слишкомъ 2 аршинъ 14 вершковъ ¹⁾, и столько отличался ростомъ отъ другихъ чпо во время пребыванія его въ Голландіи, въ Заандамъ, жены корабельщиковъ, рабшавшихъ на тамошней верфи, уни-мали дѣшею своихъ отъ шалостей, гро-зя гнѣвомъ *высокаго плотника изъ Мос-ковіи* ²⁾. Онъ былъ крѣпкаго сложенія, имѣлъ лице круглое, нѣсколько сму-гловатое, черные волосы, обыкновенно прикрытые парикомъ, большіе черные глаза, густыя брови, маленькій носъ, небольшіи рошъ и усы, придававшіе ему нѣсколько суровый видъ.

Сила его была соразмѣрна необык-новенному росту. Заспоривъ однажды съ Августомъ, Королемъ Польскимъ, въ

шое колесо; но оно подняло его, и вѣр-
но П е т р ь сдѣлался бы жертвою своего
любопытства, еслибъ одинъ изъ быв-
шихъ шуть работниковъ, схвативъ его
обѣими руками, не оторвалъ насильно
опъ колеса. Походка его, обыкновенно
скорая 5), дѣлалась еще скорѣе когда
онъ занявъ былъ какою нибудь мы-
слию или увлекался разговоромъ. Одинъ
изъ иностранныхъ министровъ, на-
ходившихся въ то время при Россій-
скомъ дворѣ, а именно Цесарскій по-
соль Графъ Кинскій, довольно тол-
стый мужчина, говаривалъ, что онъ со-
гласился лучше выдержавъ нѣсколько
сраженій, нежели пробыть у Царя два
часа на переговорахъ; ибо долженъ былъ,
при всей шучности шѣла, бѣгавъ за
нимъ во все это время.

П е т р ь любилъ веселишься въ об-
ществахъ, на праздникахъ, кошорые

давались ему въ честь; любилъ видѣть вокругъ себя блескъ и пышность: но въ частной жизни представлялъ во всемъ образецъ строжайшей умеренности. Обыкновенная одежда его была самая простая: лѣпомъ б) черный бархатный карпузь или треугольная полярковая шляпа, французскій кафланъ изъ толстаго сукна сѣраго или темнаго цвѣта, съ фабрики купца Серикова, тафтяные камзолъ и нижнее платье, цвѣтные шерстяные чулки и башмаки на толстыхъ подошвахъ и высокихъ каблукахъ съ мѣдными или спальными пряжками. Зимой потъ же нарядъ, кромѣ того, что вмѣсто бархатнаго карпуза носилъ онъ шапку изъ калмыцкихъ барашковъ 7), вмѣсто суконнаго кафлана надѣвалъ другой изъ красной матеріи, въ коемъ переднія полы подбиты были соболями, а спинка

и рукава бѣличимъ мѣхомъ 8), и вмѣсто кожаныхъ башмаковъ, родъ сапоговъ изъ сѣвернаго оленя, мѣхомъ вверху. Царь не охотно разспавался съ сею простотою, и даже не измѣнилъ ей въ 1717 году въ Парижѣ, гдѣ въ молодость Людовика XV пышность и частыя перемѣны въ одеждѣ составляли отличительную черту людей лучшаго общеснва. Приѣхавъ туда, онъ заказалъ себѣ новый парадный парикъ: ему принесли сдѣланный въ послѣднемъ вкусѣ, широкій съ длинными кудрями. Государь обрѣзалъ его по мѣркѣ прежняго своего парика 9), такъ что онъ едва только прикрывалъ волосы. Нарядъ его, состоявшій изъ кафтана безъ галуновъ, манишки безъ манжеть, коропкаго парика, шляпы безъ перьевъ и черной кожаной поршупен черезъ плечо, до того отличался отъ прочихъ, что,

спустя нѣскольکو времени послѣ отъѣзда его изъ Франціи, оный вошелъ у Парижанъ въ моду подъ названіемъ: *habit de czar* или *habit du farouche*. Случалось иногда, что при аудіенціяхъ или въ большихъ церемоніяхъ онъ являлся въ одеждѣ, болѣе приличной празднуемому торжеству; но всегда при окончаніи онаго тотчасъ ее сбрасывалъ. Были однакожь дни, въ копорые и онъ любилъ наряжаться съ нѣкоторою пышностію: такъ напри- мѣръ, при слускахъ кораблей, Петръ встрѣчалъ гостей, всходившихъ на вновь спущенное судно, въ богатомъ шипомъ золотомъ адмиральскомъ мундирѣ и въ Андреевской лентѣ черезъ плечо. Въ день коронаціи Императрицы Екатерины имѣлъ онъ на себѣ голубой гродешуровый кафтанъ, шитый серебромъ самою Государынею ¹⁸). Ког-

да она поднесла его супругу, Петръ взялъ кафшанъ въ руки, и взглянувъ на шитье, пряхнулъ имъ, отъ чего нѣсколько канители осыпалось на полъ: « Смотри, Кашенька, » сказалъ онъ ей, указывая на упавшія блески, « слуга смешетъ это вмѣстѣ съ соромъ а вѣдь здѣсь слишкомъ дневное жалованье солдата. »

Вообще Петръ, щедрый въ награжденіи заслугъ, показывалъ чрезвычайную бережливость во всемъ, что касалось до него собственно, и могли ли онъ жить расточительно, имѣя для своихъ расходовъ не болѣе 969 душъ въ Новгородской губерніи? ¹²⁾ Въ первое путешествіе свое по чужимъ краямъ, прибывъ вечеромъ инкогнито съ небольшою свитою въ Нимвегенъ, онъ остановился въ пракширѣ и попребавалъ ужищать. Ему дали 12 яицъ, сыру, ма-

сла и двѣ бутылки вина. Когда надлежало расплачиваться, трактирщикъ, вѣроятно узнавъ кто былъ его гость, запросилъ сто червонныхъ. Петръ велѣлъ гофмаршалу своему Шепелеву заплашить сіи деньги, но не могъ забыть этой издержки, и угощая въ Петербургѣ прїѣзжавшихъ на судахъ Голландцевъ, всякій разъ почти съ упреками напоминалъ имъ о корыстолюбїи Нимвегенскаго трактирщика ¹³). «Мнѣ «мошатель не изъ чего,» говаривалъ онъ въ другое время; «жалованья за «служеннаго у меня не много, а «съ государственными доходами на «длежишь поступать осторожно: я «долженъ опдать въ нихъ опчеть «Богу» ¹⁴). Часто ходилъ онъ въ башмакахъ, имъ самимъ заплащенныхъ и тулкахъ, шюпаныхъ его супругою; носилъ по году и по два одно платье,

и въ 1723 году давалъ Персидскому послу Измаиль-Бегу опшускную аудіенцію въ томъ самомъ голубомъ кафтанѣ, съ серебряными нашивками по борту, въ которомъ 1717 года явился въ первый разъ къ Французскому Королю Лудовику XV ¹⁵).

Ѣздилъ онъ лѣтомъ въ длинной, выкрашенной въ красную краску одноколкѣ, на низкихъ колесахъ, парюю; зимою въ саняхъ, запряженныхъ въ одну лошадь съ двумя деньщиками, однимъ, который сидѣлъ съ нимъ рядомъ, и другимъ, вѣхавшимъ сзади верхомъ. Одинъ только разъ 25 мая 1723 года ¹⁶), удивилъ онъ Пешербургскихъ жителей необыкновенною пышностію. Увидѣли его окруженнаго опрядомъ гвардіи, въ выложенномъ краснымъ бархатомъ длинномъ фаэтонѣ тогдашняго вкуса, цугомъ, съ лакеями позади въ

ливреѣ. Онъ поѣхалъ за городъ на встрѣчу князю Гр. Фед. Долгорукому и графу А. Г. Головкину, которые пробывъ около 15 лѣтъ въ званіи посланниковъ при разныхъ иностранныхъ дворахъ, возвращались въ Россію просвѣщенными Европейцами. Петръ, оспановившись въ 4 верстахъ отъ города, ждалъ ихъ около четверти часа. Когда они подъѣхали, посадилъ къ себѣ въ фашонъ, провезъ по главнымъ улицамъ столицы во дворецъ, куда созваны были знатнѣйшія особы, и шупъ, передо всѣми, изъявивъ имъ свое благоволеніе, принесъ новую дань уваженія ихъ познаніямъ и утонченной образованности.

Таже простота, какую наблюдалъ Царь въ одеждѣ и въ экипажѣ своемъ, господствовала и въ его обращеніи. «Если хотите остаться мон-

« ми друзьями, » говорилъ онъ Заандамскимъ корабельщикамъ въ 1698 году¹⁷⁾, « по-обходишься со мною не какъ съ Царемъ; иначе я не буду ученикомъ вашимъ. Я ищу не почестей, но полезныхъ знаній. Оставьте всё церемоніи; мнѣ свобода въ тысячу разъ милѣе, нежели несносное принужденіе, котораго пребудеть свѣтъ. » Указомъ отъ 30 декабря 1701 года, рабское обыкновеніе предковъ нашихъ повергаться на землю или падать на колѣни при встрѣчѣ съ царствующими особами, было замѣнено поклономъ¹⁸⁾. Бывало, если на улицѣ ктонибудь изъ проходящихъ, поклонившись останавливался передъ Государемъ, онъ подходилъ къ нему, и взявъ за кафтанъ, спрашивалъ: « чего ты? » и если шопъ отвѣчалъ ему, что остановился изъ уваженія къ его

особѣ: « эхъ братъ, » продолжалъ Петръ, ударивъ его по головѣ: « у « себя свои дѣла, у меня мои; за чѣмъ « спрашивать время по пустому; сту- « пай своей дорогой » 19). Запрещено было въ письмахъ къ Государю называться словомъ *холовъ*, давать себѣ уменьшительныя имена Цвашки, Мипьки и п. п., или снимать шапки предъ царскимъ дворцемъ, какъ сіе водилось въ старину, и теперь еще въ обыкновеніи у насъ въ нѣкоторыхъ дворянскихъ домахъ для крестьянъ, входящихъ на барскій дворъ. « Какое « различіе между Бога и Царя, когда « воздавать будутъ равное обоимъ по- « чтеніе? » говорилъ онъ при семь случаѣ 20). « Къ чему унижаютъ званіе, « безобразить достоинство челоуѣка? « оказывать дому моему въ жестокіе « морозы безплодную почесть, обна-

« жая голову, вредно для здоровья, ко-
 « шорое милѣе мнѣ въ подданномъ вся-
 « кихъ пуспыхъ поклоновъ. Менѣе ни-
 « зости, болѣе усердія къ службѣ и
 « вѣрности къ государству и ко мнѣ —
 « вопшь почести, которыхъ я хочу. »
 Вообще не было челоѣка настойчи-
 вѣ Петра въ церемоніальныхъ эпи-
 кетахъ; но съ другой стороны, не
 лзя было обходиться съ людьми от-
 кровеннѣе и дружелюбнѣе въ частной
 жизни.

Вопшь примѣръ, какъ онъ мало чи-
 нился съ особами, которыхъ даже со-
 всѣмъ не зналъ. Находясь въ Парижѣ,
 онъ хопѣлъ видѣть заведеніе Сень
 Сиръ для воспитанія дворянскихъ дѣ-
 виць, и основательницу онаго госпо-
 жу Ментенонъ, которая нѣкогда упра-
 вляла Лудовикомъ XIV и всею Фран-
 цією, и въ шо время проводила послед-

ніе годы своей жизни въ сей обителі покоя ²¹). — Ему сказали, что Г-жа Меншенонъ почла бы за счастье видѣть его, но что она лежишь больная, и пошому не можетъ принимашъ никакихъ посѣщеній. « Это немѣшаетъ, » отвѣчалъ Государь; « я ей не буду въ « шягость; мнѣ надобно ее видѣть; она « много принесла услугъ Королю и « Франціи, хощя увлекаясь сусвѣріемъ « и дѣлала глупости, гнавъ проше- « станіловъ. » Съ сими словами по- вхалъ онъ въ Сень - Сиръ, вошелъ не сказавшись въ комнату Меншенонъ, отдернулъ занавѣсы ея кровати, дружески поклонился больной, и сѣвъ на постель у ногъ ея, « извините, » сказа- залъ онъ ей, « что я пріѣхалъ не « во время и можетъ быть не соблюлъ « всѣхъ формъ приличія, являясь къ вамъ; « но я прибылъ въ вашъ край, чшобъ

« видѣть все замѣчательное въ Парижѣ и
 « въ Версали: въ такомъ случаѣ могъ ли
 « уѣхать изъ Франціи, не изъявивъ вамъ
 « моего уваженія. » За симъ, не давъ ей
 отвѣчать и не спуская съ нее глазъ,
 спросилъ у нее: Чѣмъ она нездоро-
 ва? « Болѣзнь моя есть старость, »
 отвѣчала встревоженная Менпенонъ
 слабымъ голосомъ. « Мы всѣ рано или
 « поздно пошершимъ ось нѣе, » ска-
 залъ Монархъ, всталъ, пожелалъ ей
 выздоровленія, и поклонившись, вы-
 шелъ вонъ.

Въ Петербургѣ Царь былъ тоже, что
 отецъ въ большомъ семействѣ. Онъ
 крестилъ у однихъ, при чемъ родильни-
 цамъ давалъ на зубокъ, при поцѣлуѣ въ
 голову, по рублю серебромъ; пировалъ
 съ другими; плясалъ на свадьбѣ у та-
 кого-то и ходилъ за гробомъ у инаго.
 Случалось ли ему имѣть къ кому

нибудь дѣло, вельможѣ, купцу или ремесленнику ²²), онъ часто, взявъ съ собою камышевую прость съ набалдашникомъ изъ слоновой кости, болѣе извѣстную подъ именемъ дубинки, отпраплялся къ нему запросто пѣшкомъ, и если находилъ хозяина за обѣдомъ, то безъ чиновъ садился за столъ; приказывалъ подавать себѣ тоже, что подносили другимъ, шолковалъ съ мужемъ, шупилъ съ женою, заспавлялъ при себѣ читать и писать дѣтей, требуя, чтобъ обходились съ нимъ безъ чиновъ. Онъ былъ весьма пріятенъ въ обществѣ, въ немногихъ словахъ говорилъ много, и любилъ изясняться аллегоріями ²³). Считалъ Эзопа однимъ изъ величайшихъ философовъ въ свѣтѣ, и часто, въ отвѣтъ на длинныя разсужденія, прочитывалъ одну изъ его басень. Отправляясь въ

походъ прошивъ Турокъ въ 1711 году, просилъ онъ содѣйствія у Римскаго Императора Карла VI, который подавалъ въ помъ надежду Царю; но не обѣщала ничего положительнаго. Когда походъ подъ Прупомъ былъ конченъ, Императорскій посоль встрѣшилъ Петра въ одномъ мѣстечкѣ въ Польшѣ, поздравляя его отъ имени своего Государя съ тѣмъ, что онъ такъ счастливо избавился отъ опасности 24). ПЕТРЪ, выслушавъ посланника весьма хладнокровно, спросилъ у него, знаетъ ли онъ по Латынѣ? и послѣ утвердительнаго отвѣта, взявъ со стола Эзопа, прінискалъ ему басню о Козлѣ и Лисицѣ, сошедшихся у колодца, подаль ея Посланнику и сказавъ ему: « шеперь желаю вамъ доброй ночи » вышелъ изъ комнаты. — Часно видали его на улицахъ идущимъ подъ руку

съ честнымъ фабриканшомъ или иноземнымъ машпросомъ; иногда бродящимъ въ толпѣ прислушиваясь молвъ народной.

Но обращаясь открыто со всѣми, онъ того же требовалъ отъ всѣхъ для себя, и худо шому, кто вздумалъ бы въ разговорахъ или поступкахъ съ нимъ позволить себѣ малѣйшую ложь. « За признаніе прощеніе; « за утайку, нѣтъ помилованія, » повпорялъ онъ часто ²⁵⁾; « лучше грѣхъ « явный, нежели тайный. »

Онъ любилъ правду, даже въ такихъ случаяхъ, когда она могла бы другому показаться оскорбительною, и радовался ²⁶⁾, слушая въ 1697 году въ Англійскомъ парламентѣ пренія оппозиціи и министровъ. « Усмапривающій « вредъ и придумывающій добро, объя- « вляшь можешь мнѣ прямо безъ боя- « зни; полезное слушаешь я радъ и ошь

« послѣдняго; руки, ноги и языкъ не
 « скованы, а доспупь до меня свобо-
 « день. » Такъ говорилъ онъ не разъ
 своимъ приближеннымъ 27). « Князь
 « Яковъ въ Сенапѣ, » опъзывался онъ
 о Долгорукомъ, « прямой помощникъ.
 « Онъ судилъ дѣльно и мнѣ не поща-
 « каешь; безъ краснбайства рѣжешь
 « прямо правду, не смотря на лице 28). »
 Случалось иногда, что въ пылу гнѣва,
 увлеченный пламеннымъ характеромъ,
 Петръ обнаруживалъ негодованіе про-
 тиву тѣхъ, которые безъ покрова оп-
 крывали ему истину; но за то какое
 раскаяніе показывалъ онъ послѣ, какъ
 щедро награждалъ потерпѣвшихъ въ
 такомъ случаѣ отъ его горячности?
 Я могъ бы насказать множество то-
 му примѣровъ; приведу одинъ: « Ты
 « хочешь истребить лихоимство, пи-
 « шешь указы, наказываешь корысто-

« любцевъ, а самъ берешь взятки, » говорилъ Петру Пв. Пв. Бутурлинъ ²⁹), когда, воротившись изъ втораго путешествія по чужимъ краямъ, онъ повелѣлъ изслѣдовать неустройства, случившіяся въ его отсутствіе. Государь весь измѣнился въ лицѣ. « Не гнѣвайся, а слушай далѣе, » продолжалъ Бутурлинъ: « Когда мы ѣхали черезъ Тверь, мнѣ отвели квартиру въ домѣ какой-то купчихи. За споломъ входилъ въ комнату шаросна и требуетъ ста рублей въ счетъ суммы, которую городъ опредѣлилъ поднести тебѣ въ подарокъ. Не имѣя денегъ, она проситъ подождать; но староста настаиваетъ: или сейчасъ деньги, или въ тюрьму. Она отдастъ съ себя жемчугъ; но онъ остается при своемъ требованіи, и бѣдняжку вѣрно отвели бы, когда бы я не

«сеудиль ее своими. Вотъ тебѣ до-
«бровольной подарокъ.» — ПЕТРЪ
обнялъ Бушурлина, обдарилъ его, ве-
лѣлъ возвратить взяшья деньги и при-
нялъ мѣры, чтобъ впредь не случалось
болѣе подобныхъ безпорядковъ.

Во время своего пребыванія въ Пе-
тербургѣ, Царь жилъ лѣтомъ во двор-
цѣ Лѣтняго сада, зимою въ Зимнемъ,
находившемся на томъ мѣстѣ, гдѣ ны-
нѣ Эрмишажъ 30). Онъ ложился въ 10
часовъ, вспавалъ лѣтомъ и зимою въ
при утра, и ходилъ часъ по комнапѣ;
чипалъ въ эшо время С. Петербург-
скія вѣдомости, которыми иногда самъ
держалъ корректуру, или пересмапри-
валъ въ рукописи переводы книгъ, сдѣ-
ланные по его повелѣнiю. ПЕТРЪ зналъ
хорошо по Латынѣ, по Нѣмецки и по
Голландски, и понималъ Французскiй
языкъ, хошя не могъ на немъ изъ-

ясняться 31). Осперманъ и Пасторъ Глюкъ переводили съ Нѣмецкаго 32); Кононъ Зошовъ, Волковъ и Гарлицкій съ Французскаго; Шафировъ и Копіевичъ съ Голландскаго, а съ Лапынскаго также Копіевичъ и Новгородскіе монахи подъ руководствомъ Осифана Прокоповича. Ни одна книга не выходила изъ печати, не бывъ пересмотрѣнною самимъ Государемъ. Въ 4 или 5 часовъ Петръ, безъ чаю и кофею, выпивъ рюмку анисовой водки, отпраплялся съ проспѣю въ одной и записною книжкою въ другой рукѣ, смотрѣть производившіяся въ Петербургѣ работы, а послѣ того въ свой натуральный кабинетъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Смольный монастырь, или въ Адмиралтейство. Однажды назначилъ онъ вновь пріѣхавшему въ Петербургъ Брандебургскому посланнику Фонъ Принцу

приемную аудиенцію въ 4 часа утра 33). Аудиенція сія была вѣрно единственная въ своемъ родѣ. Посланникъ, не полагая, чтобъ Государь вставала такъ рано, думала, что не опоздастъ явившись во дворецъ въ пять; но уже не заспала ПЕТРА. Онъ былъ на верфи и работалъ на марсѣ какого-то военного корабля. Фонъ Принцъ, имѣвшій важныя порученія и не могшій вступить въ переговоры съ Рускими министрами, не видавъ Царя, принужденъ былъ отправиться въ слѣдъ за нимъ въ адмиралтейство. « Пусть побезпокоится взойти сюда, если не умѣлъ найти меня въ назначенный часъ въ аудиенцъ-залъ, » сказала ПЕТРЪ, когда ему доложили о приѣздѣ. Посланникъ принужденъ былъ, по веревочной лѣстницѣ, взбираться на грошъ-мачуху, и Государь, сѣвъ на

бревно, принявъ отъ него вѣрющую грамашу и обыкновенныя при подобныхъ случаяхъ привѣспивія подъ открытымъ небомъ, на корабельномъ марсѣ.

Въ шесть или семь часовъ Петръ отправлялся въ сенатъ или копорую нибудь изъ коллегій и оставался тамъ до одиннадцати 34), слушалъ дѣла и споры сенаторовъ, излагалъ свои мнѣнія, подписывалъ на дѣлахъ рѣшенія. Дѣятельность его при семь случаевъ достойна удивленія. Одинъ современный писатель 35) говоритъ, что онъ въ одинъ часъ дѣлалъ болѣе, нежели другой успѣлъ бы сдѣлать въ четыре. За то Государь умѣлъ и беречь время. Это примѣнно въ его разговорахъ, указахъ, писмахъ и во всемъ, что выходило изъ подъ его пера. Нигдѣ не найдете больше ясности и менѣе мно-

гословія. 16 Марта 1711 года³⁶), отпра-
 вляясь въ Прусскій походъ, написалъ
 онь о совершенно разныхъ предметахъ
 32 собственноручныхъ указа въ се-
 напъ, изъ коихъ ни одинъ не зани-
 малъ болѣе чепырехъ спрокъ. Въ 11
 часовъ ПЕТРЪ обыкновенно уходилъ
 изъ сената, при чемъ подносили ему
 рюмку анисовой водки и крендель³⁷).
 Время до полудня назначено было для
 пріема просителей. Государь давалъ
 имъ аудіенцію въ средней галлерей
 лѣшняго сада, построенной на берегу
 Невы³⁸), или въ хорошую погоду въ глав-
 ной аллеи. Туда могъ приходишь вся-
 кій: и богатый и неимущій, и знап-
 ный вельможа и человекъ простаго
 званія. ПЕТРЪ отбиралъ у просише-
 лей прозбы, выслушивалъ ихъ жа-
 лобы и немедленно давалъ свои рѣ-
 шенія. Въ 12 часовъ вороша лѣшняго

сада запирались 39). Царь садился за столъ и всегда почти обѣдалъ въ своемъ семействѣ. Чѣмобъ кушанья не проспывали, столовая его была обыкновенно рядомъ съ кухней; поварь передавалъ въ первую блюда прямо изъ печи, чрезъ окошечко, и всегда одно за другимъ, а не вмѣстѣ. Молодой радисъ, лимбургскій сыръ, шарелка щей, студень, вешчина, каша и жареная утка въ кислому соусу, который приправлялся лукомъ съ огурцами или солеными лимонами, были любимыми блюдами Петра, необходимымъ условіемъ его обѣдовъ 40). Мозельскія, венгерскія вина и вино эрмитажъ предпочиталъ онъ всѣмъ прочимъ. У прибора его клались всегда деревянная ложка, оправленная слоновою костью, ножикъ и вилка съ зелеными косяными черенками, и дежурному деньщику

вмѣнялось въ обязанность носить ихъ съ собою и класъ передъ Царемъ, если даже ему случалось обѣдать въ гостяхъ 41).

Петръ не терпѣлъ многочисленной услуги и вообще называлъ лакеевъ шпионами, которые худо слышатъ, а еще хуже рассказываютъ слышанное 42). Дежурный деньщикъ служилъ Государю, Императрицѣ и Великимъ Княжнамъ. Онъ находился при Царѣ безоплучно днемъ и ночью; былъ довѣренною его особою и занималъ мѣсто камердинера, адъютанта, секретаря. Въ послѣдніе годы своего царствованія Петръ имѣлъ слѣдующихъ деньщиковъ 43): Афанасія и Алексѣя Тапищевыхъ, Ив. Мих. Орлова, Мурзина, Поспѣлова, Алекс. Борис. Бушурлина, любимца Имп. Елисаветы Петровны; Андрея Конст. Наршова, кошорый училъ его

почить; наконецъ Древника, взяшаго въ Гамбургъ, и Василя Нелюбохшова, который прежде былъ придворнымъ пѣвчимъ. Для дальнихъ посылокъ употребляемы были Шемякинъ и Чебошаевъ, а для спальныхъ услугъ камердинеръ Полубояровъ. Государь столько любилъ деньщиковъ своихъ, что часто въ большихъ собраніяхъ, прервавъ важный разговоръ, обращался къ нимъ и шутилъ съ ними по цѣлымъ часамъ 44). Вообще Петръ ѣлъ мало вдругъ, не былъ разборчивъ въ пищу, и не терпѣлъ причудъ въ другихъ. Такимъ образомъ онъ охотно поилъ тѣхъ, кои припворялись, что не могутъ употреблять вина; кормилъ сыромъ, и устрицами особъ, которыми сіи кушанья были противны; и сколько любилъ щекопать боявшихся этого, что многіе припворялись таковыми,

жеманились и смѣялись отъ души, когда ихъ щекошали, чпобъ только угодить Государю 45). Онъ садился за споль по нѣскольку разъ въ день, и если ему случалось заходить куда нибудь въ послѣ-обѣденное время, то хозяинъ вышелъ къ нему на встрѣчу, приводилъ его прямо въ комнашу, гдѣ накрытъ былъ споль съ разными холодными кушаньями. Впрочемъ, пріемъ такого рода дѣлался не для одного Царя, а былъ въ нравахъ тогдашняго времени.

Откушавъ, Петръ обыкновенно читалъ Голландскія газеты и дѣлалъ на поляхъ замѣчанія карандашемъ, съ означеніемъ, чпо должно переводить въ С. П. бургскія вѣдомости 46); потомъ уходилъ на свою яхту, споявшую передъ дворцемъ, ложился тушь и опдыхалъ часъ или

два. Иногда, во время торжественныхъ обѣдовъ онъ для этого вспаваль изъ застола, приказавъ однакожь гостямъ не расходиться прежде его возвращенія 47). Въ чепыре часа уходиль онъ въ шокарную или въ кабинетъ: сюда приходили къ нему по дѣламъ 48) канцлеръ графъ Головкинъ, вице-канцлеръ баронъ Шафировъ и Т. С. Осшерманъ, генераль-прокуроръ Ягушинскій, генераль-фельдцейгмейстеръ графъ Брюсъ, графъ П. А. Толстой, сенаторъ князь Я. Ѳ. Долгорукій, князь Меншиковъ, генераль-полицмейстеръ Девиеръ, или другой кшо нибудь изъ его министровъ. Одни только князь Ромодановскій и фельдмаршалъ Шереметевъ могли входить безъ доклада; ихъ однихъ Государь всегда провожалъ до двери своего кабинета; всѣ прочіе, даже сама Императрица

Екатерина Алексѣевна, должны были напередъ сказаться 49.) Окончивъ дѣла государственныя, ПЕТРЪ развертывалъ свою записную книжку, въ которой ошмѣчалъ все, что ему приходило въ шопъ день на мысль, и, удостовѣрившись, что все означенное въ ней исполнено, остальное время дня посвящалъ собственнымъ занятіямъ.

Ничпо не поселишь въ васъ сколько уваженія къ памяти ПЕТРА, сколько сіи занятія, предпринимаемыя безъ свидѣтелей, или иногда въ мирномъ кругу немногихъ, искренно преданныхъ Царю особъ, раздѣлявшихъ съ нимъ его труды. По дѣятельности ПЕТРА, по его любви ко всему полезному вы можете судить сколько занятія сіи были разнообразны: но не смотря на это разнообразіе, всѣ имѣли одну, постоянную, неизмѣнную

цѣль. Хошители знашь ее? — « Тру-
 « дисься надобно, братаецъ,» говорилъ
 ПЕТРЪ ИВ. ИВ. Неплюеву, когда опре-
 дѣлялъ его лейпенаптомъ во флоть ⁵⁰⁾,
 « я и Царь вашъ, а у меня на рукахъ мозо-
 « ли, а все для того, чѣмъ показашь
 « вамъ примѣръ, и хошябъ подь старость
 « увидѣшь мнѣ достойныхъ изъ васъ
 « помощниковъ и слугъ опечесству.»

Площадь, извѣстная нынѣ подь име-
 немъ Царицына луга, усажена была
 во время ПЕТРА деревьями въ нѣ-
 сколько аллей ⁵¹⁾. Между деревьями раз-
 бросаны были небольшіе домики съ
 песовыми крышками, принадлежав-
 шіе собственно ПЕТРУ. Въ одномъ
 изъ нихъ содержался слонъ и два льва,
 привезенные въ Пестербургъ въ 1714
 году изъ Персіи тамошнимъ нашимъ
 посланникомъ Волинскимъ; въ дру-
 гомъ посавленъ былъ славный Гоп-

шторпскій глобусъ, имѣвшій до 14 футовъ въ діаметръ и подаренный Петру Первому въ 1715 году правителемъ герцогства Голштинскаго; въ прешпьемъ домикѣ находились машемашинскіе инструменшы, нѣсколько минераловъ, небольшой физической и анатомической кабинеты. Тутъ въ одномъ углу стоялъ покарный станокъ; въ другомъ лежали мѣдныя доски съ приборомъ для рѣзанія на мѣди и гравированія; въ прешпьемъ модели различныхъ машинъ; на полу разбросаны были орудія, необходимыя для плотника, столяра, слесаря. Здѣсь, послѣ краткаго отдохновенія отъ дневныхъ трудовъ, Государь проводилъ почти ежедневно по нѣскольку часовъ за работою.

Море было любимую стихіею Петра. Одинъ Голландскій шхиперъ сказалъ ему 52), когда Государь объявилъ, что

предпринимаетъ капанья по Невѣ, чтобы не забылъ морскихъ эволюцій : « нѣтъ, Царь, ты не забудешь, я чаю ты и во снѣ командуешь флотомъ. » Всѣ его дворцы въ Пешербургѣ и окрестностяхъ, или построены на морскомъ берегу или окружены каналами, надъ которыми онъ часнію самъ трудился. Онъ утверждалъ, что морской воздухъ есть лучшее для него лекарство отъ болѣзней, и если случалось ему занемогать въ приморскомъ городѣ, то приказывалъ переносить себя на одно изъ судовъ, стоявшихъ въ гавани. Въ Пешергофѣ, онъ говаривалъ, что ему душно во дворцѣ и въ садахъ, и всегда ночевалъ въ Монплезирѣ, омываемомъ водами Финскаго залива. Домикъ сей, построенный на Голландскій образецъ, напоминалъ ему время

его молодости, его воспитанія: на стѣнахъ развѣшены были карпины, работы Адама Сило, учителя его въ теоріи кораблестроенія; онѣ представляли виды Голландскихъ приморскихъ городовъ, и между прочимъ на одной изображенъ былъ самъ Царь на верфи Остѣ-Индской компаніи въ Амстердамѣ. Движимый сею страстію къ морю, Петръ всегда присутствовалъ при спускахъ кораблей, проводилъ по нѣсколькимъ часамъ съ зрительною трубою въ Монплезирѣ или въ Екатерининскомъ *подзорномъ* дворцѣ, ожидая прибытія купеческихъ судовъ къ Петербургу; выѣзжалъ на встрѣчу шбмъ, которые приходили къ Кроншпану, и самъ, какъ искусный лоцманъ, вводилъ ихъ въ гавань, за что получалъ отъ хозяевъ по шалеру или по кронѣ 54). Онъ позволялъ иноземнымъ шхице-

рамъ свободнын къ себѣ доступъ; охотно слушамъ рассказы объ ихъ путешествіяхъ, объ опасностяхъ плаванія по Балтійскому морю ⁵⁵), и не разъ, за кружкою вина, съ глининою трубкою въ зубахъ, проводилъ цѣлые вечера въ таковыхъ бесѣдахъ. Долго находившись въ Голландіи, Государь свелъ тамъ знакомство со многими корабельщиками: они привозили ему въ подарокъ сыръ, Императрицѣ платно, и пряники для малолѣпныхъ Великихъ Князей Петра Пешровича и Петра Алексѣевича. Царь съ своей стороны заботился о томъ, чтобъ имъ въ Петербургъ доставить все возможное удовольствіе.

Занимаясь утромъ на адмиралтейской верфи практикою кораблестроенія, онъ вечеромъ шудился надъ теорією: перечисывалъ съ капитанъ-

лейтенантомъ Мухановымъ составленныя симъ послѣднимъ правила навигаціи; черпиль на бумагѣ изображенія различныхъ судовъ; сравнивалъ ихъ размѣры; вычислялъ степень сопротивленія воды и степень глубины, потребной для разнаго рода кораблей. **Ө. А. Мухановъ** учился въ чужихъ краяхъ вмѣстѣ съ **Петромъ** мореходному искусству и сколько успѣлъ въ ономъ что прозванъ былъ Рускимъ Голландцемъ. **Петръ** говаривалъ, что онъ лучше понимаетъ оснастку корабля; но въ наукахъ, которыя нужны для моряка, уступаетъ преимущество **Өедору**. Однажды, когда они перечитывали вмѣстѣ навигацію сего послѣдняго, вышель у нихъ споръ, который положено было рѣшить на морѣ. **Мухановъ** командовалъ 50 пушечнымъ фрегашомъ **Арондель**. Въ назначенный

для состязанія день приглашены были на корабль всѣ флагманы и нѣкопорые знатнѣйшіе вельможи. Рускій Голландецъ одержалъ верхъ, и Петръ въ благодарность подарилъ корабль образомъ Спаса, а въ память того, что ночевалъ въ тошъ день въ каютѣ Муханова, отдалъ ему съ себя рубашку⁵⁶).

Изученіе мореходнаго искусства ознакомило Царя съ астрономіею, механикою и архитектурою. Онъ учился первой изъ сихъ наукъ въ 1697, у известнаго Роттердамскаго астронома Гаршзукера, и для наблюденій приказалъ себѣ выстроить небольшую обсерваторію на городскомъ валу въ Амстердамѣ. Въ Пешербургѣ Государь весьма часто проводилъ по нѣскольку часовъ вмѣстѣ съ графомъ Яковомъ Вилимовичемъ Брюсомъ въ Готторпскомъ глобусѣ, разсматривая обращеніе

небесныхъ свѣтилъ, изображенныхъ на внутреннихъ онаго стѣнахъ. Въ 1715 году 57), по случаю солнечнаго затмѣнія, онъ для предупрежденія всякихъ шолоковъ, за мѣсяць до затмѣнія, издалъ объ этомъ указъ; построилъ надъ домикомъ, гдѣ былъ глобусъ обсерваторію, и въ день затмѣнія, приказавъ собраться на Царицынъ лугъ сенату, членамъ коллегій, канцелярскимъ служителямъ и особенно духовенству, провелъ шуть цѣлый день, подводя каждого къ трубѣ для наблюденій и объясняя причины видѣннаго явленія.

Искусный въ корабельной и въ военной архитектурѣ, Петръ имѣлъ также понятіе о гражданской. Почитаю излишнимъ говорить, сколь много способствовалъ онъ приращенію Петербурга, имъ самимъ основаннаго. Самъ составлялъ и чертилъ планы строи-

мыхъ шупъ домовъ; любилъ, когда его приглашали къ закладкѣ оныхъ, и съ чистымъ, душевнымъ удовольствіемъ осушалъ задравные кубки въ честь хозяина и архитектора, обыкновенно испиваемые въ такихъ случаяхъ.

Механика была одною изъ любимыхъ наукъ Петра. Онъ практически занимался ею въ Амстердамѣ у знаменитаго Фанъ - деръ - Геидена ⁵⁸); трудился у него надъ дѣланіемъ часовъ и въ знакъ признапельности оставилъ ему нѣсколько моделей своей работы. Вообще онъ былъ самый послушный и понятливый ученикъ, безъ ропота исполнялъ самыя трудныя порученія, переносилъ суровыя выговоры. Вошь тому доказательство. Герцогу Марльборугу, находившемуся въ Голландіи въ 1697 году, хотѣлось видѣть Петра. Онъ прѣѣхалъ нарочно изъ Ло въ Ам-

спердамъ и явился для этого къ хо-
зяину, у котораго Царь былъ въ уче-
ни 59). Домъ сего мастера находил-
ся на берегу залива Эй: передъ окна-
ми между плотниками работалъ ПЕТРЪ.
« Я назову его по имени, » сказалъ
мастеръ Марльборугу, « онъ оборо-
тился и вы успеете свободите раз-
смотримъ его. » Въ это время нѣ-
сколько человекъ пронесли на плечахъ
большое бревно. « ПЕТРЪ изъ Заандама,
« чиножь ты зѣваешь? поди помогаешь
« другимъ, » продолжалъ мастеръ обра-
щаясь къ Царю. Государь шопчасъ
вспалъ, бросилъ шопоръ, и подспа-
вивъ плечо свое подъ бревно, перенесъ
его съ другими въ надлежащее мѣсто.
Въ другой разъ въ Заандамѣ въ сен-
тябрь того же года 60) случилось ему
проходить мимо пыльной мельницы.
ПЕТРУ показалось, что она дѣлаетъ

вуеть медлѣнно; онъ хопѣлъ что-то въ ней поправишь: но опъ того ли, что забылъ опустить щипы и тѣмъ оспановишь воду, или что захопѣлъ сдѣлать это слишкомъ поспѣшно, чуть было не испортилъ колесъ и самъ не попалъ подъ оныя. «Лучше бы тебѣ «оспавашься въ своей Московіи, не «жели прїѣзжаешь сюда мѣшаешься не «въ свое дѣло и причиняешь убытокъ «честнымъ людямъ,» сказалъ ему подоспѣвшій хозяинъ мельницы. Царь, не отвѣчавъ ни слова, ушелъ съ популеннымъ взоромъ; но черезъ нѣсколько дней прислалъ мельнику богатый подарокъ съ прозьбою бышь къ нему впередъ снисходительнѣе.

Анапомія, медицина, а особенно хирургія и натуральная исторія также занимали досуги Петра. Онъ слушалъ курсъ въ первой изъ сихъ наукъ въ

Амстердамъ въ 1697 году у навѣстнаго своею ученостію профессора Рюйша⁶¹); для избѣжанія толпы любопытныхъ, собиравшихся на городскихъ улицахъ, чшобъ видѣть его, нанялъ для себя комнату въ гостиницѣ Св. Петра, рядомъ съ домомъ профессора, и приказалъ на свой счетъ сдѣлать между сими двумя зданіями коридоръ, слѣды коего до сихъ поръ еще видны. Онъ купилъ у Рюйша его анатомическій кабинетъ, который вмѣстѣ съ собраніемъ аптекаря Себа составилъ собственный его кабинетъ натуральной исторіи (нынѣшній музей Императорской академіи наукъ): раза два или три въ недѣлю Петръ посѣщаль оный, пополнялъ шѣлами уродовъ, разными живошными и распѣніями, изъ коихъ нѣкоторыя находилъ самъ, и всегда присутствовалъ при анапо-

мическихъ операціяхъ, дѣланныхъ въ его время въ Пестербургѣ.

Любовь Петра въ хирургіи была слѣдствіемъ познаній въ анатоміи. Однажды, гуляя по масляному рынку въ Амстердамѣ, въ 1697 году, оспановился онъ у лавки одного шарлатана, который дошелъ до такого совершенства, что рвалъ зубы ручкою чайной ложки, концемъ шпаги, и т. п. Государь призвалъ его къ себѣ (2), велѣлъ ему повторить опыты своего искусства, и послѣ нѣсколькихъ уроковъ, не уступалъ уже своему училелю. Уроки сіи бралъ онъ въ шпакширѣ подъ вывѣскою слона, на площади маслянаго рынка, и вмѣсто того, чтобъ получать по грошу съ шѣхъ, которые приходили къ нему рвать себѣ зубы, какъ это обыкновенно дѣлалось, онъ самъ платилъ имъ по шилингу. Еще и шеперь

хранится въ музеумъ Императорской академіи наукъ цѣлый мѣшокъ зубовъ, вырванныхъ самимъ Государемъ.

Во второе путешествіе свое по Голландіи, ПЕТРЪ свелъ знакомство съ Боэргавомъ, который тогда былъ ректоромъ Лейденскаго университета, и почерпалъ отъ него новыя свѣденія въ медицину и ботанику: гербарій ПЕТРА существуетъ до сихъ поръ ⁶³⁾: при каждомъ расцвѣтіи Государь отмѣчалъ собственноручно день, въ который оно имъ сорвано, и мѣсто, гдѣ найдено. Онъ всегда носилъ въ карманахъ два футляра ⁶⁴⁾, одинъ съ математическими, другой съ хирургическими инструментами. Кроме того что рвалъ зубы, онъ пускалъ кровь и даже въ 1723 году произвелъ операцію надъ женою Голландскаго купца Борста ⁶⁵⁾, которая страдала водяною болѣзнию. Когда случа-

лось въ гошпиталяхъ опрѣзывать кому нибудь руку или ногу, онъ всегда при этомъ присутствовалъ и самъ перевязывалъ раны страдающимъ.

Но я никогда не кончилъ бы, если бы захопѣлъ исчислять все роды упражненій Императора Петра I, если бы вздумалъ подробно рассказывать какъ онъ шкалъ въ Упрехтѣ на фабрикахъ Моллема полошно, ковалъ желѣзо на заводѣ Миллера не подалеку отъ Истецкихъ минеральныхъ водъ и бралъ за пудъ по алпыну; какъ работалъ у разныхъ слесарей, стекольщиковъ, и т. п. Довольно если скажу, что не было науки, не было ремесла, которыми бы онъ не занимался, или по крайней мѣрѣ, о коихъ не имѣлъ бы яснаго понятія. Здѣсь упомяну еще о занятіяхъ, которымъ онъ особенно посвящалъ свои досуги въ послѣдніе годы своей жизни,

а именно, о шокарномъ искусствѣ и о вырѣзываніи на мѣди.

Токарное искусство любилъ онъ сполько, что въ каждомъ изъ дворцевъ своихъ имѣлъ особенную комнату съ шокарнымъ спанкомъ и даже возилъ его съ собою въ дорогѣ. Токарную комнату Государь называлъ мѣстомъ опдыха, и, чтобы избавишься отъ безпокойныхъ посѣпителей, прибилъ къ дверямъ слѣдующую собственноручную надпись: *кому не приказано, или кто не позванъ, да не входитъ сюда, не токмо посторонній, но ниже служитель дома сего, дабы хозяинъ хотя сіе мѣсто имѣлъ покойное* ⁶⁶), Здѣсь производились всѣ государешвенныя шапны; здѣсь, вручая инструкціи отпраляемымъ за границу посламъ, Петръ давалъ имъ прощальный поцѣлуй въ голову; здѣсь изливалъ онъ

милости на достойныхъ и хозяйски наказывалъ виновныхъ. Если случалось кому нибудь изъ знатнѣйшихъ вельможъ проступиться въ важномъ дѣлѣ, а особенно въ лихоимствѣ, онъ, выславъ всѣхъ изъ комнаты, призывалъ его къ себѣ, запиралъ двери и наказывалъ дубинкою изъ своихъ рукъ, говоря, что поступаетъ въ семъ случаѣ не какъ Императоръ съ подданными, а какъ отецъ съ дѣтьми, которыхъ надобно исправлять. Никто не зналъ никогда о семъ исправленіи: пошергѣвшій наказаніе выходилъ изъ токарной съ веселымъ лицомъ, и Государь, который вовсе не былъ злопамятенъ, чтобъ не данъ постороннимъ примѣтить происходившаго, или провожалъ исправленнаго до двери, или приглашалъ его къ себѣ, или самъ отпраплялся къ нему посидѣть, и обходился съ

нимъ, какъ будно бы ничего не бывало. П е т р ь работалъ за шокарнымъ станкомъ всегда почти подъ надзоромъ мастера Андрея Нарпова, котораго любилъ чрезвычайно. Онъ оставилъ попомещеу драгоценныя плоды своихъ трудовъ. Большая часть вещей, выточенныхъ имъ изъ кости, заключаеися въ наикадиллахъ или другихъ предметахъ, служащихъ къ украшенію храмовъ Божіихъ. Особенно любилъ онъ трудиться надъ изображеніемъ святыя Екаперины, котораго до насъ дошло слишкомъ десять экземпляровъ.

Предметы для вырѣзыванія на мѣди были совсѣмъ другаго рода. Государь изображалъ на оной достопамятныя случаи своего царствованія. Вообще П е т р ь чувствовалъ цѣну великихъ дѣлъ своихъ, и гордился ими, попому

что видѣлъ въ нихъ благо Россіи. Онъ охотно говорилъ о своихъ походахъ, о сраженіяхъ, въ которыхъ участвовалъ; охотно рассказывалъ объ опасностяхъ, которымъ подвергался на сушѣ и на морѣ, и съ особеннымъ удовольствіемъ распространялся о томъ времени, когда онъ въ 1716 году командовалъ на Балтійскомъ морѣ флотами четырехъ державъ: Англійскимъ, Голландскимъ, Датскимъ и Россійскимъ. Обыкновенно былъ онъ молчаливъ, говорилъ охриписто, изъяснялся коротко; шупъ румянецъ выступалъ на блѣдное лице, въ глазахъ блистали радостныя слезы; слова лились рѣкою, и одна мысль беспро смѣняла другую. Съ какимъ жаромъ описывалъ онъ выгоды, которыхъ ожидалъ отъ учрежденія 12 коллегій, мечты о благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ

просвѣщенія, насаждаемаго имъ въ Россіи! Какъ сильно опровергаль пристрастные сужденія иностранцевъ, называвшихъ его жестокимъ, шираномъ, варваромъ! Онъ любилъ изображать себя въ видѣ каменьщика, обтесывающаго молотомъ обрубокъ мрамора, до половины обдѣланный, или кормщика, приведшаго чолнъ чрезъ бурю и уже близкаго къ благополучной пристани, цѣли постоянныхъ его трудовъ и пламенныхъ желаній. Самъ изобрѣпалъ и вырѣзывалъ большую часть медалей, при немъ вычеканенныхъ, и всегда соспавлялъ прозрачныя картины фейерверковъ, которыми оканчивалъ свои праздники. Картины сіи относились къ полипическимъ происшествіямъ того времени, изображали въ иносказательномъ видѣ или побѣды Россійскаго оружія, или

успѣхи Рускихъ въ просвѣщеніи и гражданской образованности.

Я представилъ одного Петра: въ другое время постараюсь показать нѣкоторыя черты его семейственной жизни.

ОБЪ УВЕСЕЛЕНІЯХЪ РУСКАГО ДВОРА ПРИ ПЕТРѢ І.

Вѣкъ Петра І есть одна изъ любопытнѣйшихъ эпохъ въ исторіи нашихъ нравовъ. Царствованіе его представляетъ странную борьбу между обыкновеніями, освященными временемъ, и обычаями прививными, вывезенными изъ за - моря; смѣсь прежнихъ полуазіатскихъ обыкновеній, со вновь вводимыми полугерманскими. Въ доказательство опишу тогдашнія увеселенія Рускаго двора, имѣвшія непосредственное вліяніе на начало и забавы нашихъ обществъ.

Свѣтскія общества, въ которыхъ участвовали мужчины и женщины,

начались при Петрѣ Великомъ. Государь ввелъ оныя, справедливо полагая, что ничто болѣе обращенія съ женщинами не можешь благопріятствовать развитію нравственныхъ способностей Рускаго народа. Чшобъ сблизить всѣ состоянія, дворъ давалъ праздники, учреждалъ гулянья, маскарады. Торжественные дни и воспоминанія о побѣдахъ, копорыя были часты въ блистательное царствованіе Петра, не рѣдко подавали къ тому поводъ. Въ то время указами предписываемо было участвовашь въ забавахъ двора, и такимъ образомъ жили споліцы съѣзжались часто, ибо одна только болѣзнь извиняла отсутствующихъ.

Придворные праздники дѣлились на лѣтніе и зимніе. Первые давались въ царскомъ и царицыномъ саду (нынѣ-

шіе лѣшніе — верхній и нижній); послѣдніе сперва въ царской австеріи или гостинницѣ, которая находилась у самага канала, окружающаго Петропавловскую крѣпость, подлѣ воротъ, не подалеку отъ Троицкаго собора; потомъ въ сенашѣ на Петербургской сторонѣ, или на почтовомъ дворѣ (тамъ, гдѣ нынѣ Мраморный дворецъ). Иногда сзывали гостей барабаннымъ боемъ или афишками; иногда, послѣ обѣдни въ соборѣ Св. Троицы, желтый флагъ съ изображеніемъ двуглаваго орла, держащаго въ когтяхъ четыре моря (Бѣлое, Балтійское, Черное и Каспійское), выставленный на одномъ изъ бастіоновъ Петропавловской крѣпости, и пушечные выстрѣлы, возвѣщали жителямъ столицы, что должно собираться послѣ обѣда въ садъ. Чиновныя особы, дворяне,

канцелярскіе служители, корабельные масшера и даже иностранные машпросы, имѣли право приходить сюда съ женами и дѣтьми. Въ 5 часовъ по полудни являлись въ садъ Государь и вся Императорская фамилія. Въ то время, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится рѣшетка сада, поспрошены были три галлерей: посѣпшители прѣвѣжали къ саду въ лодкахъ, и привязавъ оныя къ кольямъ на берегу Невы, взбирались по узкимъ пропшнкѣ къ средней галлерей. Тутъ Государыня и Великія Княжны, держась шарпшного обыкновенія, какъ хозяйки сада, подносили знатнѣйшымъ изъ гостей по чаркѣ водки или по кружкѣ вина. Императоръ же, черная большими деревянными ковшами изъ ушаповъ, несомыхъ за нимъ двумя гренадерами, угощаль такимъ образомъ гвардію, полки Преображенскій

и Семеновскій, которые строились на Царицыномъ лугу. Прочимъ посѣпителямъ предоспавлено было самимъ черпать изъ бочекъ съ пивомъ, водкою и винами, копорыя стояли въ споронѣ отъ главныхъ аллей. Послѣ того каждый могъ забавляться по произволу. Одни гуляли по саду; другіе оспавались въ галлереяхъ, гдѣ были пригоспавлены полдникъ, въ средней галлерей сахарныя закуски для дамъ, въ боковыхъ холодныя блюда для мужчинъ. Иные садились въ разныхъ углахъ сада за круглыя столики, на копорыхъ находились трубки съ табакомъ и деревянными спичками, или бушылки съ винами. Болѣе всего замѣчательны господствовавшія на сихъ праздникахъ непринужденность и простота въ обращеніи, оплщительныя черпы общеспвъ во время Петра I.

Казалось всё были заняты однимъ же-
 ланіемъ веселиться и забывали о
 различіи состояній. Самъ Государь,
 отбросивъ весь экипепъ, обходился
 со всеми, какъ съ равными: иногда,
 сидя съ трубкою за столомъ съ маш-
 росами, въ главной аллеѣ, на вто-
 рой площадкѣ отъ Невы, у большаго
 фоншана, говорилъ онъ о трудно-
 стяхъ морской службы, или ходя съ
 нѣкопорыми подъ руку по длиннымъ
 аллеямъ сада, рассказывалъ о своихъ
 походахъ. Въ другое время разсуждалъ
 о богословскихъ предметахъ съ духо-
 вными, собиравшимися въ дубовой ро-
 щѣ подлѣ дворца, или велъ перегово-
 ры съ иностранными министрами.
 Съ наступленіемъ вечера, садъ освѣ-
 щался. Начинались танцы въ ал-
 леехъ, или въ дождливое время, въ
 галлерейхъ сада. Праздникъ оканчи-

вался фейерверкомъ, или, какъ сіе тогда называли, *огненною потѣхою*, зажигаемою на судахъ, расположенныхъ на Невѣ. Тутъ, между прочимъ, горѣли всякій разъ прозрачныя каршины съ аллегорическими изображеніями, приличными предмету празднуемаго торжества. Во все время праздника ворота сада были заперты; никто не смѣлъ уйти оупъ онаго прежде Государя, безъ особеннаго на шо позволенія.

Главныхъ побѣдныхъ праздниковъ было чепыре: 27 іюня въ память Полтавской битвы, 9 августа въ воспоминаніе взятія Нарвы, 28 сентября въ память сраженія подь Лѣснымъ, и наконецъ 18 октябрия, въ который торжествовали побѣду подь Калишемъ. Здѣсь упомяну о двухъ, болѣе доспойныхъ вниманія: объ одномъ, кошорый

данъ былъ 27 іюня 1721 года въ воспоминаніе Полтавской побѣды, и другомъ, по случаю заключеннаго въ Нейшпандъ мира. Въ первый служили молебенъ въ открытой палаткѣ, предъ соборомъ Св. Троицы. У входа палатки стоялъ Государь съ эспоншономъ въ одной и просирѣленную шляпою въ другой рукѣ, и въ томъ же плащѣ, которое носилъ во время сраженія: въ зеленомъ мундирѣ съ небольшими красными обшлагами и старою лядункою чрезъ плечо, и въ зеленыхъ чулкахъ съ башмаками на высокихъ каблукахъ; позади находились подполковники гвардіи: фельдмаршалъ князь Меншиковъ и генераль - лейтенантъ Бутурлинъ. Императрица съ Царицею Прасковьею Федоровною и придворными дамами расположилась въ близлежащемъ домѣ на балконѣ. Во весь день

производилась пушечная пальба съ помощи царскаго фрегата, споявшаго на Невѣ противъ льпняго сада. Въ вечеру послѣ гулянья и танцевъ въ семь саду, данъ былъ фейерверкъ, въ которомъ аллегорическія карикши изображали успѣхи Рускаго оружія противъ Шведовъ.

Праздники 5 сентября и 22 октября 1721 года, данные въ С. Пешербургѣ, по случаю Ценишашскаго мира, отличались необыкновеннымъ великолѣніемъ. При полученіи о семь извѣстія, герольды въ рыцарскомъ одѣянн съ бѣлыми перевязями черезъ плечо и бѣлыми знаменами, на которыхъ изображена была увѣчанная лаврами масличная вѣшьвь, и музыканты съ лищаврами и трубами, возвѣщали на всѣхъ улицахъ ошъ ушра до вечера о пред-

стоящемъ торжествѣ. Въ день праздника собрались въ соборѣ Св. Троицы Царь со всею фамиліею и значнѣйшіе чины; кругомъ церкви выспрошены были находившіеся въ Петербургѣ полки, а за ними шло множество народа. Когда кончилась обѣдия, Петръ въ Преображенскомъ мундирѣ съ Андреевскою лентою чрезъ плечо, взошелъ на высокіи помостъ передъ церковью, снялъ шляпу, и поклонившись народу, произнесъ громкимъ голосомъ: «Здравствуйте православые! благодарите Бога. Онъ кончилъ трудную войну, продолжаясь 21 годъ и даровалъ намъ со Швеціею вѣчный миръ.» За сѣмъ, велѣвъ подать себѣ ковшъ вина изъ большихъ каден, копорыя стояли передъ помостомъ, и повпоривъ: «Здравствуйте любезные! да помо-

« жеть намъ Богъ подь сѣнію мира
 « прудиться для пользы и прибытка
 « вашего и облегчить тягосши, поне-
 « сенныя вами въ войнѣ; здравствуй-
 « те, » выпилъ за здоровье народа.
 Громкія восклицанія признапель-
 ныхъ Россіянъ служили отвѣтомъ
 Монарху, который весь тотъ день
 провелъ на Троицкой площади, уча-
 ствуя въ народныхъ увеселеніяхъ,
 и опложивъ споржество мира до 22
 октябрия. Въ сей день, по опитіи
 божественной литургіи, также въ
 Троицкомъ соборѣ, прочтена была ра-
 шификація мирнаго договора съ Шве-
 цією. Теофанъ произнесъ слово, въ
 которомъ исчислилъ все дѣла Петро-
 вы, его военные подвиги и граждан-
 скія добродѣтели, приглашалъ народъ
 увѣковѣчить достопамятнѣйшій тотъ
 день, изъявивъ Монарху должную при-

знательность. По слову Архипастыря главнѣйшее духовенство, сенать и знатнѣйшее дворянство, приблизились къ ПЕТРУ. Канцлеръ графъ Гаврила Ивановичъ Головкинъ, какъ старшій, выступилъ впередъ, благодарилъ ПЕТРА отъ имени всѣхъ подданныхъ за дарованное имъ Россіи просвѣщеніе, за распространеніе ея владѣній, за силу и богатство, которымъ онъ положилъ начало, и заключилъ прозьбою всѣхъ, чѣмъ онъ принялъ названіе ПЕТРА Великаго, Отца отечества, Императора Всероссійскаго, *дабы потомки не упрекали насъ въ равнодушій къ великимъ подвигамъ ПЕТРА.* Едва онъ кончилъ, какъ громкія восклицанія народа внутри и вѣнъ церкви, ура! вивать! да здравствуетъ Императоръ ПЕТРЪ! раздались въ воздухъ. Звуки трубы и лишавровъ,

барабанный бой, пальба съ адмиралшенства, крѣпости и 125 галеръ, споявшихъ на Невѣ, и выстрѣлы 23 полковъ, расположенныхъ на Троицкой площади, какъ будто освящали желаніе народа.

По окончаніи торжества, дворъ, иностраные министры и все знаиѣйшія особы обоого пола отправилась въ домъ сената. Мужчины были въ праздничныхъ кафтанахъ, дамы въ плашьяхъ, шипыхъ золотомъ и серебромъ, съ великолѣпными головными уборами. Одна только вдовствующая Царица Прасковья, супруга Юана Алексѣевича, сохраняла право одѣваться по старинному обыкновенію, т. е., въ черной бархатной шубейкѣ съ мѣховою шапкою на головѣ. Послѣ пышнаго стола, который былъ накрытъ на 1000 кувершовъ, раздавались

золотыя медали, выбитыя по случаю мира изъ Русскаго золота. Праздникъ кончился шанцами, за коими послѣдовалъ великолѣпный фейерверкъ. Между прочимъ представлялся шупъ храмъ Януса, освѣщенный 20.000 разноцвѣтныхъ огней, и два воина, копорые, зашворивъ врага онаго, подали другъ другу руки въ знакъ примиренія. За храмомъ, въ нѣкопоромъ отдаленіи, видны были на волнахъ снѣющагося моря корабли, надъ коими леталъ голубъ съ масличною вѣтвию, а впереди на высокихъ подмосткахъ, лежали для народа жареные быки съ позлащенными рогами; по сторонамъ были фонтаны бѣлаго и краснаго вина.

Въ орденскіе кавалерскіе праздники, одинъ изъ кавалеровъ (обыкновенно Мешиковъ) давалъ обѣдъ; всѣ

же другіе угощали другъ друга шремъ кружками вина: одну вышивали за благоденствіе флота и войска, другую за здоровье всѣхъ кавалеровъ, шретью за здоровье хозяина. Число кавалеровъ въ сполницѣ опредѣляло число кубковъ, осушенныхъ ими въ шаковые дни.

Любимою забавою ПЕТРА было кашанье въ лодкахъ. Кашанья дѣлились на лѣшнія и зимнія, на общія и частныя. Извѣстно, что въ ПЕШЕРБУРГѢ во все время царшвованія ПЕТРА не было на НЕВѢ мостовъ. Государь роздалъ всѣмъ для переправы суда, написавъ собственноручно инструкцію для управленія оными. Первокласнымъ вельможамъ подарено было по яхтѣ, по буеру и по двѣ шлюпки, одной въ 12, другой въ 4 весла. Прочимъ изъ жишелей менѣе, смотря по чинамъ. Каждый

хозяинъ обязанъ былъ содержать суда свои въ цѣлости и отвечать за нихъ. Въ назначенный для кананья день, выставляли въ чепырехъ концахъ города флаги: все суда, подъ опасеніемъ значительнаго штрафа, должны были собраться близъ Петропавловской крепости у авешеринъ 4 фрегатовъ, не подальку отъ Троицкаго моста. По пушечному выстрѣлу флотилія сія выступала въ походъ. Адмиралъ Анракениъ открывалъ шествіе съ своею яхтою, имѣвшею для отличія красный съ бѣлымъ флагъ. Никто не смѣлъ опередить его или уѣхать безъ его позволенія. Послѣмъ слѣдовала Императорская шлюпка, гдѣ находились Государыня и Великія Княжны, а рулемъ правилъ самъ Петръ, одѣтый въ бѣлое мажорское платье; а за сею шлюпкою прочія безъ разбора. На нѣкоторыхъ

лодкахъ ставились качели; лодки сіи должны были подъѣзжать къ гуляющимъ, спрашивая нѣшь ли желающихъ позабавиться. Знашныя возили съ собою музыку. Сіе множество судовъ, спройно слѣдовавшихъ одно за другимъ, изъ коихъ нѣкоторыя были вызолочены, украшены рѣзьбою и внутри обиты краснымъ или зеленымъ бархатомъ, съ широкими золотыми позументами по краямъ; согласныя усилія гребцовъ въ бѣлыхъ рубашкахъ, и звуки трубъ, литавровъ и валторнъ, далеко раздававшіеся по волнамъ, очаровывали зрѣніе и слухъ.

Катанья обыкновенно оканчивались у загородныхъ дворцовъ Екаперингофа и Спрѣльны. Тамъ всякій разъ готовы уже были закуски; гуляющіе, вышедъ на берегъ, полдничали, ходили

возвращался въ городъ въ томъ же порядкѣ. Иногда предпринимался дальнѣйшія поѣздки, ш. е., въ Пешергофъ, Ораніенбаумъ, принадлежавшіи князю Меншикову, въ Кронштанъ и даже въ Ревель. Безиреспанная пальба съ судовъ и громъ музыки оглашали воздухъ во время пущи. Иногда сіи забавы имѣли непріятныя слѣдствія. Не говоря уже, что многія дамы долго не могли привычься къ плаванію въ открытомъ морѣ, неумѣніе управлять судами во время бури приводило въ страхъ и часто подвергало опасности гуляющихъ. Подобный случай былъ 21 мая 1714 года. Въ то время привѣзжалъ въ Пешербургъ посланникъ Бухарскаго хана Гаджи-Могамедъ-Багадира. Царь пригласилъ его принять участіе въ предполагаемомъ путешествіи въ Кронштанъ. По неопытности

капитана, шнява, на которой находился посланникъ, канцлеръ графъ Головкинъ и нѣсколько сенаторовъ, попала между мѣлей. Пока было тихо, опасность была не велика; но къ 9 часамъ вечера возсталъ сильная буря: разбило шлюпку, привязанную сзади; оторвало якорь и бросило судно на мѣль; все казалось грозилъ шнявѣ гибелью. Посланникъ, никогда до того не видавшій моря, дрожалъ отъ страха; не видя наконецъ, что нѣтъ надежды на спасеніе, закутался въ шелковое одѣяло, легъ на палубѣ и велѣлъ муллѣ своему, ставъ на колѣна, читать надъ собою молитвы изъ корана. Къ утру буря утихла, и присланные отъ Царя галеры привели шняву въ Кроушпашъ.

Зимнія капанья въ лодкахъ были не сколько опасны. Отъ дворца до Пешро-

павловской крѣпости расчищали на Невѣ ледъ; боны и другія небольшія суда ставили на полозья или на коньки, и, натянувъ паруса, пускались по вѣпру въ такомъ же порядкѣ, какой наблюдался въ лѣтнихъ кашаньяхъ. Адмиральская шлюпка указывала путь прочимъ судамъ: соображаясь съ ея движеніями, онѣ лавировали и дѣлали разные манёвры по льду, « для того чтобъ не забыть морскихъ эволюцій, » говорилъ Петръ. Сии кашанья продолжались по нѣскольку часовъ. Во время отдыха подносили всѣмъ мужчинамъ, отъ имени Государя, горячіи пуншь, а дамамъ глишвейнъ.

Въ частныхъ кашаньяхъ участвовала одна Императорская фамилія. Государь въ шхиперскомъ плащѣ, управлялъ дѣйствіемъ яхты, въ которой сидѣли Императрица, Великія Княжны Анна

и Елисавета, и Царевны Екатерина, Анна и Прасковья Ивановны, одѣтыя всё въ канифасовыхъ кофточкахъ, юпкахъ изъ красной маперии и небольшихъ шляпкахъ, на подобіе того, какъ и теперь еще одѣваются жены Заандамскихъ корабельщиковъ. Цѣлю катанья былъ обыкновенно Екашерингофъ. Здѣсь иногда, близъ приспани, встрѣчалъ высокихъ посѣщителей адмиралъ Апраксинъ съ пушечною пальбою. « Приучаю семейство мое къ водѣ, чшобъ не боялись и полюбили море, » говорилъ Петръ своимъ приближеннымъ, когда заходилъ разговоръ о шаковыхъ прогулкахъ.

Описывая катанья по водѣ, могли не упомянуть о закладкѣ и спускахъ кораблей. Петръ, создатель Русскаго флота, не могъ не радоваться успѣхамъ великаго своего предпріятія.

Отъ того всякій подобный случай былъ для него истиннымъ праздникомъ. Наканунъ извѣщали о семъ происшествіи барабаннымъ боемъ. Въ самый день корабельной закладки или спуска, по пушечному выстрѣлу изъ крѣпости, всѣ отправлялись въ адмиралтейство. Въ первомъ случаѣ, послѣ молебна, главный корабельный мастеръ Головинъ вбивалъ въ киль первый гвоздь и мазалъ его смолою. За нимъ дѣлали тоже Царь и прочіе корабельные мастера. Во все время работы производилась изъ адмиралтейства пушечная пальба. По окончаніи закладки, Императоръ со всею фамиліею и всеми присутствовавшими отправлялся въ флагманскую залу, которой стѣны и потолокъ увѣшаны были взятыми отъ Шведовъ знаменами. Тутъ ждалъ посѣщителей сытый обѣдъ, послѣ котораго

всѣ съѣзжались къ генераль-адмиралу Апраксину, чѣмъ за кубкомъ вина пожелать благополучнаго окончанія начашому дѣлу.

Во время корабельныхъ спусковъ, по совершеніи молебна на новопо-строенномъ суднѣ, Царь, взявъ въ руки топоръ, подрубалъ одну изъ подпорокъ, на которыхъ стоялъ ко-рабль. Звуки прубъ и липавръ, громкія восклицанія народа и пушечные выстрѣлы съ крѣпости и адмирал-тейства оглашали воздухъ. Когда якорь былъ брошенъ, ПЕТРЪ, въ богатомъ, шипомъ золопомъ адмиральскомъ мундирѣ, съ Андреевскою лентою че-резъ плечо, всходилъ первый на корабль и привѣтствовалъ всѣхъ, приходившихъ къ нему съ поздравленіями, поцѣлуемъ въ голову. Императрица и Великія Княжны подносили имъ по рюмкѣ вина.

Между тѣмъ въ каютахъ накрыты были столы, въ верхнихъ для дамъ, а въ нижнихъ для мужчинъ. За столъ, гдѣ находился Государь, сажались по правую сторону корабельные мастера, плотники и всѣ участвовавшіе въ постройкѣ вновь спущеннаго судна; по лѣвую знатнѣйшія особы. Не было объедовъ шумнѣе: самъ Петръ былъ всегда за оными чрезвычайно веселъ. Между гостями его царшвовала совершенная непринужденность: тосты быстро слѣдовали одинъ за другимъ. Вино, особенно Венгерское, лилось полной чашей. Сии пирушки на корабляхъ продолжались отъ 4 часовъ по полудни до 2 часовъ по полуночи, и всякій обязанъ былъ принимать въ оныхъ равное участіе. Въ концѣ объда общество пирующихъ представляло странныя группы: шакъ напримѣръ,

27 іюля 1721 года, при спускѣ корабля Пантелеймона, видѣли въ одномъ углу Валлахскаго князя Кантемира, борющагося съ оберъ-полицмейстеромъ графомъ Девіеромъ; въ другомъ, старикъ адмираль Апраксинъ, со слезами на глазахъ, дрожащею рукою подносилъ послѣдній кубокъ полусоннымъ своимъ пріятелямъ. Вездѣ слышны были чоканья спакановъ и обѣты вѣчной дружбы; изрѣдка шумъ и споры.

Говорить ли вамъ о масляничныхъ маскарадахъ, гдѣ маски, собравшись по пушечному выстрѣлу на площади, противъ собора Св. Троицы, у такъ называемой пирамиды 4 фрегатовъ (*), по сигналу, поданному самимъ Государемъ, копорый былъ одѣтъ барабан-

---

(*) Пирамида сія была деревянная и построена въ память первой морской побѣды надъ Шведами при Гангёудѣ въ 1714 году.

щикомъ, скидали плащи и показывались въ своихъ нарядахъ. Тутъ посреди множества Испанцевъ, Грековъ, Турокъ, Кипайцевъ и Индѣйцевъ, являлись карлы съ длинными бородами, возившіе въ шельжкахъ гаудуковъ Царскихъ, спеленанныхъ какъ дѣши. Говорить ли вамъ о капаньяхъ, гдѣ между множествомъ огромныхъ саней, которыя сдѣланы были на подобіе лодокъ, нныя въ 20 футовъ длины, и въ копорыхъ находились въ костюмахъ Царская фамилія, иностранные министры и знатнѣишія особы обоего пола, видны были: Нептунъ въ раковинѣ съ презубцемъ, влекомый двумя Сиренами; Бахусъ, ѣдущій на бочкѣ съ кубкомъ въ одной и ливеромъ въ другой рукѣ; Государевъ шунъ, одѣтый медвѣдемъ въ саняхъ, запряженныхъ шестью медвѣдями же; Камчадалъ и Камчадалка,

ѣхавшіе въ наршѣ на собакахъ, и наконецъ множество арлекиновъ и масокъ, изображавшихъ разныхъ звѣрей и птицъ? Подобныя маскарады продолжались цѣлую недѣлю. Участвовавшіе въ оныхъ собирались за нѣсколько дней къ князю Меншикову, который назначалъ каждому его мѣсто во время маскараднаго шествія; всѣ служащіе, должны были подѣ опасеніемъ штрафа 50 рублей, ходишь во все это время въ костюмахъ и маскахъ, если даже не участвовали въ кашаньяхъ. Опасаясь наскучишь вамъ подробностями, ограничусь однимъ только замѣчаніемъ, что всѣ масляничныя маскарады во время Петра I носили на себѣ оппечатокъ вкуса грубаго, необразованнаго, въ то время еще общаго въ Европѣ.

Качели, сославляющія нынѣ главнѣйшее увеселеніе Рускихъ въ масляницу,

были въ употребленіи и при ПЕТРѢ; но съ разницею, что сія забава тогда не исключительно принадлежала простому народу, какъ теперь. Всѣ сословія принимали въ ней участіе. Въ 1722 году въ Москвѣ, въ понедѣльникъ сырной недѣли, Царь съ офицерами гвардіи открылъ празднество масляницы, на площади у Красныхъ воротъ, нѣсколько разъ проверившись на качеляхъ. За симъ качались солдаты. ПЕТРЪ между тѣмъ сѣлъ за столъ, пригласивъ подъ открытымъ небомъ у самыхъ воротъ, и народъ, признаваемый за то, что самъ Царь принимаетъ участіе въ его увеселеніяхъ, шумился вокругъ, оглашая воздухъ радостными восклицаніями. Точно тоже было и съ ледяными горами: онѣ обыкновенно были покрыты до вѣпорника масляной недѣли. Въ сей день народъ

собирался на рѣку: по данному знаку шаперъ, подъ кошорымъ находились горы, раскрывался, и Государь, а за нимъ Императорская фамилія, первые скапывались съ оныхъ.

Я упомяну подробнѣе о музыкѣ въ письмѣ моемъ о Рускихъ ассамблеяхъ. Нѣкоторые вельможи имѣли свои капеллы; но между высшимъ сословіемъ, весьма не многіе сами занимались музыкою. По извѣстіямъ современныхъ писателей, изъ Рускихъ дамъ, княгини Кантемиръ и Черкаская и графини Головины, воспитанныя въ Швеціи, гдѣ отцы ихъ, генераль-лейтенантъ князь Трубецкой и генераль-адмираль Головинъ, находились въ плѣну, умѣли только играть на фортепьяно. Прочія считали неприличнымъ посвящать часы досуга сему занятію. Концерты были однако же въ модѣ.

Прусскій посланникъ баронъ Мардефельдъ, самъ превосходно игравшій на лютий, не разъ забавлялъ оными Петербургскую публику. Голстинскій министръ графъ Бассевицъ также давалъ музыкальныя собранія. Въ великій посѣтъ 1722 года, вся Москва съѣзжалась къ нему слушать духовныя ораторіи, игранныя музыкантами Голстинскаго герцога Карла Фридриха. Музыканты сіи пользовались большою славою въ Петербургѣ: въ дни новаго года, Свѣтлаго Воскресенья или именинь Государыни, Герцогъ до разсвѣта являлся съ ними подъ окнами Императрицы и серенадами приносилъ ей свои поздравленія. — Рюмка вина, подносимая Великою Княжною Анною Петровною Герцогу и всей его свитѣ, была обыкновенно наградою за ихъ вниманіе.

Наконецъ остается мнѣ упомянуть о театръ. Театровъ было нѣсколько. Это увеселеніе, кажешся, было въ погдашнее время не во вкусъ Рускихъ; ибо при всѣхъ спараніяхъ Государя, театры не могли удержаться. Еще въ малолѣтствѣ Петра, семинаристы Законоспаскаго монастыря въ Москвѣ играли *комидіи духовныя*, какъ Лудиевъ отсѣкла голову Олоферну, какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсиль Амана, и ш. п. Нѣкоторыя изъ комидій сочиняла Царевна Софія Алексѣевна, другія были написаны преосвященнымъ Димитріемъ Ростовскимъ. Піесы послѣдняго были всѣ духовнаго содержанія, и одна изъ нихъ начиналась и оканчивалась двуспишіемъ:

*Благословенъ Господь отнынь и до вѣка,
Отъ всякаго зелія и даже до теловѣка.*

Святскія комедіи давались на Сухаревой башнѣ и въ гошницалѣ. Актёрами были ученики математической или хирургической школы, которые помещены были въ снѣзданіяхъ. Иностранцы: Кунишъ, вывезенный изъ Данцига въ 1701 году, Ошнотфиршъ и Маншъ были при Петрѣ образованцами нашихъ актёровъ, которыхъ выбирали изъ водяныхъ или посадскихъ людей. Государь велѣлъ построить для нихъ въ Москвѣ на Красной площади, противъ гошницкаго двора, деревянный домъ, извѣщенный въ то время подъ именемъ *комидіальной сцены*. Предназначенія давались по понедельникамъ и четвергамъ, и дабы захопнуть къ посѣщенію комедій, повелѣно было ворота въ Кремлѣ, Китай и Бѣломъ городѣ, обыкновенно запираемыя въ 8 часовъ вечера, дер-

жать отворенными до 10 и не брать за это указных пошлин съ проезжающихъ. Главнѣйшія пѣсы того времени были :

1). О Францашъ, Король Эпирскомъ, и о Мирандонъ, сынъ его и о прочихъ.

2). О честномъ измѣнникъ, въ ней же первая персона Арцухъ (герцогъ) Фредерикъ фонъ Пошлей.

3). Тюремной заключникъ или Принцъ Пикель Грингъ.

4). О Графинъ Триерской Геновевъ.

5). Два завоеванна города, въ ней же первая персона Юлія Цесарь.

6). Александръ и Даринъ Македонскій, комидія въ 18 дѣйствіяхъ.

7). Порода Геркулесова, въ ней же первая персона Юппиеръ и

8). Докпоръ принужденный.

Съ переездомъ двора въ Пешербургъ прибыли сюда и Рускіе акшѣры. Ца-

ревна Наталья Алексѣевна, выпросивъ себѣ въ 1716 году большой домъ на Петербургской сторонѣ, въ Никольской улицѣ, устроила въ немъ ложи и родъ партера. Труппа сего театра состояла изъ 10 актёровъ и актрисъ: въ оркестрѣ находилось 16 музыкантовъ, игравшихъ на духовыхъ инструментахъ. Царевна сама сочиняла трагедіи и комедіи, иныя въ 12 дѣйствій и болѣе, заимствовавъ предметы изъ Библіи или изъ свѣтскихъ происшествій. Представленія одной пьесы продолжались иногда по нѣскольку вечеровъ сряду. Особенно замѣчательна одна изъ сихъ пьесъ, въ которой представляемы были, въ иносказательномъ видѣ, возмущеніе стрѣльцовъ, ихъ покушенія на жизнь Царя и наконецъ совершенное уничтоженіе губительныхъ ихъ замысловъ и постигшая ихъ казнь.

Въ концѣ спектакля являлся одинъ изъ придворныхъ служителей, коимъ рый пояснял публикѣ темныя мѣста въ трагедіи, и указывая на бездушныя трупы актёровъ, заключалъ нравоученіемъ, сколько должно уважать существующую власть. Зрѣлища сіи позволено было смотрѣть всякому: приходившимъ подносили по рюмкѣ вина и по кренделю.

Въ это же время явилась въ Петербургѣ Нѣмецкая труппа, дававшая свои представленія на Лишнейной, въ домѣ графа Брюса. Дворъ прилѣжно посѣщала оныя. Вообще Нѣмецкая драматическая литература того времени состояла большею частію изъ шутовыхъ фарсовъ, въ которыхъ площадныя шутки замѣняли остроумію; изъ ужасныхъ или сенсационныхъ трагедій, гдѣ всѣ умирали на сценѣ, или

гдѣ цари говорили языкомъ Аркадскихъ паспушковъ. Петръ, который во всемъ имѣлъ вѣрный вкусъ, обѣщала актёрамъ богатое награжденіе, если они представятъ піесу прогашельную безъ любви и веселую безъ шутокъ, выходящихъ за предѣлы благопристойности. Разумѣется, что они дурно исполнили это порученіе; но Государь, для ободренія, велѣлъ выдать имъ обѣщанное.

По смерти Наталіи, Мекленбургская Герцогиня Екатерина, дочь Царя Іоанна Алексѣевича, приняла на себя управленіе театромъ. Въ Петербургѣ былъ у нее спектакль въ ея домѣ, на Васильевскомъ острову; на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ музей Императорской академіи наукъ; въ Москвѣ въ селѣ Измайловѣ, принадлежавшемъ ея матери, Царицѣ Прасковѣ Федоров-

нѣ. Герцогиня сама распоряжала пред-
савленіемъ, и попому во время она-
го находилась за кулисами. Въ аншръ-
акшахъ являлись старые дураки и
дуры, которыя забавляли посѣпшпе-
лей пляскою подъ звукъ рожка съ при-
пѣвомъ.

Изъ сказаннаго выше вы видите,
что всѣ увеселенія времянь Петра I
имѣють нѣчто отличное, свойствен-
ное своему времени. Вы еще болѣе
въ томъ удостовѣритесь, взглянувъ
на множесшво карлъ и карлицъ, ко-
порыя занимають не маловажное мѣ-
сто въ лѣтописяхъ тогдашнихъ за-
бавъ. Въ концѣ XVII вѣка карлы и
шупы были еще въ употребленіи при
всѣхъ Европейскихъ дворахъ. Отъ то-
го вы встрѣшите ихъ во множествѣ
и у насъ, какъ при дворѣ, такъ и въ
частныхъ домахъ. Государю вздумалось

однажды позабавишь Герцога и Герцогиню Курляндскихъ свадьбою карль. ПЕТРЪ велѣлъ одному изъ нихъ выбрать себѣ супругу изъ дѣвушекъ одинакаго съ нимъ роста; 13 ноября 1710 года назначена была свадьба. Созвали на сей праздникъ указомъ 19 августа 1710 года (*) всѣхъ карль, находившихся тогда въ Москвѣ и Пешербургѣ. Наканунѣ свадьбы двое изъ нихъ, бывшіе шаферами, поѣхали въ колясочкѣ о трехъ колесахъ, въ одну лошадь, убранную разноцвѣтными лен-

(*) « Вотъ указъ сей въ подлинникѣ:

« Карль мужеска и дѣвическа пола, которые нынѣ живутъ въ Москвѣ въ домахъ боярскихъ и другихъ ближнихъ людей, собравъ всѣхъ, выслать съ Москвы въ Пешербургъ сего августа 25 дня, а въ пошъ опускъ въ ихъ домахъ, въ которыхъ цѣ карлы живутъ, сдать къ тому дню на нихъ карль платье: на

шами, звать гостей, имѣя впереди
 верхомъ двухъ офиціантовъ въ ливреѣ.
 На другой день, когда всѣ гости съѣха-
 лись въ назначенный домъ, молодые
 отправились въ большомъ поржескѣ
 къ вѣнцу. Впереди шель карла, ис-
 правлявшій должность маршала, съ
 жезломъ, къ концу котораго привя-
 занъ былъ букетъ изъ лентъ. За нимъ
 женихъ и невѣста съ шаферами; по-
 томъ самъ Царь, множество дамъ,
 нѣкоторыя министры и другія знап-
 нѣишія особы. Шествіе заключалось
 72 карлами и карлицами, первые

мужеской полъ кафшаны и камзолы нарядные
 цвѣтныя съ прозументами золотыми и съ пу-
 говицами мѣдными золочеными, и шпаги, и пор-
 тупеи, и шляпы, и чулки, и башмаки Нѣмец-
 кіе добрыя; на дѣвическѣ полъ верхнее и испод-
 нее Нѣмецкое платьѣ, и флинтажи, и всякой
 приличной доброй уборъ и въ томъ взявъ
 шѣхъ домовъ съ спрянчихъ сказки и проч.

въ свѣтлоголубыхъ или розовыхъ Французскихъ кафшанахъ, треугольныхъ шляпахъ и при шпагахъ; послѣднiя въ бѣлыхъ плащяхъ съ розовыми лентами. Послѣ церемонiи всѣ отправились къ князю Меншикову, гдѣ ожидалъ молодыхъ богатый обѣдъ. Карлы сидѣли въ срединѣ: столы жениха и невѣсты были подѣ шелковыми балдахинами, а надѣ спулomъ невѣсты висѣли три лавровыхъ вѣнка. Маршалъ и 8 шаферовъ имѣли для отличiя карды изъ кружевъ и разноцвѣтныхъ лентъ. Кругомъ, вдоль по стѣнамъ залы, сидѣли Царская фамилiя и прочiе гости. Праздникъ кончился пляскою, въ коей участвовали одни карлы.

Сей карла, котораго свадьба здѣсь описана, умеръ въ генварѣ 1724 года. Похороны его также производились

съ отличною церемонією. Впереди шло челоуѣкъ 30 пѣвчихъ небольшого роста ; старшему было не болѣе 13 лѣтъ. Гробъ, обитый малиновымъ бархатомъ, съ серебряными подушками и кистями, поставили на построенныя для сего нарочно саночки, запряженныя шестью небольшими жеребьями въ черныхъ пополахъ. Въ головахъ покойника, на спинкѣ саней, сидѣлъ пятидесятилѣтній карла, братъ умершаго. За гробомъ слѣдовали: сперва карла, исправлявшій должность маршала, съ жезломъ, который перевить былъ чернымъ и бѣлымъ крепомъ, а потомъ 24 другихъ попарно, въ черныхъ плащяхъ, длинныхъ плащахъ и треугольныхъ шляпахъ, завѣшенныхъ флѣромъ. За мужчинами шли женщины: впереди, ведшіи ихъ маршалъ; потомъ карлица Великихъ Кня-

жень и другая Герцогини Мекленбургской, которыя, какъ родственницы покойнаго, ведомы были подъ руки каждая двумя карлами, а наконецъ прочія 24, также попарно, съ гирляндами на головахъ и длинными черными покрывалами. По сторонамъ сей процессіи слѣдовали съ факелами Царскіе гайдуки и гренадеры. Въ замкъ находились Государь, Герцогъ Голштинскій, князь Меншиковъ и многіе вельможи, которые провожали покойника отъ дворца до Зеленаго, нынѣшняго Полицейскаго моста. Когда шло было предано землѣ, всѣ участвовавшіе въ церемоніи возвратились во дворецъ, гдѣ посадили ихъ за особенные столы, на маленькихъ стульяхъ, и угостили великолѣпнымъ обѣдомъ.

Шуты, или, какъ ихъ тогда называли, дураки, были едва ли не въ большемъ числѣ, нежели карлы. При дворѣ и во всякомъ почти домѣ находились шуты или шутихи. Петръ употреблялъ иногда первыхъ на то, чтобы въ обществѣ говорить рѣзкія правды вельможамъ, которыми былъ недоволенъ, и когда сіи послѣдніе жаловались на котораго нибудь изъ нихъ Государю: « что вы хотите, чтобы я съ ними дѣлалъ, » отвѣщивавалъ Императоръ, « они дураки. » Дура днемъ играла съ барынею въ дураки и не смѣла никогда выиграть; вечеромъ рассказывала ей сказки, чтобы прогнашь ея безсонницу. Въ праздничные дни, или когда случались госпи, дура, разряженная какъ 18 лѣтняя дѣвушка, забавляла собраніе прыжками, кривляньемъ и пѣньемъ. Преимуще-

ешвенно спаралась выбирать для се-
го спарыхъ жетцинь, полагаа, что
чьмъ дура спарье, шьмъ она охониле
къ расказамъ и шьмъ забавиле въ
пласкѣ.

О ПЕРВЫХЪ БАЛАХЪ ВЪ РОССІИ.

Вы желали знать, какъ веселились наши предки. Я хотѣлъ было описать вамъ великолѣпные обѣды прежнихъ Царей, шумные праздники, на коняхъ заграничное вино, вкусныя яства и скоморохи тѣшили ипрующихъ. « Но, отвѣчали вы мнѣ: « на сихъ праздникахъ не было женщинъ; а если онѣ и были, то безмолвными свидѣтельницами, и ни къмъ невидимыя, съ робостію только поглядывали сквозь длинныя фарты на происходившее. »— Вы хотѣли имѣть описаніе баловъ, собственно шакъ называемыхъ; знать, въ какое время исчезла въ Рускихъ грубость

правовъ, свойственнаѣ народу полу-образованному, и когда женскіѣ поль получили право гражданства въ нашихъ общесхвахъ. Исполняю вашу волю.

Балы введены въ Россію Петромъ Великимъ, по возвращеніи его изъ за границы, въ 1717 году. Парижскія общесхва, и тогда законодательи моды, вкуса, любезности и свѣтскаго обращенія, были заманчивою новостію для Россійскаго Монарха. Слѣствиемъ этого былъ указъ 1719 года о неслыханныхъ дополъ собраніяхъ обоего пола, названныхъ *ассамблеями*. Вотъ его содержаніе.

1). Желающій имѣть у себя ассамблею долженъ извѣстить о томъ каждаго приближеннымъ къ дому билетомъ.

2). Ассамблеи начинать не ранѣе

4 или 5 часовъ по полудни, а оканчивашь не позже 10.

3). Хозяинъ не обязанъ ни встрѣчать, ни провожать гостей, ни по чему либо для нихъ беспокоиться; но долженъ имѣть на чемъ ихъ посадить, чѣмъ ихъ подчивать и чѣмъ освѣтить комнаты.

4). Каждый можетъ приходиться въ ассамблею, въ какомъ часу ему угодно, сидѣть, ходить, танцовать или играть.

5). Въ ассамблеи могутъ приходиться: чиновныя особы, всѣ дворяне, извѣстнѣйшіе купцы, корабельные мастера и канцелярскіе служивели съ женами и дѣтьми.

6). Слугамъ оповести въ домѣ особыя комнаты, чтобы въ покояхъ ассамблеи было просторнѣе.

7). Преступивший сіи правила подвергается наказанію осушить кубокъ *большаго орла*.

Говорять, что указъ сей произвелъ различныя впечатлѣнія. Заключенныя въ высокихъ шеремахъ красавицы наши, которыя шолько по праздникамъ осмѣливались подходить къ косячатымъ окнамъ, чшобъ посмотрѣть на гуляющій по улицамъ народъ, вшаниѣ радовались большей свободѣ. Съ другой стороны машушки, воспитанныя по старинѣ, неохотно повиновались волѣ Государевой и жаловались на развращенное время, въ которое дѣвушкамъ позволялось, не краснѣя, разговаривать и даже (чего Боже сохрани) прыгать съ молодыми мужчинами.

Ассамблеи устроены были слѣдующимъ образомъ. Въ одной комнашѣ

танцевали; въ другой находились шахматы и шашки; въ третьей трубки съ деревянными спичками для закуриванія; табакъ, разсыпанный на столахъ, и бутылки съ винами.

Ассамблеи начинались всякую зиму у Государя, а оканчивались у оберъ-полицмейстера. Онъ, по списку, составленному самимъ Государемъ, извѣщала за нѣсколько дней особъ, у коихъ надлежало собираться, о наступавшей очереди. Хозяинъ приглашалъ знатнѣйшихъ; прочихъ извѣщали о семь барабаннымъ боемъ по городу, или, на перекресткахъ улицъ прибывали къ домамъ приглашенія ко всемъ проходящимъ, чтобъ пожаловали къ такому - то попрыгать и повеселиться. Въ день ассамблеи являлся къ хозяину въ два часа оберъ - полицмейстеръ съ пятью канцеляристами, которые запи-

сывали прїѣзжающихъ, для того чтобы пономь донесли о семъ Государю. Въ шри начинали съѣзжаться. Обыкновенно, и дамы и мужчины прїѣзжали въ самыхъ богашыхъ нарядахъ; шолько во время шраура при дворѣ, никто, кромѣ Императрицы, не имѣлъ права носитьъ драгоцѣнныхъ камней, золота или серебра. Въ 6 часовъ прїѣзжалъ Императоръ, и немного спусти, Государыня съ Великими Князьями: ей одной хозяйнѣ выходилъ на встрѣчу и ее одну провожалъ до кареты. Излишняя учтивость къ прочимъ посѣпителямъ наказывалась осушеніемъ кубка большого орла. Дамъ угощали чаемъ, кофеемъ, миндальнымъ молокомъ, медомъ и вареньями; мужчинъ: пивомъ, виномъ и трубками. Лимонадъ, оршадъ, а особенно шоколадъ, считалась рѣдкостью, и пода-

вазись только на ассамблеяхъ у герцога Голштинскаго и министра его Бассевича въ 1723 году.

Въ послѣдствіи, когда любезность утвердила въ нашихъ обществахъ законы приличія, вошелъ въ употребленіе слѣдующій обычай. Хозяинъ во время танцевъ подносилъ букетъ цвѣтовъ дамѣ, которую хопѣлъ оплечь. Дама сія спановлялась царицею бала, распорядка танцами, и тогда же букетъ торжественно отдавала другому кавалеру, назначая притомъ день, въ который желала танцевать въ его домѣ. Получившій цвѣты обязанъ былъ слѣпо повиноваться волѣ красавицы. Наканунѣ назначеннаго ею дня посылалъ онъ ей вѣеръ, пару перчатокъ и также цвѣты, съ которыми она являлась въ собраніе, и какъ владѣтельница букета, оспава-

лась царицею бала до новаго избранія. Обыкновеніе это, напоминающее времена рыцарскія, въ которыхъ красота была душою всего великаго, продолжалось до царствованія Императрицы Екатерины II.

Руская пляска, вмѣстѣ съ длинными кафіанами и сарафанами, осталась только въ нижнемъ классѣ народа: замѣнили оную степенный польскій, шихій менуэшь и рѣзвый Англійскій контрадансъ. Пѣнные Шведскіе офицеры, находившіеся въ Петербургѣ, первые учили танцовать Рускихъ дамъ и кавалеровъ; они долго были единственными танцорами въ ассамблеяхъ. Кромѣ сказанныхъ танцевъ, былъ церемоніальный, которымъ всегда начинались свадебные и вообще торжественные праздники: спановилась какъ въ экоссеэ; при ште-

пенной музыкѣ, мужчина кланялся своей дамѣ и попомъ ближайшему кавалеру; дама его слѣдовала пому же примѣру, и сдѣлавъ кругъ, оба возвращались на свое мѣсто. Сін поклоны, повпоренные всѣми, заключались польскимъ; тогда маршалъ, завѣдывавшій праздникомъ, громко объявлялъ, что церемоніальные танцы кончились. Наспавала шумная веселость: всякій изъ посѣщптелей могъ участвовать въ танцахъ. Въ менуэтахъ дамамъ предоспавленъ былъ выборъ. Кавалеръ, кончившій танецъ съ выбранною его дамою, обязанъ былъ въ свою очередь выбрать другую, и протанцовать съ нею, переставъ; дама же продолжала танцовать съ другимъ кавалеромъ. Такимъ образомъ менуэты продолжались, пока музыка не возвѣщала о перемѣнѣ. Польскіе и

контрдансы, похожи были на вышешние, съ иною шелько разницею, что первые были весьма медленны и продолжительны, а въ послѣднихъ каждая пара дѣлала свои фигуры, поворяемыя прочими. Вообще наши погдашнне шанцовщики, одѣтые по образцу придворныхъ Людовика XIV, перенимали и въ обращеннн уловки сихъ корифеевъ свѣтской жизни; но подражая, старались иногда превосходить ихъ, копорыхъ брали за образецъ. Такимъ образомъ мужчина, желавшнй танцевать съ дамою, подходилъ къ ней не прежде, какъ послѣ трехъ церомоннальныхъ поклоновъ; во время танцевъ едва касался пальцами ея пальцевъ, а когда оканчивалъ, тогда изьявлялъ свою благодарность, поцѣловавъ ея руку. Гордая поспунъ въ польскомъ, важная осанка и узорчатые на въ

менуэпахъ оплачивали хорошихъ танцовщиковъ.

Вскорѣ различныя степени образованія раздѣлили общества: собранія не перерывались, но ихъ могли посѣщать только особы, приглашенныя хозяиномъ. Тамъ - то важнѣйшіе въ государствѣ люди забывали на время свое величіе: Императорская фамилія старалась ласковымъ обращеніемъ и участіемъ въ забавахъ не дасть замѣтить своего присутствія. Императоръ, Императрица и Великія Княжны всегда много танцовали, особенно послѣднія. Императрица съ супругомъ, или съ герцогомъ Голешинскимъ, или съ княземъ Мещниковымъ, открывала балъ. Вѣжкому свободно было просить Великихъ Княжеть, и какъ многіе искали сеи чести, то онѣ не знали

отдыха. Одна только Царевна Прасковья, сестра Императрицы Анны, не любила танцевъ, и не иначе пускалась въ оныя, какъ по повелѣнію самаго Государя. Люди преклонныхъ лѣтъ и почтеннаго званія часно также прыгали вмѣстѣ съ другими. Царь забавлялся ихъ усалоснію. Такимъ образомъ въ 1721 году, на свадьбѣ генераль-маіора князя Трубецкаго съ дочерью главнаго корабельнаго строителя Ив. Мих. Головина, позвавъ къ себѣ генераль-адмирала графа Ѳ. М. Апраксина, вице-кашдера барона Шафирова, князя Кантемира, двухъ сенаторовъ князей Голицына и Гр. Ѳед. Долгорукаго, П. А. Толстаго и генерала Ив. Ив. Бушурина, всѣхъ лѣтъ бо и болѣе, онъ назначилъ каждому молодую даму, и взявъ самъ Императрицу, пошелъ съ ними танцо-

вать родъ нынѣшняго гроефатера. Оный продолжался около часу. Государь, бывши въ первой парѣ, дѣлалъ самые трудные па, и всякій изъ танцующихъ долженъ былъ слѣпо подражать ему во всемъ, а не перолнившій сего осушалъ въ наказаніе огромный кубокъ орла. Изъ танцующихъ кавалеровъ отличались: самъ Государь, графъ Ягужинскій, Австрійскій посланникъ графъ Кинскій, Голетинскій министръ Бассевицъ, молодые князья Трубецкой и Долгорукин, и графъ Головкинъ. Изъ дамъ первое мѣсто занимала Великая Княжна Елисавета Пешровна; отличались также княжны Черкаская, Кантемиръ, графини Головкины и Долгорукая, бывшая въ послѣдствіи невѣстою Императора Петра II.

Ассамблеи давались не въ одномъ Петербургѣ; съ переездомъ двора въ Москву въ 1722 году завелась собранія и въ сей столицѣ. Собранія по указу проиходили три раза въ недѣлю: по воскресеньямъ, вторникамъ и четвергамъ. Кромѣ того бывали частныя балы, гдѣ было посѣщителей менше, но болѣе веселости: на сихъ послѣднихъ шанцовали иногда до 3 часовъ по полуночи.

Музыка на ассамблеяхъ была большею частію духовая: трубы, фаготы, гобои и лишавры. Петръ ввелъ сперва въ употребленіе тарелки, лишавры и фаготы; потомъ появились трубы, валпорны и гобои. Государь выписалъ изъ Германіи канцельмейстеровъ, съ тѣмъ чиномъ они обучали молодыхъ солдатъ, которые всякій день ошъ 11 до 12 играли на адми-

ралтейской башнѣ. Особенно любилъ оны Польскій рожекъ; всегда имѣлъ при себѣ музыканна, который во время занятій наигрывалъ Государю на семь инструментовъ Польскія и Малороссійскія пѣсни, и самъ даже въ часы досуга, занимался игрою на рожкѣ. Многіе вельможи имѣли также свои капеллы: лучшая принадлежала княгинѣ Черкасской Герцогъ Голштейнъ-Готторпскій Карлъ Ульрихъ, прибывшій въ Россію въ 1721 году и послѣ взявшій въ супружество Великую Княжну Анну Петровну, имѣлъ въ своей свитѣ капеллу, состоявшую изъ одного фортепьяно, нѣсколькихъ скрипокъ, одной віольдамуръ, одного альта, одного віолончеля, одного контрабаса, двухъ флейтъ и двухъ валторнъ. Цѣлительная игра сихъ музыкантовъ и новостъ привезенныхъ инструмен-

шопъ доставляли имъ часто случай показывать свое искусство : говорили, что шопъ праздникъ не въ праздникъ, гдѣ не играли Голштинскіе музыканты.

Охота къ танцамъ часъ отъ часу болѣе распространялась. При Императрицѣ Екатерины I незнаніе танцевъ считалось уже въ дѣвицѣ недостаткомъ воспитанія. Двору не было надобности приказывать ассамблеи : онъ векорѣ и совсѣмъ уничтожился ; за то частыя балы не уставали. Замѣчательно, что около сего времени введены были въ наши общества карты. Петръ Первый не терпѣлъ ихъ и предпочинялъ имъ шашки, а особенно шахматы, игру любимую имъ до чрезвычайности и въ которой онъ вочини не находилъ себѣ равнаго.

Императрица Анна, придавшая много великолѣпія двору, любила веселость. Въ ея царствованіе праздники сдѣлались пышнѣе и получили Европейскій видъ. Табачный дымъ и стукъ шашекъ не беспокоилъ уже танцующихъ, и наконецъ совершенно уничтожилось наказаніе осушать кубокъ большаго орла. Въ торжественные дни и при всякомъ необыкновенномъ случаѣ были при дворѣ балы. Современные писатели упоминають между главнѣйшими объ одномъ, данномъ въ генварь 1734 года, на который приглашены были съѣхавшіеся тогда въ Петербургъ посланники: Бухарскій, Турецкій и Кипанскій. Торжествовали въ тотъ день вступленіе на престолъ Государыни. Праздникъ открылся въ залѣ, построенной въ Зимнемъ дворцѣ, у нынѣшняго Полицей-

скаго моста. Зала была украшена апельсиновыми и мирповыми деревьями въ полномъ цвѣту, которыя, образуя по обѣимъ сторонамъ аллеи, overshadowали въ серединѣ довольно мѣста для танцевъ. Въ аллеяхъ разбросаны были деревянные скамейки и боскетны для оныхъ гуляющихъ. Живопись и разнообразіе сей картины составляли различную противоположность съ мертвою природою, покрытою снѣгомъ и инеемъ. Благоуханіе искусственной рощи, яркое освѣщеніе, группы гуляющихъ и танцующихъ въ богатыхъ нарядахъ, при звукѣ величественной музыки, представляли нѣчто очаровательное. Императрица Анна спросила у Китайскаго посланника: кто изъ дамъ, находящихся на балѣ, ему болѣе нравится? « Въ звѣздную ночь, отвѣчалъ Китаецъ » трудно рѣ-

шить « которая звезда всехъ свѣтаѣ. » Но увидѣвъ, что Государыня не довольствуется такимъ отвѣтомъ, онъ подошелъ къ Великой Княжнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, низко поклонился, и отдавъ ей передъ прочими преимущество, примолвилъ, что « невозможно было бы перенести ея взгляда, еслибъ только глаза ея были поменьше. » Такъ всякій народъ имѣетъ свой вкусъ: Большіе глаза, считающіеся у насъ красою, казались Азіяпцу недостаткомъ.

Весьма много шуму надѣлалъ праздникъ, данный въ Петербургѣ въ Лѣтнемъ саду, по случаю взятія Данцига въ 1735 году. Приглашенные съѣхались въ садъ въ часъ по полудни, дамы въ цвѣтныхъ робахъ съ газовыми накладками, шипыми серебромъ. Длинные ихъ локоны перевиты были

гарляндами изъ цвѣтновъ. Императрица, обошедъ госменъ, пригласила ихъ къ столу. Государыня со всею фамиліею обѣдала въ гробѣ, на концѣ большой аллеи сада, въ споронѣ опъ бассейна. Для прочихъ посѣлителей накрытъ былъ столъ въ Зоо кувертовъ подъ навѣсомъ изъ зеленой шелковой ткани, поддерживаемымъ колоннами, которыя покрыны были кисеею и увншы гарляндами изъ натуральныхъ цвѣтновъ. Между колоннами находился буфетъ, по одной споронѣ съ золотою и серебряною, а по другой съ фарфоровою посудою. Приглашено было 150 кавалеровъ и столько же дамъ, и жребіи назначалъ каждой дамѣ ея кавалера. Обѣдъ состоялъ изъ двухъ перемѣнъ, изъ коихъ въ каждой было по Зоо блюдо, кромѣ десерта. Послѣ обѣда гости раздѣли-

лсь на разныя группы; одни гуляли по саду, другіе занимались кашаньем по бассейну въ раззолоченныхъ ящикахъ, принадлежавшихъ Императрицѣ. Съ наступленіемъ вечера открылся балъ подъ тѣмъ же навѣсомъ, гдѣ обѣдали. Разноцвѣтные огни, коими освѣщенъ былъ садъ; поставленные въ разныхъ мѣстахъ прозрачныя картины и аллегорическія изображенія, приличныя празднуемому торжеству, представляли нѣчто очаровательное. Въ началѣ бала ввели въ палатку двѣнадцать Французскихъ офицеровъ, взявшихъ въ плѣнъ подъ Данцигомъ. Когда каждый изъ нихъ поцѣловалъ у Императрицы руку, Государыня оборотясь къ начальнику ихъ, бригадиру графу де ла Моттъ-Перузу, сказала: « не удивляйтесь, что я выбрала это время для вашей аудіенціи: Французы

дурнымъ обращеніемъ съ Рускими (*), имѣвшими несчастье попастись въ ихъ руки, даютъ мнѣ право къ опмщенію; но я довольствуюсь учиненною вамъ теперь непріятностію, а какъ народъ вашъ славится любезностію, то надѣюсь, что дамы здѣшнія успѣютъ въ нынѣшній вечеръ изгнать изъ памяти вашей тягостное ваше положеніе. » — Съ симъ словомъ 12 фрейлинь вручили пѣвникамъ ихъ шпаги. « Ваше Величество, » отвѣчала графъ де ла Мошъ, « умѣли наши средство побѣдить насъ два раза: въ первый, когда мы, прошивъ желанія, положили оружіе передъ храбрыми войсками

(*) Французы, не объявивъ войны, овладѣли въ то время однимъ Рускимъ фрегатомъ на Балтійскомъ морѣ и забрали въ плѣнъ весь экипажъ.

вашими, и теперь, когда охотно отдаемъ сердца наши прекраснымъ нашимъ побѣдительницамъ!»

Императрица Анна любила Рускую пляску. Ежегодно на масляницѣ приглашали ко двору унтеръ - офицеровъ гвардіи съ ихъ женами, которыя плясали по Руски. Придворные и даже члены Императорской фамиліи принимали участіе въ этомъ царскомъ увеселеніи.

Во времена Елисаветы Петровны балы Рускаго двора славились во всей Европѣ. Извѣстный балетмейстеръ Ланде говариваль, что нигдѣ не танцовали менуэта съ большею выразительностію и приличіемъ, какъ въ Россіи. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что сама Государыня танцовала превосходно, и особенно ошличалась въ менуэтѣ и въ Руской пляскѣ. При ней же

завелась и маскарадные балы, вмѣсто бывшихъ при Петрѣ I масляничныхъ маскарадовъ, которые ограничивались однимъ кашаньемъ въ саняхъ. Кашанья вошли въ придворный церемоніаль, но безъ масокъ, а вмѣсто того, имѣвшіе пріѣздъ ко двору пріѣзжами, маскированные, танцовашь въ опредѣленные дни во дворецъ. Въ новый годъ всѣ мужчины являлись въ женскомъ, а дамы въ мужскомъ платьяхъ безъ масокъ. Мужской нарядъ весьма шелъ къ лицу Императрицы Елисаветы Петровны. Однажды, поминися 1 генваря 1752 года, на одномъ изъ шаковыхъ маскарадовъ, Великая Княгиня Екатерина Алексѣевна, справедливо удивленная красотою Государыни, сказала ей: « Il est très heureux, Madame, pour nous autres femmes, que vous n'êtes cavalier que pour ce soir: sans cela

vous seriez trop dangereuse«—En ce cas la, Madame, ошвѣчала Императрица, c'est certainement à Vous la première, que j'aurois adressé mes hommages. »

Воптъ вамъ краткій ошчень о пер-
выхъ балахъ въ Россіи. Оспасеня мнѣ
еще упомянуть о нарядахъ, какіе бы-
ли въ употребленіи у почтенныхъ на-
шихъ дѣдушекъ и бабушекъ. Но вы са-
ми не разъ жаловались на вѣтреность
моды, а она шочно также распро-
страняла непостоянное владычество
на прежніе степенные покровы, какъ
на нынѣшнія легкія одежды. Но
такъ и бышь, чшобъ избѣжашъ ва-
шего неудовольствія, посшараюсь
въ нѣсколькихъ словахъ схвашшъ нѣ-
которыя эпохи господствовавшаго въ
Россіи вкуса въ нарядахъ.

Занмшвовавъ у Французовъ ассамблеи,
мы у нихъ же переняли и балыныя наши

платья. Не думайте, чтобы то были
 иль легкія, эфирныя шкани, въ какихъ
 нынѣ прїѣзжаютъ на балъ наши кра-
 савицы. Снарики твердятъ, что въ
 ихъ время молодежь была слепеннѣе
 нынѣшняго. Вообще трудно вѣрнѣе
 старикамъ, обыкновенно хвалящимъ
 былое, счастливые годы ихъ славы и
 побѣдъ, и нарекающимъ на настоящее,
 когда они принуждены уступать дру-
 гимъ право пѣвннѣ и быть любезны-
 ми; но въ семь случаевъ едва ли они не
 правы. Предсавыше себѣ женщину,
 спянутую узкимъ коспянымъ кирасомъ,
 исчезающую въ огромномъ фишбейнѣ,
 съ башмаками на каблуклахъ въ полпо-
 ра вершка вышины, и танцующаго съ
 нею мужчину въ алонжевомъ напудрен-
 номъ парикѣ, въ широкомъ маперча-
 томъ шинномъ кафшанѣ, съ сразо-
 выми пражками въ четверть на пя-

жельхъ банмакахъ, и посудине, мо-
 жетъ ли эта пара кружиться, лешанъ
 по полу въ экосезъ съ тою легкостію,
 съ тою быспроною, какую видимъ
 нынѣ! Робы дѣлались, большею частію
 изъ одной съ корсетомъ матеріи, съ
 длинными шлейфами, парчевыя или
 штофныя, шипыя золопомъ, сере-
 бромъ, а иногда унизанныя жемчугомъ
 и драгоценными камнями, и обло-
 женныя богатыми кружевами. Голов-
 ной уборъ былъ также весьма разни-
 ченъ. Ни надъ чѣмъ, кажется, мода не
 трансформовала сколько, сколько надъ
 волосами: каждый годъ, каждое со-
 браніе, то повышали, то понижали
 прическу, а потому и весьма трудно
 очертить ее въ нѣсколькихъ словахъ.
 Волосы покрывали пудрою, или, оста-
 вляя въ природномъ видѣ, переплетали
 ихъ брилліаншами и жемчугомъ.

Вообще пышность въ нарядахъ замѣняла вкусъ. Дамы не одѣвались, какъ теперь, по рисунку Граціи, не знали плънипельной простоты; въ каждой бездѣлкѣ блистало тяжелое великолѣпіе, а не пылшій мильи, утонченныи вкусъ.

О ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ РУССКИХ ПРИ ПЕТРѢ I.

Частная жизнь людей высшего общества въ царствованіе Петра I такъ разнообразна, что трудно, невозможно почти дать описанію ея надлежащаго единства, сдѣлать изъ онаго нечто цѣлое. Но какъ безъ нее не лзя составить себѣ яснаго понятія о Рускихъ правахъ того времени, то я рѣшился помѣстивъ здѣсь нѣкоторыя черты изъ тогдашней общественной жизни, предоставляя другимъ умножить собранныя мною свѣденія новыми, и составить изъ нихъ полную картину.

Извѣстно уже, что Петръ, со вступленіемъ на престоль, рѣшился переобразовать наши нравы, и что сіе намѣреніе усилилось въ немъ съ 1718 года, послѣ втораго пушешесствія его въ чужіе краи. Желаніе произвести сей переворотъ скорѣе, и если можно, самому видѣть послѣдствія онаго, сродное пылкому характеру и безпокойной дѣятельности сего Монарха, не могло не встрѣпить преняствій въ народѣ полуобразованномъ, свято повиновавшемся обычаямъ старины. Никто не смѣлъ явно противуспать волю Государевой: но большая часть, состоявшая изъ коренныхъ Рускихъ вельможъ, исполняя оную по наружности, старались удержатъ что можно было изъ обыкновеній, въ которыхъ они выросли, ко-

своихъ опцевъ. Другіе, въ угодность ли Монарху, или пошому, что понимали высокіе его виды, предупреждали желанія Петра, слѣдуя совершенно вновь вводимымъ перемѣнамъ. Сюда принадлежали особы, приближенныя къ Царю, или тѣ, кои, бывъ отправлены въ началѣ его царствованія въ чужіе края, возвратились оттуда съ желаніемъ сблизить насъ съ народами просвѣщеннѣйшими и пославили наши общества на Европейскую ногу. Отъ того по вы увидите, въ частной жизни Рускихъ времени Петра I, странную пестроту: борьбу стараго съ новымъ, осипатки Рускихъ обычаевъ съ примѣсю обыкновеній Голландскихъ, Французскихъ и Англійскихъ; непринужденность въ обращеніи вмѣстѣ съ мѣлочнымъ эпикеномъ; у однихъ Азіатскую пыш-

пость, у другихъ благоразумную умѣренность, не терпящую излишества и не знающую недосыпалка. Каждая семья представляеть въ своемъ быту нѣчто отдѣльное, сохраняющее свой особый цвѣтъ. Я изложу въкратцѣ домашнюю жизнь главнѣйшихъ лицъ въ столицѣ и попомъ постараюсь схватить нѣкоторыя черты, которыя при всемъ разнообразіи нравовъ въ частности, были почти общія у всѣхъ.

Главою исключительныхъ любителей старины былъ князь Федоръ Юрьевичъ Ромодановскій. Связанный съ Государемъ узамъ родства; любимый и уважаемый Алексеемъ, Феодоромъ и Цесремъ за его испытанную вѣрность, любовь къ правдѣ и проникательный, хотя необразованный умъ: занимая въ государствѣ

важнѣйшую должность, онъ въ домашнемъ кругу являлся совершеннымъ Рускимъ бояриномъ сипариннаго покроя. Онъ одинъ осмѣлился прошиву-спать точной волею Петра касательно перемены въ одежду. Никогда не угождалъ прихотямъ господствовавшей въ его время моды; всегда носилъ Руской кафтанъ, отороченный узенькимъ золотымъ или серебрянымъ позументомъ, и черные усы съ просѣдью, которые еще въ послѣдніе годы царствования Алексея Михайловича украшали его лице 1). Обыкновенно грубый въ обращеніи, онъ не перемѣнял онаго ни съ кѣмъ, и равно принималъ какъ вельможу, такъ и послѣдняго изъ гражданъ. Никто не смѣлъ взѣхать къ нему на дворъ. Самъ Петръ, навѣщая Князя-Кесаря, оспаивалъ одноколку свою у шесовыхъ воротъ его.

и пѣшкомъ подходилъ къ его дому 2); никогда не садился въ каретѣ съ нимъ рядомъ, а всегда напередѣ 3). Въ обществахъ никто не смѣлъ сѣсть передъ нимъ. Приходившіе къ нему, какого бы они званія ни были, должны были прежде поклона хозяину, осушить большой кубокъ проснаго вина, приправленнаго перцемъ, поднесеннаго на золотомъ блюдѣ ручнымъ медвѣдемъ. Худо тому, кто вздумалъ бы отказать! медвѣдь, упустивъ блюдо, вѣщлялся въ парикъ или волосы гостя, и до тѣхъ поръ не давалъ ему покоя, пока сей не соглашался принять чинимаго ему привѣщствія 4). Простые щи, кулебяка съ угремъ, разварная стерлядь и баранья буженина съ чеснокомъ, были главными кушаньями его обѣдовъ. Столѣшніе меды, пива, настоенные ягодами, и изрѣдка маль-

вазія, наполняли золотыя или серебряныя кружки, поставленные передъ каждымъ приборомъ. Въ осеннее время, когда хлѣбъ былъ убранъ съ полей, отправлялся онъ изъ Москвы, чинить въ окрестностяхъ сей столицы, въ рощахъ, прилежащихъ къ селамъ Коломенскому, Измайлову и далѣе, потѣшился охотою, а особенно соколиною, которую любилъ до смерти. Ни одинъ владѣтельный князь Германіи, можетъ быть, не показывалъ въ подобныхъ случаяхъ такой пышности, какую являлъ сей Рускій вельможа. Въ то время бояре поставляли за славу имѣть во дворѣ многочисленную челядь: одни содержали домовыя войска, родъ тѣлохранителей, состоявшія большею частію изъ дворовыхъ людей, одѣтыхъ въ цвѣта, находившіеся на гербахъ господъ; другіе имѣ-

ли каждый свой дворъ, составленный изъ бѣдныхъ дворянъ на жалованьѣ, и ѹспросенныи у однихъ, на подобіе двора древнихъ Рускихъ Царей, у другихъ по образцу Европейскихъ дворовъ 5). Въ день, назначенныи княземъ Ромодановскимъ для охоты, множество ловчихъ, сокольничихъ, подсокольничихъ и подданныхъ въ зеленыхъ чекменяхъ съ золотыми или серебряными нашивками, или опушеныхъ иногда соболями, въ красныхъ шараварахъ и желтыхъ сапогахъ, въ длинныхъ по локоть лосиныхъ рукавицахъ и горноспасевыхъ шапкахъ; съ перевязями черезъ плечо, одною изъ серебряной тесьмы, къ которой привѣшена была обшная бархатомъ лядушка, и другою золотую, на копей висѣлъ серебряный рогъ, описанные ремнями, которые увѣшены были

кольцами, собравшись у воротъ, ждали повелѣній князя - кесаря. По данному знаку выѣзжали они, при звукахъ роговъ, на горскихъ лошадяхъ въ поле: одни, ведя за собою на смычкахъ своры собакъ, другіе, неся на прикрѣпленныхъ къ пальцамъ спальныхъ кляпышахъ (*), обвитыхъ серебряною или золотую проволокою, Сибирскихъ крешетовъ съ приѣшными къ шейкамъ бубенчиками, подъ бархатными клубочками, шитыми серебромъ, золотомъ или разноцвѣтными шелками б). Князь-кесарь приглашалъобыкновенно многихъ вельможъ для раздѣленія сей забавы. Онъ самъ выѣзжалъ на Арабскомъ жеребцѣ. Свита его, проспировавшаяся иногда до 500 человекъ,

---

(*) Такъ назывались палочки изъ металла или твердаго дерева, на конорыхъ сокольничіе держали крешетовъ.

вся посажена была на лошадяхъ съ его коюшени; большой обозъ со съеспными принасами и напипками ѣхалъ въ слѣдъ. Во время охоты подсокольничіе подавали князю и госпямъ его кляпыши съ кречетами, Собаки напускались для опыканія добычи; едва она подымалась, державшіе на рукахъ кречетовъ снимали съ нихъ клубочки, и громкіе крики одобренія сопровождали сихъ вѣрныхъ охотниковъ, когда, пустившись стрѣлою на добычу и поразивъ ее, они по свисту сокольничаго, возвращались къ своимъ господамъ. Охота оканчивалась сытымъ обѣдомъ. Тѣ изъ простыхъ ловчихъ или сокольничихъ, которые имѣли случай оплацишься, удосшонвались чести раздѣлять трапезу князя. За множествомъ блюдъ слѣдовала общая попойка: большія чаши, наполненныя

виномъ, переходили изъ рукъ въ руки, и чѣмъ ловля была усильнѣе, тѣмъ пирь былъ шумнѣе. — Таковыя охоты продолжались иногда по нѣсколькимъ мѣсяцевъ сряду. Петръ не любилъ сего рода забавъ, но снисходилъ къ прихотямъ свапа своего, князя Ѳедора Юрьевича.

Сія священная привязанность къ старинѣ оставалась почти наследственною въ родѣ князей Ромодановскихъ. По смерти князя Ѳедора Юрьевича, сынъ его князь Иванъ Ѳедоровичъ, принявъ титулъ опца (*), руководствовался его правилами и въ домашней жизни. Тоже обращеніе со

(*) Титулъ Князя Кесаря, данный Петромъ князю Ѳедору Юрьевичу передъ первымъ отъѣздомъ его въ чужіе края въ 1697 году.

вѣми, тожь же эрикеть, тѣ же забавы. Число послѣдователей Ромодановскаго было многочисленно. Иванъ Ивановичъ Бутурлинь, Лопухины, Нарышкины и много другихъ вельможъ, которыхъ имена менѣе извѣстны, старались по возможности соглашать обычаи предковъ своихъ съ тѣми, какіе дворъ вводилъ въ употребленіе.

Графъ Федоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, также какъ и князь Федоръ Юрьевичъ, былъ свать Государю и пользовался отличными уваженіемъ Петра. Домъ его въ два этажа, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Зимній дворецъ 7), былъ однимъ изъ обширнѣйшихъ въ Пешербургѣ; при ономъ находился большой садъ, извивавшійся по берегу Невы до нынѣшняго адмиралтейскаго бульвара. Убавленію комнатъ соотвѣп-

ствовало обширности зданія: вездѣ на стѣнахъ видны были штофные обои, тяжелые столы съ настичками изъ коси или разноцвѣтнаго дерева и съ вызолоченными ножками, кресла и стулья съ высокими спинками, обитыя рышью бархатомъ. Госпиталь было одною изъ главныхъ добродѣтелей генераль-адмирала. Всякій день, въ 4 часа по полудни 8), спавшись у него для полдника (льпомъ въ аллеяхъ или бесѣдкахъ сада, зимою въ обширныхъ галереяхъ дома) столы, одни съ холодными кушаньями, сахарными закусками и плодами на серебряномъ, вызолоченномъ сервизѣ; другіе съ разнаго рода винами. Апраксинъ, отдохнувъ послѣ обѣда, приходилъ въ залу, гдѣ ждали его собравшіеся гости. При звукахъ духовой музыки, расположенной въ разныхъ

концахъ сада или въ галереяхъ, гости садялись за столы, и начиналась пирушка. Одни уходили, другіе приходили; слуги перемѣняли блюда и особенно бупылки, и бесѣда продолжалась до 10 часовъ вечера. По общепринятому въ то время мнѣнію, умѣнье жить состояло въ томъ, чшобъ хорошо накормить и напоить гостя, въ какое бы время онъ ни пришелъ. Отказываться отъ предлагаемаго хозяиномъ, было неучтиво, и молодой человекъ, который не выпивалъ столько, сколько пилъ старшій, показывалъ неуваженіе къ хозяину и ко всѣмъ присутствовавшимъ. Добрый адмиралъ имѣлъ особенное дарованіе угощать приходившихъ къ нему: часто видали сего почтеннаго старика съ обнаженною головою, покрытою сѣдинами, стоящаго на колѣняхъ пе-

редь упрямымъ гостемъ съ прозьбою
осушить еще послѣдній кубокъ. Опъ
того рѣдко кто уходилъ опъ него не
извеселъ. Носивъ званіе генераль-адми-
рала, графъ Апраксинъ составлялъ, по-
слѣ Метра, главное лице при заклад-
кѣ и спускахъ кораблей. Послѣ за-
кладки Императоръ со всею фамилією
и всѣ присутствовавшіе при церемо-
ніи съѣзжались къ нему, чпобъ за
кубкомъ вина пожелать благополучна-
го окончанія начашому дѣлу. Однажды
въ 1721 году вздумалъ онъ при подо-
бномъ случаѣ позабавить гостей сво-
ихъ травлею. Сія любимая забава преж-
нихъ нашихъ Царей выходила тогда
уже изъ обыкновенія, а опъ того
новость сего явленія привлекла тол-
пы любопытныхъ. На площади передъ
графскимъ домомъ, нынѣшней Двор-
цовой, построили родъ полукруглаго

амфитеатра. — Когда посѣщители собрались въ галереяхъ адмиральскаго дома, впустили въ ограду дикаго медвѣдя и льва изъ шѣхъ, кошорыхъ посланикъ Волынскій привезъ въ 1714 году изъ Перси. Началась жестокая борьба: разъяренные звѣри быспро бросились другъ на друга; попеременно слышны были то ревъ одного, то рыканіе другаго; наконецъ медвѣдь, изнузивъ противника, началъ браться верхъ: но Царь, опасаясь, чинобъ левъ не сдѣлался жертвою въ сей стычкѣ, приказалъ прекратить правлю. Шюгда въ ошесуствіе Петра изъ столицы, генераль-адмиралъ принималъ въ своемъ домѣ посланиковъ: Бухарскихъ, Калмыцкихъ и Хивнскихъ. Въ другое время, командуя на Кронштапской реидѣ флотомъ, дѣлалъ онъ морскіе празд-

ники 12). Всѣ снасти судовъ украшались разноцвѣтными флагами : въ одномъ мѣстѣ слышны были пѣсельники ; въ другомъ звуки духовыхъ инструментовъ ; здѣсь манросы , для забавы съѣхавшихся изъ Петербурга госней , ломались , кривлялись и прыгали ; тамъ показывали они ловкость свою , бѣгая по веревкамъ и спускаясь съ мачты. Съ наступленіемъ вечера , палуба , мачты , реи и всѣ снасти были освѣщены. Богатый ужинъ , состоявшій какъ обыкновенно изъ множества блюдъ , ждалъ посѣпителей. При каждомъ шествіи нами изъ пушекъ , и не рѣдко залпъ изъ всѣхъ орудій , при последнемъ здоровьи въ честь основателя Россійскаго флота , заключалъ собраніе. Никшо не возвращался домой съ снхъ праздниковъ въ шопъ же день. Генераль - адмираль поставлялъ

въ томъ славу, чтобы хорошо уго-
спить дорогихъ своихъ поспешелей,
которые расходились не прежде какъ
при выстрѣлѣ пушки, возвѣщавшей на
другой день упренную зорю.

Между боярами, способствовавши-
ми Петру къ переобразованію Рос-
сійскихъ правовъ, первое мѣсто за-
нимаетъ фельдмаршалъ Борисъ Пеп-
ровичъ Шереметевъ 13). Еще въ ма-
лолѣтствѣ Петра употребляемъ онъ
былъ въ заграничныхъ посольствахъ.
По окончаніи Азовскаго похода, въ ко-
торомъ явилъ онъ въ себѣ будущаго
героя подъ Полтавою, Шереметевъ,
восхищенный устройствомъ видѣн-
ныхъ имъ странъ, рѣшился поспешить
ихъ снова, и въ то время, когда
Петръ, съ топоромъ въ рукахъ стро-
илъ суда на Заандамской верфи, ближ-
ній бояринъ его искалъ просвѣщенія

на противуположномъ концѣ Европы. Онъ видѣлъ Вену и пышный дворъ Леопольда, богатую Венецію и дожа ея во всемъ его великолѣпіи, величественный Римъ съ его развалинами, и наконецъ Мальту, коей воинственные рыцари приняли его въ число своихъ собратій. Возвратившись въ отечество, онъ первый подалъ собою примѣръ той утонченности въ нравахъ, того приличія, которыхъ послѣ старался распространить между своими соотечественниками. Первый изъ Рускихъ явился передъ Петромъ во Французскомъ кафтанѣ съ Мальтійскимъ крестомъ на груди и въ осыпанной бриліантами шпагѣ, подаренной ему Императоромъ Леопольдомъ. Онъ любилъ пышность, но не Азіатскую, не ту, которая безъ нужды слѣпиль глаза, распространяясь на все безъ разбора.

Домъ фельдмаршала, на Фоншанкѣ противъ Лышняго сада 14), былъ прибежищемъ для всѣхъ немущихъ : за столъ его, на которомъ не спавилось менѣе 50 приборовъ, даже въ походное время, садился всякій, званый и незваный, знакомый и незнакомый, и только съ условіемъ чѣтобъ не чиниться передъ хозяиномъ. Обѣды его, пригошовленные лучшимъ образомъ, не обращались никогда въ шумные пиры: фельдмаршалъ ненавидѣлъ излишество и не любилъ бесѣды, въ то время обыкновенныхъ, въ которыхъ кубки съ виномъ играли главную роль. Самъ Петръ столько уважалъ его, что никогда не принуждалъ пить, и во время праздниковъ Государевыхъ, Щереметевъ и князь Михайла Михайловичъ Голицынъ одни освобождены были отъ наказанія, состоявшаго въ

осушеніи кубковъ *большаго орла*. Общественно его состояло изъ людей самыхъ образованныхъ: генераль-фельдцейгмейстера Брюса, Англійскаго посланника лорда Випворша, Прусскаго Мардефельда и другихъ иностранныхъ министровъ и ученыхъ, находившихся тогда въ Россіи, и, не смотря на малое просвѣщеніе того времени, молодые люди считали за честь и славу, если могли попасть въ вечернія собранія фельдмаршала. Не было, можетъ быть, человѣка въживше и ласковѣ въ обращеніи. Часто, разъѣзжая по Москвѣ, окруженный множествомъ скороходовъ, бѣгуновъ и домовыми войсками, оспапавливался онъ на улицѣ и выходилъ изъ кареты, чтобъ подать руку старому сослуживцу. Последніе годы жизни своей посвящалъ онъ благотворительности.

Онъ умеръ въ 1719 году, любимыи воиномъ и народомъ. Петръ уважалъ его чрезвычайно, называлъ его своимъ Балрдомъ и Тюренемъ, всегда встрѣчалъ и провожалъ его до двери своего кабинета, и поспавилъ бы ему монументъ въ Невскомъ монастырѣ, еслибъ смерть не помѣшала Государю въ исполненіи сего намѣренія 15).

Но никто изъ приближенныхъ къ особѣ Петра не жилъ великолѣпнѣе любимаго его, князя Меншикова. Знаи, что Государь, сохраняиши престошу во всемъ, лично до него касавишемся, любилъ, вышедъ изъ часпнаго бышу, окружати себя блескомъ, Меншиковъ, въ угодность ли Монарху, или по собственннй склонности, показывалъ въ часпной жизни пышность, соопвѣщенвенную высокому званію владѣтельнаго князя Ижерскаго и

Нигерманландскаго. Онъ имѣлъ своихъ каммергерровъ, каммеръ-юнкеровъ и пажей 16). Домъ его на Васильевскомъ оспрову, на самомъ берегу Невы, тамъ гдѣ нынѣ 1 кадетскій корпусъ, былъ въ тогдашнее время обширнѣйшимъ и красивѣйшимъ зданіемъ въ Петербургѣ 17). Обои шпофные и гобеленовые, подаренные Петру I въ Парижѣ, большіе бронзовые часы съ боемъ и курантами, люстра изъ цвѣтнаго хрустала съ золотыми или серебряными вѣтвями, большія венеціянскія зеркала въ зеркальных рамахъ съ позолоченными обручиками, столы на шолстыхъ, вызолоченныхъ ножкахъ съ выкладками изъ разноцвѣтнаго дерева, представлявшими всякаго рода звѣрей и птицъ, диваны и спуля, обитыя шелковыми тканями, съ высокими спинками, на копорыхъ изображенъ былъ гербъ

хозяина съ княжескою короною, и Персидскіе ковры на полу, служилили украшеніемъ комнапъ. За домоь просширался обширный садъ, лучшій въ Пешербургъ послѣ Царскаго, съ оранжереями, сараями фруктовыхъ деревьевъ, липичниками и небольшимъ звѣрипцемъ 18). Въ первые годы пребыванія своего въ Пешербургъ, Петръ часто давалъ въ семь жителямъ столицы домъ пиры, на которые отпускалъ князю по тысячѣ рублей 19). Иногда принималъ здѣсь иностранныхъ пословъ въ устроенной для сего нарочно пронной залѣ, подлѣ кошорон была гардеробная Государя 20). Онъ пріѣзжалъ къ Меншикову запроспо: передъ началомъ аудіенціи выходилъ изъ гардеробной въ пронную въ парадномъ кафтанѣ, и по окончаніи оной, сбросивъ шягостную для себя церемоніаль-

ную одежду, уходилъ отъ своего любимца.

Роскошные праздники князя Меншикова болѣе всего походили на Европеекіе. Князь, столько способствовавшій Петру I въ произведенныхъ имъ перемѣнахъ, поспавлялъ въ шомъ славу, чпобъ сколько можно приблизиться къ обычаямъ, какіе въ то время наблюдаемы были при образованнѣйшихъ дворахъ Европы: ибо зналъ, что ничѣмъ лучше не угодишь Петру. Гости прїѣзжали къ нему въ лодкахъ: на берегу рѣки, у крыльца, на лѣшницѣ и у всѣхъ дверей встрѣчали ихъ, при звукѣ трубъ и литавръ, пажи, камеръ-юнкеры и камергеры князева двора, въ синихъ мундорахъ, шипыхъ золотомъ, въ башмакахъ съ золотыми пряжками и въ цвѣтныхъ шелковыхъ чулкахъ съ золотыми или

серебряными спрысками. Обѣды его, пригошовленные лучшими выписанными изъ Париска поварами ²¹), состояли иногда изъ 200 блюдъ и подавались на золотомъ сервизѣ: погреба наполнены были лучшими винами. Народъ толпился на улицахъ, чпобъ поспотрѣть на князя, когда онъ въ торжественные дни ѣхалъ во дворецъ. Въ тогдашнее время многочисленная услуга и пышность въ экипажахъ соснавлили необходимость для людей хорошаго тона. Баринъ или барыня не могли выѣхать изъ дому, въ саняхъ ли или въ каретѣ, безъ того чпобъ, кромѣ слугъ позади, не имѣть впереди себя нѣсколькихъ верховыхъ, которые днемъ разгоняли на улицахъ народъ, а ночью, неся въ рукахъ длинныя факелы, указывали и освѣщали дорогу ²²). Въ большіе праздники любимецъ Петра,

перѣхавъ черезъ Неву на выложенной зеленымъ бархатомъ внутри и раззолоченной снаружи лодкѣ, выходилъ у своей австеріи, находившейся на Псакиевской площади, тамъ гдѣ нынѣ сенапъ. Отсюда начиналось торжественное его шествіе: впереди шли скороходы и служители дома въ богатой ливрѣ, потомъ ѣхали музыканты и пажы верхомъ, въ синихъ суконныхъ и бархатныхъ кафіланахъ съ золотыми позументами по швамъ; за ними самъ князь въ каретѣ, сдѣланной на подобіе вѣера, на низкихъ колесахъ, съ золотымъ гербомъ на дверцахъ и большою княжескою короною изъ того же металла на имперіалѣ, и запряженной шестью лошадьми въ уборѣ изъ малиноваго бархата съ золотыми или серебряными украшеніями. По сторонамъ шло по три камеръ-

юнкера, изъ конхъ одинъ держался за ручку каретныхъ дверецъ, и наконецъ небольшой отрядъ драгунъ князева полка заключалъ шествіе.

Не буду говорить о госпепринимствѣ Шафирова, въ домѣ кошораго на Петербургской сторонѣ неподалеку отъ Самсоньева моста ²³), была обширнѣйшая въ Петербургѣ зала, и коего погребъ заключалъ въ себѣ лучшія вина; о жившемъ подлѣ графѣ Головкинѣ ²⁴), коего бережливостъ обратилась въ пословицу и кошораго дочери по образованію, любезности и красотѣ были въ числѣ первыхъ дѣвицъ въ столицѣ ²⁵); объ ученомъ и веселомъ князѣ Каншемирѣ, коего супруга; урожденная княжна Трубецкая, слыла первою красавицею въ Петербургѣ; о племянницѣ ея, милой княжнѣ Черкасской; объ Измайловѣ, посланникѣ нашемъ въ

Пекинъ въ 1720 году, коего домъ былъ весь меблированъ въ китайскомъ вкусѣ; наконецъ о баронѣ Строгоновѣ, на роскошныхъ пирахъ котораго являлось до 20 дѣвицъ, игрою на арфѣ и пѣніемъ восхищавшихъ зрѣніе и слухъ поѣшителей. Описаніе ихъ образа жизни наскучишь однообразіемъ. Перейду къ обыкновеніямъ, которыя были почти общими въ то время всѣмъ, составлявшимъ высшее общество.

Примѣръ двора, всячески старавшагося сблизить всѣ состоянія и распространить общественную жизнь между Рускими, скоро подѣйствовало на людей, у которыхъ гостепріимство было врожденною добродѣтелью. Тогда этикетъ не раздѣлялъ еще состояній столько, сколько теперь; зазывныхъ билетовъ не знали; приглашали только самыхъ знатныхъ;

прочіе, знакомые и незнакомые, приходили въ назначенный часъ, сажались за столъ, и покушавъ хлѣба - соли, уходили, часто не заботясь о хозяйнѣ. Хозяинъ или хозяйка встрѣчали гостей въ дверяхъ, при звукѣ шрубъ и лишавръ, поклономъ и рюмкою водки или вина. Обѣды, начинавшіеся въ 12 часовъ, были продолжительны и состояли изъ множества блюдъ. Въ частныхъ собраніяхъ, когда съѣзжались одни короткіе знакомые, жребій назначалъ дамѣ кавалера, который долженъ былъ ее вести къ столу, садиться рядомъ съ нею и услуживать за обѣдомъ. Во время стола доморощенный музыкантъ забавлялъ гостей игрою на гусяхъ. Въ торжественные дни вмѣсто гусей слышны были духовые инструменты: дамы находились въ одной, а кавалеры въ дру-

гой комнатѣ. Въ концѣ обѣда подносили первымъ сахарныя закуски, къ мужчинамъ же приносили ящички съ винами: Венгерскимъ, Рейнскими и нѣкоторыми Французскими. Начинались посшы: обыкновенно предлагалъ оныя самъ хозяинъ. Когда случалось, что Государь находился въ числѣ присутствующихъ, то первымъ посшомъ было всегда призваніе Божіей милости, а впорымъ благоденствіе семейству Цвана Михайловича Головина, то есть, флору (*). Петръ считалъ сей посшь

(*) Генераль-маіоръ Головинъ отправленъ былъ Петромъ I въ концѣ XIII вѣка въ Венецію выучиться Италіянскому языку и строенію кораблей, а особенно галеръ; но сіи занятія были не по его вкусу. Четыре года пробылъ онъ въ Венеціи, и одинъ только разъ былъ на тамошней верфи. Когда онъ воротился, Царь для испытанія повелъ его въ адмиралтейство;

столь важнымъ, что обѣщала шушу своему Португальцу Лакосту 100.000 рублей, если бы случилось когда нибудь пропустить оный. Во время стола Государь уходилъ отдыхать и черезъ часъ возвращался. Послѣ обѣда гости переходили въ другую комнату къ дамамъ, гдѣ ждали ихъ чай, кофе и лимонадъ. Если общество было не

но первые отвѣты Головина показали, что онъ не имѣлъ понятія о кораблестроеніи. Выучился ли ты хоть по Италіянски? спросилъ Петръ. — Очень мало, Государь. — Что же ты дѣлалъ? — Курялъ табакъ, пилъ вино, и игралъ на басу, отвѣчалъ Головинъ. — Сей лаконизмъ и опкровенность понравился Петру, и Государь, какъ будто въ шутку, сдѣлалъ его адмиралтейскимъ совѣтникомъ и главнымъ надзирателемъ С. Петербургской корабельной верфи. Петръ любилъ Головина за его прямоту, испытанную вѣрность и за оказанное въ сраженіяхъ мужество.

многочисленно, и не лъзя было танцовать, то призывали домашняго козака, которыи шъшилъ посьпипелей пляскою съ припѣвомъ и игрою на торбанѣ, или на балалакѣ. Въ другое время, когда не случалось гостей, передъ конми надлежало чиниться, садилась играть: мужчины между собою въ кости, шахматы или шашки; замужнія дамы съ нѣкоторыми кавалерами въ короли, марьяжъ, ломберъ, ламушь или ланпре; дѣвушки съ молодыми мужчинами забавлялись игрою въ фанты, или въ кошку и мышку, или въ жгушы, и тому подобное.

Общества наши того времени представляли странную противоположность: совершенную непринужденность между мужчинами и самый строгій этикетъ въ обращеніи съ женщинами. Простое обхожденіе Петра

служило примѣромъ для подданныхъ. Въ собраніяхъ одни лишь давали право на ошличіе: часто вельможа, занимавшій важнѣйшее мѣсто въ государствѣ, вснаваль передъ челоуѣкомъ низшаго званія, покрытымъ сѣдинами. Особенно старшіе въ семьяхъ пользовались у младшихъ уваженіемъ, котораго слѣды и теперь примѣшны въ коренныхъ Рускихъ фамиліяхъ: такъ напримѣръ, герой Финляндіи, князь Михайла Михайловичъ Голицынъ, имѣя около 60 лѣтъ отъ роду, не смѣлъ никогда садиться при братѣ своемъ князь Дмитрій Михайловичъ, который былъ нѣсколькими годами старше. Семейственная жизнь Рускихъ бояръ представляла нѣчто патриархальное. Родственные связи уважались гораздо болѣе нынѣшняго. Въ семейственный праздникъ все родные съзжались

къ дававшему оный. Старшій занималъ почетное мѣсто; прочіе, мужчины и женщины, составивъ около него большой кругъ ждали позволенія сѣсть. Когда всѣ занимали свои мѣста, онъ начиналъ разговоръ, входилъ въ обстоятельство каждой семьи: однимъ давалъ совѣты, другимъ дѣлалъ замѣчанія, и словомъ, распоряжалъ дѣлами каждого. Никто изъ присутствовавшихъ самъ собою не могъ заговаривать съ старшимъ или обращаться къ другимъ во время его разговоровъ; все дѣлалось по его волѣ; всѣ старались о томъ только, чтобъ ему угодить.

Нѣсколько сотъ лошадей на конюшнѣ, множество каретъ, колясокъ, фаэтоновъ и колымагъ въ сараяхъ, и многочисленная дворня составляли принадлежность всякаго дворянскаго

дома. Между слугами нѣкоторые пользовались преимущественно оплатіемъ передъ прочими. Няня завѣдывала всею хозяйствомъ; шушь или дуракъ садился иногда за столъ съ господиномъ и имѣлъ позволеніе говорить, что ни приходило ему на умъ; сказочникъ находился при баринѣ, когда онъ ложился спать, и обязанъ былъ, сидя у ногъ его на постели, рассказывать всякій день что нибудь новое до шѣхъ поръ, пока господинъ не уснетъ крѣпкимъ сномъ. За обѣдомъ слуга, оплатившійся долговременною службою въ домѣ, имѣлъ право, сходя за стуломъ, вмѣшиваясь въ разговоръ господъ своихъ. Въ большіе праздники все шолопою приходили поздравлять своего господина или госпожу, которые подносили имъ по рюмкѣ вина. Для обѣдовъ каждый день накрывались дщи-

ные столы, покрытые множеством
 разнаго рода блюдь, если даже садн-
 лось за столомъ не болѣе двухъ чело-
 вѣкъ. Когда не случалось посторон-
 нихъ, баринъ, вѣроятно по примѣру
 прежнихъ царей, которые свой столъ
 посылали на домъ къ подданнымъ, ко-
 ихъ хотѣли оплачить, разсылаъ съ
 своего стола блюда, или, какъ ихъ
 называли, *подаги*: нянь, дворецкому,
 конюшему, сказочнику и другимъ изъ
 служившей, пользовавшихся его ми-
 лостію.

Женщины не имѣли въ то время та-
 каго вліянія на общества, какимъ поль-
 зуются нынѣ. До Петра показывались
 онѣ между мужчинами рѣдко, и то на
 нѣсколько минутъ. Къ концу обѣда,
 за хлѣбнымъ, входила въ комнату,
 гдѣ сидѣли за столомъ мужчины гости,
 нарумяненная хозяйка въ кокошникѣ,

бархатной, обложенной соболемъ тѣлогрѣикѣ, и башмакахъ съ высокими каблуками. За нею дочери, съ повязками на головахъ, въ цвѣтныя сарафанахъ и башмакахъ такихъ же какъ у маперіи. Осѣнивъ себя три раза крестномъ передъ сѣнявшею въ углу иконою и поклонившись гостямъ, онѣ, не говоря ни слова, подносили каждому по чашыре кубка: съ водкою, виномъ, пивомъ и медомъ. Каждый гость долженъ былъ осушить кубки за здоровье красавиць, и въ благодарность получалъ онѣ ихъ поцѣлуй въ щекѣ. — Сильно ограничивалось участіе женщинъ въ общесѣвахъ, пока указы Петра не дали имъ правъ, равныхъ съ правами мужчинъ. Одыныя въ европеекія платья, выученныя танцованію и говоренію по Нѣмецки, онѣ перестали замѣнять прирѣдныи румянецъ под-

дѣльными, чернили зубы и брови; радовались большей свободѣ; но, не смотря на все старанія Государя, по привычкѣ, или слѣдя внушенію старушекъ, сохранили въ обращеніи съ мужчинами нѣкоторую дикость, поддерживаемую господствовавшимъ въ то время мнѣніемъ. Дѣвушка въ обществѣ, чѣмъ не нарушить правилъ приличія, не могла вступать въ разговоръ съ незнакомымъ мужчиною, а если была къ тому принуждена, то должна была отвѣчать на все вопросы самымъ короткимъ образомъ, и если можно не болѣе какъ *да - съ* и *нѣтъ - съ*; не могла два или три раза танцовать въ вечеръ съ однимъ мужчиною, если онъ ей былъ не родственникъ. Замужнія пользовались болѣею свободою, но и эта свобода была гораздо ограниченнѣе нынѣшней.

При такой застывчивости женщины не могли имѣть большаго вліянія на мужчинъ. Однакоже оно существовало. Желаніе нравиться, почти врожденное всемъ людямъ, занимало пошь и другой полъ. Кошюмы сдѣлались щеголеватѣе, или лучше сказать, пышнѣе прежняго. У женщинъ появились платья, шитыя золотомъ, серебромъ, или унизанныя жемчугомъ; у мужчинъ цвѣтныя бархатныя кафтаны съ пуговицами изъ золота или драгоценныхъ камней; прически *à la Vallière* и длинныя алонжевыя парики. Обращеніе съ женщинами сдѣлалось принужденнѣе. Между мужчинами родилась услужливость къ дамамъ, которая еще носила примѣны своего младенчества. Такъ наиримѣръ, однажды въ 1721 году, чтобъ починить красоту княгини Кантемиръ,

гости, собравшись послѣ обѣда у нее въ спальнѣ, пили ея здоровье изъ вещицъ, принадлежавшихъ къ ея туалету: стеклянныхъ башмаковъ, сапожковъ и проч. Въ обществѣ учтивый кавалеръ долженъ былъ поднести дамамъ, которыхъ хотѣлъ оплести, букетъ свѣжихъ цвѣтовъ. На улицѣ, встрѣчался ли ѣхавшій мужчина съ знакомою дамою въ каретѣ, оба экипажа съ многочисленною ихъ свитой останавливались; кавалеръ, не взирая на погоду, выходилъ изъ своего, и съ обнаженною головою, держа шляпу въ рукахъ, подходилъ къ каретѣ красавицы, чтобъ имѣть удовольствіе привѣтствовать ея поцѣлуемъ руки.

Таковы были обыкновенія въ высшемъ классѣ общества при Петрѣ I. Въ простомъ народѣ оставались съ Русскою одеждою и обычаями старинные.

Они также изменялись, но весьма мало, и теперь еще являются наблюдаемю почти въ первоначальной своей простотѣ.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

ОБЩЕЖИТІЕ ДОНСКИХЪ КАЗАКОВЪ
ВЪ XVII И XVIII СТОЛѢТІЯХЪ.

РОДИНЪ МОЕЙ.

Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Роднаго неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Замыя игры первыхъ лѣтъ,
И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнитъ?
О родина свѣпая!
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?

Жуковскій.

ОБЩЕЖИТІЕ ДОНСКИХЪ КАЗАКОВЪ ВЪ XVII И XVIII СТОЛѢТІЯХЪ.

Въ отечественную войну 1812 года Донское войско показало свѣту свои чувства: всѣ казаки, и старцы и юноши, взяли за оружіе, подвизались за вѣру и отечество.

При первомъ звукѣ воинской трубы старшии Донской воиновъ Побѣдинъ, секундъ-маіоръ прошедшаго столѣтія, выслалъ своего послѣдняго сына и внука въ полкъ, въ которомъ старшинъ его сынъ служилъ есауломъ; когда же образовалось ополченіе, самъ спа-

рикъ, снявъ со стѣны дѣдовскую саблю, пошелъ къ Москвѣ — умереть подъ стѣнами ея или торжесивовать побѣду съ братьями.

Между шѣмъ многочисленныя полчища Наполеона, опустошая Россію, приближались къ древней столицѣ. Есауль Побѣдинъ, проходя съ отрядомъ, чрезъ деревню Гжи Б., отбилъ шапку мародѣровъ, готовившихся расхищать ея имущество. Казаки прогнали непріятеля, но дорого заплатили за сей успѣхъ : есауль былъ убитъ; съ нимъ вмѣстѣ пали братъ и сынъ его. Донскіе воины, оплакавъ смерть своего начальника, погребли его въ одной могилѣ съ его родными; Гжа Б. и признательные поселяне офосили слезами смиренный крестъ, воздвигнутый надъ прахомъ храбрыхъ защитниковъ отечества.

Старикъ Побѣдинъ получилъ роковую вѣсть о сеи потерѣ подъ Москвою; общія несчастія отечества заглушили въ душѣ его голосъ скорби. Дѣти мои умерли, какъ должно Русскимъ воинамъ, думалъ онъ; грѣшно сокрушашься о нихъ. Святая Русь мать моя; родимый Донъ мое семейство; я еще не сирота. Царь призритъ старость мою, Господь Богъ низпошлетъ утѣшеніе.

Побѣдинъ кончилъ кампанію, былъ два раза во Франціи, и осенью 1815 года возвращался домой, украшенный орденами и ранами. Въ пылу сраженій, въ торжествѣ побѣдъ, онъ помышлялъ единственно объ опечаленіи и не чувствовалъ грусти; но она опоздалась въ душѣ его въ тишинѣ мира. • Другіе возвращаются на радость въ дома, а я побѣду оплакалъ на могилѣ

родныхъ, » сказалъ онъ; взявъ оппускъ, и полешьль на то мѣсто, гдѣ навѣки погребено было его семейшвенное счастье.

Надъ прахомъ дѣшей своихъ Побѣдинъ нашель памятникъ, воздвигну- пый Гжею Б. Не взирая на швердость старика, грусть, попряшая его душу, раскрыла его раны, и чрезъ нѣсколько дней онъ слегъ въ постелю; искусство медика, при искреннемъ участіи Гжи Б., скоро возвратило его къ жизни, но не къ счастью.

У Гжи Б. уже все было готово къ отъѣзду въ Москву; она убѣдила По- бѣдина сопутствовать ей, съ тѣмъ, чпобы оппуда не прежде опправиться на свою родину, какъ по совершен- номъ выздоровленіи.

Въ домъ Гжи Б. въ Москвѣ собира- лось оппичное общество; всѣ, кпо

къ ней ѣздили, принимали истинное участіе въ положеніи Побѣдина. Взирая съ особеннымъ уваженіемъ на защитниковъ отечества, всякій разъ осыпали Побѣдина вопросами о его родинѣ и образѣ жизни его земляковъ, о ихъ обычаяхъ, увеселеніяхъ и проч.

Отвѣты его подавали поводъ къ новымъ вопросамъ. Онъ говорилъ о началѣ казаковъ, о первыхъ ихъ подвигахъ, о частной ихъ жизни: егo-шо рассказы рѣшился я здѣсь предсказать публикѣ.

РЫЦАРСКАЯ ЖИЗНЬ КАЗАКОВЪ.

КАЗАКИ въ первобытномъ состояніи вели жизнь полудикую, своевольную, почти кочевую, и безпрестанно искали приключеній или добычи на водахъ и степяхъ Украины. Составленные изъ пришлецовъ разныхъ земель и областей, сіи разноплеменные толпы не знали утонченностей общежитія, жили въ шалашахъ, питались плодами, рыбою и дичиною; все наслажденіе полагали въ войнѣ и набѣгахъ.

Только въ XVII столѣтіи гражданская жизнь казаковъ приняла видъ образованности; отсюда я начну свой рас-

казь. Но и въ это время не найдете разнообразія свѣтской жизни среди жилищъ казачьихъ: тогдашній Донецъ въ занятіяхъ, въ отдыхѣ, въ забавахъ, является всегда воиномъ. Во снѣ и наяву одна мысль занимаетъ его: оружіе, слава и добыча; война его снѣхія, его радость. Древность наша заключается въ *Рыцарской жизни казаковъ*, въ которой вы не встрѣтите ничего похожаго на нынѣшнее.

По правому берегу Дона, отъ устья рѣчки Аксая до нынѣшней Воронежской губерніи, въ глуши лѣсовъ, между непроходимыми болотами, были разсѣяны небольшія крѣпости, единственные ихъ жилища, извѣстныя тогда подъ именемъ *городковъ*. Въ этихъ городкахъ, гдѣ едва помещалось несколько бѣдныхъ избъ, или землянокъ, казаки, имѣя въ соседствѣ без-

покойныхъ враговъ, проводилъ всю свою жизнь, почно какъ на бивакахъ; не могли по этому заботиться ни о красотѣ, ни объ удобности домовъ своихъ; старались только имѣть пріютъ и защиту отъ непогоды, полагая, что нарядныя строенія привлекутъ къ нимъ жадныхъ непріятелей. « Пускай, говорили они, пламя набѣговъ сожжетъ городки наши: черезъ недѣлю заплетемъ новые плетни, набьемъ ихъ землею, покроемъ избы, и городокъ готовъ; скорѣ врагъ устанетъ сожигать наши жилища, нежели мы возобновляемъ ихъ. »

Казачи рѣдко жилали и въ своихъ городкахъ, а собирались всегда въ нижней части Дона въ *главное войско* (главный городокъ), откуда расходились уже въ походы. Сначала Раздоры, потомъ Монастырскій, и наконецъ

Черкасскій, одинъ послѣ другаго были главными городками. Сіе *главное войско* представляло степинный воицкій станъ, въ кошоромъ нѣсколько тысячъ челоуѣкъ, всегда вооруженныхъ, жили подъ открытымъ небомъ. Множество различныхъ племенъ сославляли это общество. На казакѣ видали смѣсь оружія и уборовъ разныхъ народовъ: Ногаиское или Черкесское сѣдло; Крымская или Турецкая попона; Черкесская епанча; Русская пищаль, оправленная по шурецки, и при ней рогъ и вязни; Переицкая сабля; на поясѣ булатный ножъ съ черенками рыбаго зуба; Турецкій сайдакъ (лукъ), ружье, рога-тина, сославляли богатство и украшеніе тогдашнихъ казаковъ. Каждый день собирались они на площадь судить въ *кругу* своемъ о дѣлахъ общихъ и частныхъ; случалось ли вести

судъ о какомъ либо предложеніи отъ Рускаго Государя , или о другомъ важномъ дѣлѣ, выносили на середину круга жалованное Царемъ знамя. Порогныя или пенныхъ въ кругъ не пускали; имъ прощали вины при трудномъ какомъ либо предпріятіи, подъ условіемъ заслужить дарованную милость храбростію; въ такихъ случаяхъ писали въ призывныхъ граматахъ по городкамъ: « Собирайшесь въ войско всѣ атаманы молодцы, пенные и непенные; а вины ихъ имъ отдадутся; ослушники же да лишатся расправы въ войскѣ. » Или « и на томъ (ослушникѣ) наша войсковая пеня: вѣкъ битъ и грабить, и суда ему въ войскѣ не будетъ. » Сіе послѣднее означало лишеніе гражданства.

Спирогая осторожность наблюдалась въ главномъ войскѣ. Кромѣ того, что

самый городок обнесень былъ стѣною, двонная, а иногда тронная цѣнь пикетовъ охраняла стѣнь; учреждались ближніе и дальніе конные разъѣзды; военныя суда, покрывавшія берега Дона и пропоки, были прикованы цѣнями или затоплены; спада и шабуны спереглись на островахъ, или между льсомъ и болошами, куда почти не было пути. Казаки гордились своею бѣдностію, и однажды, подобно Скивамъ, они отвѣчали Крымскому Хану на письмо, въ коемъ онъ угрожалъ пришши самъ для опустошенія ихъ жилищъ: «Донскіе казаки угрозы твоихъ
 « не бояся: хопя ихъ городки неко-
 « рыстны, оплетены плетнями и об-
 « вѣшены терномъ, но достававль ихъ
 « надмежитъ швердыми головами; спадъ
 « же и шабуновъ у насъ мало: напра-
 « сно забьешься ты въ шакую даль.»

Въ главномъ войскѣ рѣшались всѣ распоряженія о воинѣ и набѣгахъ; здѣсь кипѣла вѣчная дѣятельность: одни возвращались изъ похода, другіе отправлялись на поиски. Вотъ получена вѣсть, что Ташары хлынули на разореніе Украины: нѣсколько сотъ отважныхъ набѣдниковъ потчасъ бросаются на перевозки и броды, застигаютъ въ скрытыхъ мѣстахъ, и выждавъ непріятеля, опмщаютъ ему кровію за раны опечества; плѣнники и сокровища враговъ награждаютъ мужество храбрыхъ.

Иногда они вихремъ неслись въ области Тавриды, или въ кочевья Ногайцевъ: сокрытые отъ пронизательныхъ взоровъ непріятеля темною ночью, или мракомъ суроваго ненастья, они нападали на прошивниковъ въ расплохъ; пользуясь ихъ смятеніемъ прошекали, подобно молніи, улусы мусуль-

манскіе, прежде нежели устрашенный врагъ могъ опомниться, и возвращался въ войско съ табунами Таварскихъ коней и прелестными плѣнницами.

Еще чаще небольшія партіи охотниковъ, отъ 5 до 50 человекъ, пускались доставать вѣшей и плѣнныхъ, или къ Азову, или къ Ногайцамъ на Куму, Кубу и далѣе, или наконецъ въ Тавриду. Удалъцы рыскали по степямъ, ища *сакмы* (*) непріятельской; слѣ-

(*) *Сакма*, Татарское слово, сдѣлавшееся у казаковъ техническимъ, означаетъ лошадиннй слѣдъ на правѣ. Казаки были столь опытны въ своихъ наблюденіяхъ, что узнавали по сакмѣ, во сколько лошадей прошелъ непріятель, куда имѣлъ направленіе, когда именно прошелъ, сего дня, вчера, прешьяго дня и и. д.

манскіе, прежде нежели устрашенный врагъ могъ опомниться, и возвращался въ войско съ табунами Ташарскихъ коней и прелестными плѣнницами.

Еще чаще небольшія партіи охотниковъ, отъ 5 до 50 человекъ, пускались доставать вѣстей и плѣнныхъ, или къ Азову, или къ Ногайцамъ на Куму, Кубу и далѣе, или наконецъ въ Тавриду. Удалъцы рыскали по степямъ, ища *сакмы* (*) непріятельской; слѣ-

(*) *Сакма*, Татарское слово, сдѣлавшееся у казаковъ техническимъ, означаетъ лошадинъ слѣдъ на правѣ. Казаки были столь опытны въ своихъ наблюденіяхъ, что узнавали по сакмѣ, во сколько лошадей прошелъ непріятель, куда имѣлъ направленіе, когда именно прошелъ, сего дня, вчера, шретьяго дня и ш. д.

дили враговъ, и настигнувъ брали пѣнныхъ или быстрымъ нападеніемъ, или подкравшись въ темнотѣ ночной къ спяну, или воспользовавшись оплошностію опстальныхъ. Когда не было *сакмы*, то наѣзники подбѣгали къ самымъ улусамъ, и тушь различными военными хитростями забирали добычу. Нерѣдко удавалось имъ отбивать цѣлые табуны, тысячи по двѣ и болѣе лошадей. Вообще въ энихъ поискахъ казакъ *шелъ въ травѣ съ травою равенъ*: высокіи ковыль, кустикъ, пенъ, деревцо, ямка, заборъ, все способствовало къ удачѣ всаднику невидимкѣ. Овраги, горы, рѣки сшивались ни во что: войны и кони умѣли всѣмъ пользоваться. Предъ ними широкая рѣка; въ нѣсколько минутъ у каждаго казака явится понтоиъ своего покроя: нѣсколько пучковъ камыша

плотно связанныхъ; на нихъ перевозилъ онъ сѣдло и вьюкъ, а самъ съ конемъ пускается вплавь. Это называлось у казаковъ *переправляться на салахъ*, и было перваго онъ Азіящевъ.

Гораздо важнѣе были поиски морскіе. Въ малыхъ ладьяхъ, изъ которыхъ каждая едва помѣщала отъ 30 до 80 человекъ, казаки безспрашно носились по морямъ Азовскому и Черному до Константинополя и древней Колхиды; брали корабли, каторги, кояки Турецкія; собирали дань съ Колхидцевъ, разоряли селенія, приступали къ городамъ. Соль и оружіе, рыба и серебро, одежда и золото, шовары и драгоценныя каменья, все было ихъ добычею. Также какъ по степямъ, часомъ и на моряхъ удавцы отправлялись малыми партіями искать добычи, или,

какъ они говорили, *зипуны доставать*,
 опъ чего сами назывались *зипунника-*
ми. Во время бури это морское вой-
 ско на малыхъ судахъ своихъ прешер-
 пѣвало величайшя бѣдствія. Однажды,
 когда Государь, въ 1646 году, хотѣлъ
 было опправить на морской казачій
 поискъ своего дворянина, казаки пи-
 сали: «Государь! надобно бытъ твердо
 « и привычну, чтобы переносить на-
 « ши походы: часто бури такъ разно-
 « сяшъ насъ, что не взвѣдаемъ другъ
 « друга: одни въ глазахъ нашихъ шо-
 « нушъ, другіе разбиваются о камни
 « и скалы; часто по нѣскольку дней
 « остаемся мы безъ запасу и воды.»
 Но тѣ, кои спасались опъ разбишя
 и попопленія, еще съ большимъ тру-
 домъ избѣгали опъ рукъ враговъ своихъ,
 нарочно послѣ всякой бури разѣзжав-
 шихъ по морю для нападенія на казаковъ.

Отплытіе на поиски всегда сопровождалось нѣкоторымъ благоговѣйнымъ торжествомъ; возвращеніе праздновалось съ шумною веселостію. Въ первомъ случаѣ весь народъ спекался къ часовнѣ (послѣ къ церкви, когда оныя были построены); вмѣстѣ съ походнымъ войскомъ слушали обѣдню и молебны, молили угодника Николая о покровительствѣ подвизавшихся на брань, и вышедъ на площадь, гдѣ пригоповлено было вино и медъ, пили прощальный ковшъ. Потомъ провожали походное войско до судовъ; на берегу еще запивали взаимное прощаніе, и оставалась путь до тѣхъ поръ, пока веселые ратники, напѣвая дружнымъ хоромъ: « ты прости, ты прощай, « тигій Донъ Ивановичъ, » терялись изъ виду. Тогда оспальные возвращались на площадь, и желая, какъ они

говорили, поглядить дорожку своимъ походнымъ собратамъ, доканчивали недопитое съ громкими желаніями успѣховъ и побѣды опилывшимъ.

Если поиски казаковъ были удачны, тогда день возвращенія ихъ праздновали съ особеннымъ торжественствомъ. Пробѣхавъ благополучно чрезъ устья Дона, походныи апаманъ посылають въ главное войско легкіи спружокъ съ извѣстіемъ о своемъ пріѣздѣ; всѣ, бывшіе тушь на то время, старыи и молодыи, стекались на берегъ. Побѣдители, одѣтые въ лучшія изъ добычныхъ одеждъ, съ распущенными знаменами, съ пѣснями, при звукахъ листавръ, торжественно пробѣжали мимо стоявшей толпы, привѣщивовали съ судовъ родные берега пушечными и ружейными залпами, и взаимно принимали отъ встрѣчающихъ радостныя

поздравленія. Предки наши, равно какъ и нынѣшніе Донцы, всякіи успѣхъ дѣла приписывали волю Божію. Отъ того всегда постоянно сохраняется у насъ обрядъ, что войско, возвращающееся изъ похода, идетъ прямо къ церкви. По этому обычаю, суда всякіи разъ оспанавливались противъ часовни, и не прежде какъ по оппѣтій благодарныхъ молебновъ, воины выходили на площадь для свиданія съ родными и товарищами. Поздравительные ковши съ виномъ и медомъ быстро переходили изъ рукъ въ руки; ратники хвалились добычею, дѣлали подарки, и усѣвшись въ кружки, за дружескою чарою рассказывали жаднымъ слушателямъ о своихъ подвигахъ.

Древніе Донцы хорошо понимали ремесло свое, и принимаясь за дѣло, исполняли его съ воинскою точно-

чиваль его разсоломъ, чшобъ позаржавло: на ясномъ желѣзѣ *играеть глазъ*, говорили они. Никогда преждевременно не объявляли, куда предназначался походъ, но по большей часѣи рѣшали эшо въ морѣ или въ полѣ. Въ войсковомъ же *кругу* назначалось просто: ипши на море, ипши въ Ногайскую землю, въ Тавриду и шому подобное. Всякія вѣсти у плѣнныхъ и у своихъ посыльныхъ спрашивали въ *кругу*, особо одни старшины и лучшіе казаки; молодыхъ же казаковъ и новыхъ пришельцевъ никогда къ шому не допускали. Старики придумывали все, чшо могло помогашъ успѣху ихъ оружія.

Осправляющаяся въ походъ флотилія сосшояла вся изъ судовъ одномачшovýchъ, не болте 5 и 8 сажень длиною, въ 16 или 40 весель, съ *рейнымъ па-*

русомъ (*), съ брусьями по бокамъ, связанными изъ камыша, въ сажень и больше толщины, коими прикрывались казаки отъ непріятельской стрѣльбы; нѣсколько небольшихъ пушекъ и фалконетовъ составляли все ихъ вооруженіе. Выждавъ удобный случай, ночью или въ туманную погоду, сія флотилія быстро устремляея на корабли и капорги непріятельскія, настигаея ихъ прежде, нежели они успеюа приготовить къ защитѣ, и быва всегда оканчиваея абордажемъ и побѣдою. Послѣ того суда пристаютъ къ берегу для нападенія на городъ или селеніе. Вы подумаете, что шамъ уже провѣдали о казакахъ, и при-

---

(*) Такъ называли паруса, прикрѣпленные къ реямъ судовъ.

готовились къ оборонѣ: нѣтъ, удалыцы останавливаются въ мѣстахъ самыхъ скрытыхъ и почти неприступныхъ, и вышедъ изъ судовъ, бѣгутъ опрометью до назначеннаго мѣста, зашиваютъ непріятеля въ безпечности и побѣждаютъ его. Случается ли, что и на нихъ нападетъ многочисленнѣйшій врагъ: они спѣшатъ къ устью какой нибудь рѣки или къ морскому берегу, зашиваютъ все свои суда и разсылаются врознь. Прошла опасность, и они снова собираются къ судамъ, выливаютъ изъ нихъ воду, приправляютъ весла и по прежнему пускаются въ море на поиски.

Ужасъ, который распространили казаки своими морскими походами по всему поморью, едва върошенье: иногда, по одному слуху о ихъ приближеніи, жители бросали дома, разбѣгались по

лѣсамъ, и на нѣсколько сотъ верстъ кругомъ не лзя было встрѣпить челоуѣка ни въ селеніяхъ, ни въ городахъ. Казаки брали здѣсь все, что было лучше, цѣниѣ и нужнѣ для нихъ.

Наполнивъ суда свои добычнымъ грузомъ и плѣнными, они спѣшили во свояси, и остановясь на Дону въ нѣкопормъ разстояніи отъ *главнаго войска*, дѣлили между собою поровну добычу, что называлось у нихъ *дуванъ дуванить*. Плѣнники поступали въ *дуванъ* точно также, какъ всѣ другія вещи. Сего непріятельскаго *лсыря* собиралось иногда на Дону тысячъ до двухъ и болѣе. Казаки старались забирать преимущественно знатныхъ людей для полученія выкупа. Цѣна окупа доходила до 30 тысячъ злѣпыхъ, а особенно за Турецкихъ пашей. Рядовыхъ воиновъ и простомудниковъ вымѣни-

вали на Рускихъ невольниковъ, многими сотнями привозимыхъ въ Азовъ, для чего близъ нижнихъ юртъ находился окупный яръ, или разбѣнное мѣсто, гдѣ производился выкупъ *асы-ря*. Еще болѣе казаки брали въ плѣнь женщинъ, коихъ собиралось иногда на Дону тысячъ до трехъ. Женъ знатныхъ мурзь также отдавали на окупъ, прочихъ же привѣшлывымъ обхожденіемъ прихочивали ко всегдашнему у себя жителству и обыкновенно женились на нихъ; иногда жены Донскихъ старшинъ брали ихъ къ себѣ въ дома для хозяйства или въ собесѣдницы. У казаковъ существовалъ обычай, чшобы всѣхъ шѣхъ, кои попадалися въ плѣнь на *самомъ острову*, ш. е., въ Монастырскомъ, или Черкасскомъ городкахъ, неминуемо казнить смертію, какого бы званія кто ни былъ.

Мы имѣемъ много пѣсень о *дуваняхъ*; для примѣра, повшорю одну изъ нихъ.

П Ъ С Н Я.

Какъ со славной со восточной со сторонушки,
 Протекала быстрая рѣчушка славный шихій Донъ;
 Онъ прорылъ, прокопалъ младенъ горы крушыя,
 А по правую-шо сторонушку лѣса темные.
 На Дону-то все живущъ братцы люди вольные,
 Люди вольные живутъ то Донскіе казаки.
 Собирались казаки други во единый кругъ,
 Они спали межъ собою да все *дуванъ* дѣлать:
 Какъ на первый апъ пай они клали пѣшь сотъ рублей,
 На другой-то пай они клали всю тысячу,
 А на третій спановили красную дѣвицу;
 Какъ распушился, какъ расплачешся добрый молодецъ
 Голова ль ты моя головушка несчастливая,
 Ко бою-шо, ко батальницѣ ты найпервая,
 На паю-шо, на *дуванъ* ты послѣдняя.
 Какъ вовговорилъ красна дѣвица добру молодцу:
 Ахъ! не плачьшы, не тужи, удалъ добрый молодецъ,
 Я сотку тебѣ шелковъ коверъ въ пятьсотъ рублей,
 А другой коверъ сотку тебѣ во всю тысячу;
 А третій-шо коверъ я сотку, что и смѣшы ишьтъ.

Донцы любили въ старину славить дѣла свои въ народныхъ пѣсняхъ. На всякое замѣчательное происшествіе, даже на каждый важный подвигъ своего собрата, они тотчасъ сочиняли новыя пѣсни, которыя все имѣющъ свой собственный характеръ.

Изъ приведенной мною вы видите, что красавица заснавила молодца кручиниться, и почему дивитесь: Донцы во время рыцарской своей жизни, посвятивъ ее единственно воинъ и набѣгамъ, опасались знакомить сердце съ прелестію любви. Юноша, побѣжденный нѣжною сирастію (рѣдкій примѣръ), былъ чуждъ ихъ обществу и преслѣдуемъ даже въ самомъ кругу своихъ товарищей обидными упреками. Сія общая черта въ народномъ духѣ пренящивовала прелестному полу имѣть вліяніе на общежитіе.

нашихъ предковъ; въ то время женщины были ограничены кругомъ своей семьи и немногими знакомствами съ сосѣдками.

Но казаки, а особливо *Ишювые*, всегда были разборчивы въ красоту, выбирая себѣ женъ изъ прелестнѣйшихъ пльницъ: Черкешенокъ, Турчанокъ и Ташарокъ. Обидное чувство ревности было имъ незнакомо. Нѣкоторые вѣнчались по уставу церкви, другіе ограничивались однимъ объявленіемъ предъ народомъ объ избранной ими женѣ. Сей послѣдній обрядъ въ старину былъ всеобщій у казаковъ, и даже тѣ, кои сочетались по правиламъ церкви, необходимо должны были предварительно его исполнить. Совершался онъ такимъ образомъ: женихъ и невѣста, согласившись на супружество, приходили вмѣстѣ въ со-

браніе народа (въ кругъ) на площадь, или въ *становую избу*. Помолясь Богу, кланялись на всѣ стороны и женихъ, назвавъ невесту по имени, говорилъ: « *ты будь мнѣ жена.* » Невѣста, поклонившись ему въ ноги, ошебчала, также называя по имени: « *а ты будь мнѣ мужъ.* » Послѣ сихъ словъ вспутившіе въ бракъ цѣловали другъ друга, и принимали опъ всего собранія поздравленія. Этимъ оканчивался весь обрядъ, и утвержденное такимъ образомъ супружество почишалось законнымъ. Въ самомъ этомъ обрядѣ вы видите, какое преимущество имѣлъ мужъ предъ женою: дѣеспвительна власть его была почти неограниченна.

Сколь легко было, по обычаямъ казаковъ, заключать супружество, столько же легко и разорвать оное: мужъ могъ сдѣлать это во всякое время, даже

подъ тѣмъ предлогомъ, что жена ему не нравилась. Для разводовъ существовала особенный обрядъ, который всеми постоянно былъ наблюдаемъ: мужъ, введя жену свою въ собраніе народа, говорилъ: «*Атаманы молодцы! она была мнѣ услужливая и вѣрная супруга; теперь она мнѣ не жена, а я ей не мужъ.*» Оказанную жену шутъ же могъ взять другой, прикрывъ ее полою своего плашня, и шучю съ тѣмъ же объявленіемъ предъ всемъ народомъ: «*ты будь мнѣ жена и проч.*» Прикрытіе полою казаки починали весьма важнымъ символомъ: оно значило сянъ съ оказанной жены безчесніе развода. Впрочемъ, всенаріну большая часть казаковъ оснавались холосными, шакъ, что въ иномъ городкѣ не было болѣе одного или двухъ женатыхъ. Но семейственная

жизнь имъ правилась до такой степени, что дѣшеі у женатаго няньчили всѣ его спанички, и когда показывался первый зубокъ у младенца, всѣ наперерывъ смотрѣли его съ восторгомъ.

Не подумайте, чтобы эти странности брачныхъ обрядовъ происходили отъ неуваженія религій; нѣтъ, казаки всегда были набожны. Они имѣли два собствєнные монастыря: одинъ Никольскій ниже Воронежа, въ Борщевѣ, другой Рождественскій Чернѣевъ въ Шацкѣ. Многіе казаки, потерявшіе силу воевать, по обѣщанію посвящались здѣсь въ монахи, или просто оставались для того, чтобы въ богомольѣ провести остатокъ жизни. Здѣсь, точно какъ въ инвалидномъ домѣ, или богадѣльнѣ, всякій дряхлый, увѣчный, раненый казакъ могъ прію-

пишьяся, и находилъ покой и содержаніе. Доицы ничего не жалѣли къ обогащенію своихъ монастырей: случилось ли получать знашную добычу на войнѣ, они почитали святымъ долгомъ жертвовать частію оной святымъ; опнимали ли опъ непріятеля испорченныя пушки, потчасъ отсылали ихъ въ монастыри на колокола; серебро, золото, жемчугъ, каменья, блестяя въ ризницахъ и церквахъ, свидѣтельствовали объ усердной вѣрѣ нашихъ правдѣдовъ. Въ сихъ же монастыряхъ сохранялись и частныя пожитки многихъ казаковъ, особенно дорогія вещи, которыхъ они не оснавали въ своихъ городкахъ, по причинѣ частыхъ набѣговъ непріятельскихъ.

Казаки въ то время почти со всѣхъ сторонъ были окружены непріятелями; но Азовцы, ближайшіе ихъ сосѣди

и самые неугомонные враги, были имъ
 всѣхъ несноснѣе. Раздѣленные 50 вер-
 стами пустаго пространства, они по
 нѣсколько разъ въ году заключали меж-
 ду собою миръ и столько же разъ оный
 разрывали. Мирное время считали дня-
 ми, а войну мѣсяцами. Нерѣдко слу-
 чалось, что перемиріе прерывалось
 въ тошъ самый день, когда было за-
 ключено: обѣ стороны старались
 пользоваться малѣйшимъ на то пово-
 домъ; даже частная ссора, или драка
 одного казака съ жителями Азова мо-
 гла возродить войну. Особенно казаки
 личное оскорбленіе поварицей своихъ
 принимали безчестіемъ цѣлому наро-
 ду. Войну почитали забавою: « Дѣ-
 « ло наше казачье не великое, гово-
 « рили они, случится которому ка-
 « заку поѣхать Дономъ на низъ за сѣ-
 « номъ, или за дровами, и Азовцы

« успѣють его схватить: намъ ли про-
 « снись эпо? мы понимаемъ у нихъ
 « двухъ, шрехъ, и война возгорншея;
 « послѣ сошлемся, помиримся, и плѣн-
 « ныхъ на обѣ стороны возвратимъ.»

Донцы негодовали на Азовцевъ за то,
 что они не умѣли держать ни своего
 слова, ни мирныхъ договоровъ, и во-
 преки послановленіямъ всегда ихъ за-
 дирали: « Какъ же намъ не снись
 « за себя? доколѣ въ силахъ держать
 « саблю, живые не дадимся въ руки.»
 Еще болѣе мешали они Азовцамъ за-
 ихъ насмѣшки и говорили въ оправданіе
 свое: « не дозволимъ никому оскорб-
 « лять себя; снн невѣрные вздумали
 « ругаться надъ нами: поймавъ на
 « промыслахъ казаковъ, оспригаювъ
 « у нихъ бороды и усы.» Казаки по-
 чипали безчестьемъ просить у нихъ
 мира, и уснновили правило никогда

даже не начинашь первыхъ переговоровъ о перемиріи, говоря: « мы даемъ миръ, а просишь его намъ непригоже. »

Впрочемъ, они долгое время не могли жить въ покоѣ и потому, что въ войнѣ заключался испочинку ихъ довольства и богатства; иногда только, по настояніямъ Рускихъ Государей, и то весьма рѣдко, они споспай мѣсяць, или болѣе, наглоести Азовцевъ, не разрывая съ ними мира; но считали это важнымъ пожертвованіемъ, и всегда старались поставить на видъ Государю: что для него *терпятъ* миръ съ Азовцами, для него прекратили морскіе походы, *что онъ взялъ за себя всю волю ихъ на водѣ и на сушѣ; а у нихъ то и лучшій запасъ былъ, чтобъ по вся дни подъ Азовъ и на море ходить*, и что содержа долго-

временный миръ, они останутся босы и голоды.

Всякій мирный договоръ казаковъ съ Азовцами былъ сопровождаемъ извѣстными обрядами и утверждался обоюдною клятвою. Дѣло обыкновенно начиналось тѣмъ, что изъ Азова прїѣзжали въ *главное войско* мировщики склонять казаковъ къ прекращенію войны, и когда ласками и угощеніемъ успѣвали въ своемъ намѣреніи, то на вторичномъ създѣ довѣренныя обѣихъ сторонъ поставляли условія договора, который вельдь за тѣмъ утверждался со стороны казаковъ присягою *лучшихъ атамановъ*, а со стороны Азовцевъ *шертованіемъ* князя и старѣйшинъ города. Тогда войско размѣнивало амановъ, угощало у себя мировщиковъ и довѣренныхъ, и одаривъ ихъ запасомъ, виномъ и ме-

домъ, отпускало обратно. Существовала постоянный обычай, утвержденный указомъ Турецкаго султана, что Азовъ каждый разъ, при заключеніи мира, обязанъ былъ давать на войско известное число козловъ, соли, сѣшей и тысячу злопыхъ.

Въ мирныя условія обыкновенно было включаемо, чтобы казакамъ *грезь замирныя мѣста* не ходить на море, а Азовцамъ на Рускую Украину и казачьи городки. Иногда еще *выговаривали* Азовцы, чтобы казаки извѣщали ихъ о томъ, что будетъ писано въ грамотахъ Рускаго Царя на Донъ, обязываясь взаимно уведомлять войско о всѣхъ дѣлахъ и намѣреніяхъ Порты и Тавриды. Но казаки никогда не объявляли ни слова о содержаніи своихъ грамотъ, хотя изъ Азова

получали подробныя извѣстія. За это обыкновенно возобновлялись ссоры и война, а наконецъ подобныя спашьи вовсе перестали вносить въ договоры. При разрывѣ мира, та сторона, которая начинала войну, посылала другой *размирную*. Не посылать же оной былъ пошупокъ безчестный; но Азовцы часто это дѣлали, и въ такихъ случаяхъ казаки уже поступали съ ними безъ пощады.

Хотите ли узнать, какъ писывались эти *размирныя*? я одну изъ нихъ помню: « Оупь Донскаго атамана и
 « всего войска Азовскому Сулейманъ
 « нашъ проздравленіе. Для дѣль великаго
 « нашего Государя мы были съ вами въ
 « миру; нымъ все войско приговорили
 « съ вами миръ нарушишь; вы бойшеся
 « насъ, а мы васъ станемъ ошпер-

« гаться. А се письмо и печать вой-
сковыя ».

Зная характеръ Азовцевъ, казаки не дорожили ихъ дружбою; ибо и во время мира должны были соблюдать точно тѣже оспорожности, какъ и во время войны. Миръ и размирье для нихъ было одно и то же, даже послѣднее предпочитали, потому что не нарушая правилъ чести, могли свободно *залегать* по перелазкамъ и воевать на морѣ. Однако же въ мирное время оба народа соблюдали наружные признаки дружбы, торговали другъ съ другомъ, ѣзжали въ гости и проч. — но дружба эта и союзъ никогда не возрастали до такой степени, чтобы вмѣстѣ ходить на поиски или на войну; казаки почитали это безчестіемъ, и когда одинъ разъ Царь настоятельно того требовалъ (1630),

они опившествовали: « Ради умереть
 « за тебя, Государь; но не хотимъ
 « служишь съ бусурманами: какой
 « союзъ можемъ имѣть съ людьми, ко-
 « торыхъ презираемъ, и которые видяшь
 « въ насъ прямыхъ враговъ своихъ? »

Казаки вели себя такимъ образомъ
 съ Азовцами не пошому, что нахо-
 дили ихъ слабыми или шрусамн; на-
 прошивъ, сн прошивники были дерз-
 ки, мужественны, неушомимы и все-
 гда подкрѣпляемы шолпами Крымцевъ,
 Ногайцевъ, Черкесъ, которые почти
 постоянно у нихъ проживали и хо-
 дили вмѣстѣ воевать на Украину.
 Въ Азовѣ бывали наѣзтники удивитель-
 ной храбрости; объ одномъ изъ нихъ
 лежала въ окрестныхъ странахъ по-
 словица: « легче взять городъ, не-
 « жели одолѣть Резепу (имя его). »

Резепа, бывъ 80 лѣтъ, еще приводилъ въ спыдъ всѣхъ юношей своею бодростію и проворствомъ. Казаки на одномъ бою взяли его въ плѣнь; но, уваживъ чудесную его славу, выдали на окупъ за 8 тысячъ кумачей.

Кажется, Донцы всегда умѣли перехитрить Азовцевъ. Кто подумаетъ, напримѣръ, чпобы они могли найтти доброжелателей въ самомъ Азовѣ, которые бывъ подкуплены деньгами, или ласками, сообщали имъ всѣ вѣсти о предпріятіяхъ и намѣреніяхъ своихъ соотечественниковъ? Людей сихъ въ *войскѣ* никогда не безчестили укорипельнымъ наименованіемъ шпионовъ, или переметчиковъ; но принимали какъ *добрыхъ своихъ пріятелей* и обыкновенно называли: *наши прикормленные люди*. Припомъ же, имѣя всегда неприятельскихъ пѣнныхъ, казаки знали

все, что замыслили Турки, Крымцы, Азовцы и Ногайцы, однимъ словомъ *войско* представляло тогда живую газету всѣхъ новостей о южныхъ сосѣдахъ Россіи, и сюда присылали за вѣстями изъ украинскихъ городовъ, изъ Аспрахани и Царицына; сами казаки съ своей стороны посылали по нѣскольку разъ въ годъ *вѣстовыя станицы* въ Москву. Особенно они знали все, что дѣлалось и думалось въ Азовѣ; это родило у насъ народную поговорку, которую и теперь услышите даже опъ диняши въ такомъ случаѣ, если кто рассказываетъ небылицу съ намѣреніемъ обмануть, или дѣло давно известное за новость: «*разказывай Донскому казаку Азовскія вѣсти!*»

Ногайцы, а въ послѣдствіи времени Калмыки, столько же были неспособны въ исполненіи мирныхъ до-

говоровъ. Не смотря на то, казаки иногда давали симъ народамъ позволеніе кочевать вдоль по Дону, почти въ виду своихъ городковъ. Ихъ не останавливало предательство враговъ; казалось они произвольно подвергали себя очевиднымъ опасностямъ, какъ бы спрашась упастъ духомъ въ бездѣйствіи. Часто сіе вѣроломные Азіяпцы въ то самое время, какъ заключали договоръ съ *войскамъ*, тайно условивались съ Азовцами о совокупномъ нападеніи на казаковъ. За подобное коварство казаки уже мстили варварски: въ глазахъ мурзь и шайшей они терзали плѣнныхъ, привязавъ ихъ къ хвостамъ лошадей.

Для стада своихъ и табуновъ, Донцы готовили на зиму сѣно, которое всегда оставалось въ лугахъ; ибо въ городкѣ было иѣсно и опасно отъ

огня. Дабы оно уцѣло при набѣгахъ непріятельскихъ, казаки со всеми сосѣдами своими установили правило, чтобы сѣна ни въ какомъ случаѣ не жечь: разоряй и сожигай городки, бей людей, дѣлай всё варварства, но сѣна не прогай.

Вы видите, что у древнихъ Донцевъ война была забавою, любимымъ упражненіемъ. Самые разбой ихъ по Волгѣ, сполько всеми порицаемые, иногда носили отпечатокъ особенной характерности; такъ на примѣръ: однажды (1660 года) шайка подобныхъ бродягъ, прибывъ на одинъ Астраханскій учугъ, и нашедъ его пустынь, писала къ владѣльцу онаго: « Были мы апаманы
« молодцы на твоемъ учугѣ и не на-
« шли въ немъ ничего; приказываемъ:
« вышли туда 50 ведеръ вина, 10 пудъ
« патоки, 50 мѣшковъ пшеничной муки,

« да земли и опоки чшо серебро лютьъ.
 « Если ослушаешься, атаманы молод-
 « цы выжгутъ твои учуги; а буде,
 « сверхъ чаянїя, спанешь жаловагься
 « воеводѣ, тогда не пеняй на насъ. »

Древнихъ Донцовъ всѣ упрекають
 спрастію къ корысти; но я расскажу
 случаи, копорые сему прошивурѣчатъ.
 Однажды Султанъ, доведенный до край-
 ности казачьими набѣгами, придумалъ
 было купишь дружбу *войска* дачею еже-
 годнаго жалованья; но посоль его Кан-
 шакузинъ, при всѣхъ своихъ старанїяхъ,
 не могъ въ шомъ успѣть. Это случилось
 въ 1627 году. Каншакузинъ и на До-
 ну, и на пути къ Москвѣ, и въ са-
 мой Москвѣ всячески ласкалъ казаковъ,
 поиль виномъ и медомъ, даже нарочно
 дѣлалъ для нихъ въ Москвѣ пышное
 угощенїе; но они смѣялись всѣмъ его
 зашѣямъ, и прежде нежели проводили

его отъ себя, учинили новый набѣгъ на Турецкія области. Послѣ того Порша, дабы склонить казаковъ къ миролюбію, однажды прислала съ тѣмъ же посломъ въ подарокъ войску четыре *золотые* кафшана. Казаки, отвергнувъ даръ сей, отвѣщивали, что «у Донскаго войска и однимъ Государевымъ жалованьемъ всего много, а султанскіе подарки имъ ненадобны.» Потомъ, хотя и приняли кафшаны по настоятельному убѣжденію Кантакузина, но такъ мало ихъ цѣнили, что черезъ нѣсколько дней пошли на приступъ къ Азову и самого сего посла казнили.

Турки употребляли не одиѣ деньги для удержанія казаковъ отъ морскихъ походовъ. На двухъ протокахъ (Каланчъ и Мершвомъ Донцѣ), которыми можно было проходить въ море, они

поставили крѣпости съ башнями, наполнили оныя гарнизономъ, а черезъ рѣку перешанули цѣпи. Казаки, въ насмѣшку, пускали ночью внизъ по рѣкѣ бревна, кои ударяя въ цѣпи, содержали въ безпреспанной тревогѣ Турецкій гарнизонъ, и не рѣдко доводили до того, что онъ пренебрегалъ сими плавнями; тогда Донцы, пользуясь симъ временемъ, переплывали въ маленькихъ лодкахъ между бревнами въ море. Они и въ большихъ ладьяхъ, вопреки всѣмъ осторожностямъ Турокъ, производили свои любимые поски, попому что ладьи сіи были весьма легки, и казаки перетаскивали оныя сухимъ путемъ съ одной рѣки на другую. Такимъ образомъ, или прямо съ Дона, или поднявшись вверхъ по Донцу, перевозили они свои струги на Міусь и сею рѣчкою выходили

въ море. Возвратившись къ ней послѣ похода они запопляли ладьи, что бы при новомъ походе опять ими воспользоваться. Наконецъ, наскучивъ сими усиліями, они сами между Каланчесю и Мершвымъ Донцемъ прорыли свой *казакіи ерикъ* (каналъ), коимъ уже свободно проходили въ море.

Казакіи наводили такой ужасъ на Турокъ и Крымцевъ, что когда однажды Азовцамъ удалось плѣнить нашего атамана Павла Федорова, то они голову его немедленно отправили къ Крымскому Хану, а Ханъ послѣдствіемъ представилъ оную въ Царьградъ Султану, какъ лучшій трофей своего оружія.

Я столько насклазаль вамъ о войнѣ и набѣгахъ моихъ земляковъ, что вы спросите: что спасало самихъ казакъ отъ взаимныхъ набѣговъ непріа-

пельскихъ? Впервыхъ, безпрестанная оспорожность. Я уже упомянулъ выше, что шарашные городки наши всегда были обружены пикешами и развѣздами и что казаки весьма вѣрно знали намѣренія своихъ враговъ. Такимъ образомъ, коль скоро доходила къ нимъ вѣсть, что непріятель хочеть напастъ на ихъ жилища, немедленно отправлялись *посыльные* по всемъ городкамъ съ граматами, чтобы Донцы собирались въ *главное войско*; оставшіеся съ женами и дѣтьми, сходились городковъ изъ 5 или 6 въ одно мѣсто и укрѣплялись для защиты. Имущества тогда укрывали въ займищѣ (*), гдѣ на таковые случаи были сдѣланы ямы на подобіе

(*) Займищемъ у казаковъ называется лугъ, прилегающій къ рѣкѣ, который понимается

погребовъ. Въстовая пушка подавала знакъ къ тревогѣ; при ея выстрѣлѣ, всякій съ оружіемъ въ рукахъ бѣжалъ на площадь. Въ послѣдствіи, вмѣсто пушки, казаки завели въсповый колоколь, разсчитывая, что палишь изъ пушки убыточно.

Вовторыхъ, казаки тщательно старались скрывать отъ непріятелей настоящее свое положеніе и географію своей страны. Для того Крымскихъ посланниковъ и всякихъ плѣнныхъ, коихъ должно было доставлять въ Москву или обратно, они не иначе провозили Дономъ, какъ подъ палубою своихъ струговъ, или закрывъ ихъ на судахъ инымъ способомъ, дабы, какъ

весенними разливами воды; на немъ обыкновенно растеть камышъ, осока и болотный лѣсъ; бывающъ также сѣнокосы.

говорили казаки, *не знали они дороги по Дону и не высматривали какъ стоять наши городки.* Турки съ удивленіемъ говорили: « всякій годъ на морѣ по-
 « биваютъ казаковъ много, но число
 « ихъ не уменьшается, а напротивъ,
 « сколько бы въ одинъ годъ ихъ не по-
 « били, на слѣдующій прибудешь еще
 « болѣе. »

Въ то время всѣ казаки: Волжскіе, Терекскіе и Яикскіе, составляли какой-то союзъ съ Донскими, и коль скоро послѣднимъ угрожала опасность, или предспоялъ важный походъ, они давали вѣсть на Волгу, Терекъ и Ураль, и охотники спекались полпами на Донъ.

Общее мнѣніе сильно дѣйствовало на поддержаніе мужества и геройскаго духа въ народѣ. Храбрѣйшіе пользовались уваженіемъ всѣхъ собратій,

и въ ознаменованіе онаго наряжались въ легкія и зимовыя станицы въ Москву, что почиалось тогда важною наградою. Станицами назывались посольства отъ Донскихъ военовъ къ Россійскому Самодержцу, отправлявшіяся не менѣе 5 разъ въ годъ, съ извѣстіемъ ли, или съ представленіемъ нуждъ народныхъ, или для принятія жалованья. Въ Москвѣ пословъ Донскихъ принимали съ особенными почестями и обрядами: дьякъ, или бояринъ, держа скрынню въ рукѣ лпстокъ съ описаніемъ предстоящаго церемоніяла, выступалъ впередъ и докладывалъ: « *Вамъ, великому Государю, Вашему Царскому Величеству Донскіе казаки, станичный атаманъ такой-то съ товарищи геломъ ударили.* » За симъ, обращаясь къ казакамъ, продолжалъ: « *Великій Государь, Его*

Царское Величество, жалуетъ тебя атамана съ товарищи къ своей Государской рукѣ. » По совершении сего обряда Царь приказывалъ привѣтствовать оныя себя *войско* и представляющіи возглашалъ: « *Великій Государь, Его Царское Величество жалуетъ атамановъ и казаковъ такого-то (имя войсковаго атамана) и все великое войско Донское, велѣлъ спросить о здорровьѣ и службу вашу милостиво похваляетъ.* » Послѣ представленія вся станица приглашалась къ Царскому столу во дворецъ, гдѣ была угощаема съ *удовольствомъ и подгквана романею*. Тутъ подносили атаману, есаулу и каждому казаку порознь подарки: деньги, камку, шафшу, сукно, соболи и серебряный ковчегъ атаману. Всей станицѣ выдавались на столѣ ежедневно деньги, вино, медъ и пиво.

Для ѣзды въ Москвѣ отпускались атаману изъ Государевой конюшни лошади и экипажъ. На отпускъ всѣ казаки шѣмъ же порядкомъ представлялись Государю, угощались Царскимъ столомъ и получали новые подарки. Такимъ образомъ каждая спаница облаканная, щедро одаренная и удостоенная чести *узрѣть свѣтлые Царскія очи*, радостно возвращалась на Донъ и всякій разъ приносила всему войску Царское жалованное слово и похвалу.

Разсказы объ однихъ военныхъ подвигахъ упомянуть ваше вниманіе; перейду къ мирной жизни казаковъ; она была въ то время весьма однообразна.

Въ главномъ войскѣ или въ городкахъ, казаки проводили всякій день вмѣстѣ, собираясь на площадь, или къ *становой избѣ*. Здѣсь, сидя въ кружку,

они вязали сѣти, тенета, дѣлали разохи, слушали во время работы рассказы одного изъ своихъ собратій о молодецкихъ его походахъ и восламеняясь славными подвигами товарищей, пѣли объ нихъ богатырскія пѣсни, начиная каждую напѣвомъ: « *Да вздунай най дунана вздунай дунай.* Жили они пешинно по брашки; всякій открывалъ чешосердечно что намерень дѣлашь завтра, послѣ завтра и т. д. Набьешь ли кто дичины, наловишь ли рыбы, опивѣдывали ее все вмѣстѣ, и хозяинъ ничего не оставлялъ себѣ въ запасъ. На Дону сохранилось преданіе, будто въ старину товарищества казаковъ раздѣлялись по *сумамъ*, точно такъ, какъ у Запорожцевъ по *казанамъ* (*), или, какъ нынѣ

(*) *Казанѣ*, то же, что котель, слово Татарское.

у насъ въ походахъ, по *кашамъ* (аршелямъ). Человѣкъ десять, двадцать и болѣе товарищей, имѣли общую суму, въ которои хранили свой запасъ и все добычнос; пошому мы еще и нынѣ называемъ товарища и друга: *односумъ*. Въ *становой избѣ*, или на *майданѣ* (*) старики играли въ шахматы или въ зерны; молодые же на площади близъ *майдана*, въ *кости* или бабки. Сія послѣдняя игра была общая и любимая у казаковъ, и посредствомъ оной, они приобрѣтали такую мѣшкосць, что пуская изъ рукъ каменя, убивали птиць и зайцевъ.

Природа надѣлила землю ихъ изобиліемъ; богатый Донъ, (казаки гово-

(*) *Майданъ*, Татарское слово означаетъ площадь. Нынѣ на Дону называющся такъ спаничныя избы.

рили, что у него *золотое дно*), лѣса, сшени, были для нихъ естественными хранилищами жизненныхъ потребностей: въ первомъ рыба, въ послѣднихъ звѣри, птицы, плоды, водились и росли въ такомъ множествѣ, что изобиліе оныхъ вошло въ пословицу. Наши предки говорили: « кормишь « насъ молодцовъ Богъ: подобно пти- « цамъ, мы не едемъ и не собираемъ « хлѣба въ житницы, но всегда сымы. » Въ старину казаки не знали хлѣбопашества, къ которому не прежде начали привыкать, какъ въ исходѣ XVII столѣтія.

Любимыми ихъ занятіями были охота, которую они называли *гульбой*, и рыбная ловля. *Гулебщики* ѣзжали иногда большими отрядами, человекъ по сну, на Задонскихъ степяхъ и даже по Кумѣ для ловли звѣрей; мѣсяца по два и

болѣе, а иногда всю зиму занимались они охотою, и къ веснѣ только приходили на Донъ для поисковъ. На рѣку Медвѣдницу, гдѣ бывали лучшіе звѣриные промыслы, часто прїѣзжали по 10 и болѣе *кошей* (*) *гулебщиковъ* изъ нижнихъ юртъ и обыкновенно проводили здѣсь зиму. Другіе, *камышники*, съ капканами и пенешами жилали по камышамъ близъ своихъ городковъ.

Сія привольная и брацкая жизнь сильно привязывала казаковъ къ родинѣ; они славили свой *тихий Донъ* называя его: *кормилецъ родимый*. Въ плѣну и на одрѣ смертномъ, казакъ прощаясь мысленно со всѣмъ, что имѣлъ драгоцѣннаго въ жизни, всегда обращался къ Дону: « Прости тихій

(*) *Кошъ*, означаетъ тоже, что *станъ*; въ переносномъ смыслѣ онъ значитъ *сатана*.

« Донъ Ивановичь! мнѣ по тебѣ не
 « ѣздили, дикаго звѣря не стрѣливать,
 « вкусной рыбы не лавливать. » Во
 всѣхъ старинныхъ нашихъ пѣсняхъ,
 даже въ самыхъ офиціальныхъ бума-
 гахъ, вы найдете опшечатокъ сей
 страстной народной любви; напри-
 мѣръ, войсковой апаманъ письма свои
 къ постороннимъ особамъ обыкновен-
 но начиналъ такъ: « Князь такой-то,
 « здравствуй на многія лѣта, и буди
 « покровень десницею Вышняго; а я,
 « при милости *Донскаго войска*, въ
 « Черкаскомъ городѣ, на Дону, по
 « волю Божіей, живъ. »

Въ нижнихъ юртахъ всегда было
 большое стеченіе народа; здѣсь цар-
 ствовало веселіе. Кромѣ казаковъ, обык-
 новенно собиравшихся въ *главное*
войско, можно было найти шуть мно-
 жество постороннихъ во всякое вре-

мя, а особенно весною и лѣтомъ. Торговые люди изъ украинскихъ городовъ, покрывавшіе рѣку своими судами; съ царскимъ жалованьемъ прибывшіи воевода съ провожаемыми, конхъ всегда бывало отъ 50 до 100 человекъ; послы въ Турцію или изъ Турціи и многочисленная ихъ свита, обязанные всякій разъ непременно останавливаться въ *главномъ войскѣ*, чтобы учредить дальнѣйшіи пушъ; высылаемые къ нимъ изъ Москвы на встрѣчу или для провѣдыванія чиновники, раза по три въ годъ, также съ провожаемыми; Аспраханскіе и другихъ украинскихъ городовъ посольщички для узнаванія на Дону вѣстей; Запорожцы, спростные къ веселію, кон большими отрядами всегда проживали на Дону, пріѣзжая вмѣстѣ съ казаками съ юрскихъ походовъ, разнообразили кар-

пину военнаго спана, копорую представляло *главное войско*. Все это собраніе не рѣдко спекалось въ одно время и оставалось въ главномъ войскѣ по нѣскольку мѣсяцевъ.

Сверхъ того, въ мирное время Азовцы, Ногайцы, а послѣ и Калмыки, безпрерывно живали въ Черкасѣ, прїѣзжая на Донъ или для продажи ясыря и лошадей, или для того, чтобы погулять съ своими знакомцами. Калмыцкіе посланники ежегодно приходили въ Черкасѣ, и для угощенія ихъ казаки не жалѣли ни вина, ни меду, имѣя на шо отъ Государя въ числѣ своего жалованья особую дачу. Калмыкамъ сполько нравилась жизнь казачья, что они охотно поступали въ ихъ общеснво и заключали съ нашими предками *союзы и договоры о вѣчномъ совмѣстномъ житіи и служеніи*.

Старые Донцы въ свободное время любили повеселиться въ дружескихъ бесѣдахъ. Иногда въ присушествіи Русскихъ дворянъ, своихъ пріятелей, чшобъ блеснуть, являлся одинъ старикъ въ лазоревомъ апласномъ кафтанѣ съ частыми серебряными нашивками и съ жемчужнымъ ожерельемъ; другой въ камчатномъ или бархатномъ полукафтанѣ безъ рукавовъ, и въ темно-гвоздичномъ зипунѣ, опушенномъ голубою камкою съ шелковою гвоздичнаго цвѣта нашивкою; третій, въ камчатномъ кафтанѣ съ золотыми Турецкими пуговками, съ серебряными позлащенными застѣжками и въ лазоревомъ *настрафильномъ* зипунѣ. У всѣхъ шелковые Турецкіе кушаки, и на нихъ булашныя ножи съ черенками рыбаго зуба, въ черныхъ ножнахъ, оправленныхъ серебромъ; красныя или желшыя

сафьянные сапоги и кунья шапка съ бархашнымъ верхомъ. Другіе одѣвались въ богатыя Турецкія, Черкескія или Калмыцкія одежды. Разешлали узорчашый коверъ, и клали подушки, шитыя золотомъ и серебромъ по червчатому апласу. Спановили серебряныя чаши съ виномъ и медомъ, изъ конхъ черпали серебряными чарками и ковшами. Въ кругу своихъ товарищей, наши праѣды любили наряжаться въ шафшаныя рубашки, или въ бархашные и камчашные кафтаны. Но если при постороннихъ хошъми повеличаться, то показывали пренебреженіе къ своему богатому наряду, и въ бархашъ или въ апласъ также спокойно садилсь посреди грязной улицы, какъ на мягкомъ коврѣ. Можеть бышь отъ сего родилась молва, что казаки на Дону забогашъли и въ кругу

своихъ семействъ, съ жепами и дѣльми, наслаждались довольствомъ и избыткомъ. Накормить и напоить прѣзжаго починалось обязанностію; кромѣ вина и меду, другихъ напитковъ не имѣли, и особенно уважали первое такъ, что всякое угощеніе починали за вино, если при ономъ не подчивали ихъ виномъ. Отъ того изешари ведется у насъ, что если казакъ хочетъ изъяснить, что совершенно доволенъ къмъ либо, то всегда говоритъ: «я у него былъ и вино пилъ.» Были и между ними *бражники* и *пропойцы*. кои все что доспавали на войнѣ, проигрывали въ зерны, или пропивали.

Кзаки радовались, когда торговые люди изъ украинскихъ городовъ: Воронежа, Бѣлгорода, Валуйскъ, Ливень, Ельца, Оскола и другихъ, покрывали

Донъ своими судами и привозили къ нимъ хлѣбъ, вино, медь, огнестрѣльные снаряды. Въ то время кибля въ Черкасскѣ торговал дѣятельность; избытки казачей добычи: лошади, скотъ, Персидскіе и Турецкіе повары, шли въ мѣну. Часно Рускіе, продавъ здѣсь повары, хаживали съ казаками въ походы, и потомъ, полюбивъ или получивъ навыкъ къ казачьему ремеслу, оставались жить на Дону.

Таковыя связи, и особенно непосредственное сообщеніе съ Москвою, годъ онь году совершенствовали наше общество; но болѣе примѣтная перемѣна въ ономъ произошла послѣ покоренія Азова. Въ семь торговыхъ городѣ были порядочныя сироенія; казаки потчасъ подѣлили ихъ между собою, и проживъ шуть болѣе 5 лѣтъ, безъ сомнѣнія узнали преимущество

домовъ, вѣспроенныхъ по правиламъ архитектуры, предъ своими землянками; они весьма рачительно заботились объ исправленіи оныхъ, а еще болѣе объ изобиліи всѣхъ жизненныхъ потребностей въ новомъ своемъ пріобрѣтеніи, и даже объ учрежденіи запасовъ на будущее время. Были довольны собою и общолютеливцами, проводили время весело, собираясь всегда на *майданъ*, гдѣ всѣмъ обществомъ распивали Государево вино; бѣднымъ товарищамъ своимъ и Рускимъ плѣннымъ давали общественный запасъ; ласкою и крошестію хощѣли возстановить прежнюю торговлю города, поощряя всѣхъ пріѣзжавшихъ къ нимъ изъ чужихъ городовъ и земель. Здѣсь Персіянинъ и Калмыкъ, Турокъ и Грекъ, Черкесь и Запорожець, Ногаецъ и Рускій, шолпились на ули-

цахъ и площадяхъ, всегда дружественные съ казаками и ласково ими приняты; многіе даже постоянно жили въ Азовѣ. Купеческіе корабли изъ Кафы, Керчи, Тамани, безбоязненно входили въ заливъ морской и доставляли изобиліе городу. Въ одномъ углу расположены были шелкъ и бумажные товары; въ другомъ юфтя и сафьянъ; въ шрешьемъ арака, ягоды, овощи; въ иномъ лукъ, чеснокъ, соль. Въ это время болѣе всего развилась у казаковъ гражданская жизнь; они чувствовали и достоинство, и славу свою; гордились своимъ именемъ, называя себя *казакествомъ Донское вольное безстрашное*; хвалились, что взяли Азовъ своимъ *дородствомъ и разумомъ* и не отдадутъ его врагамъ пока живы; что ихъ казачьему житію завидуютъ всѣ земли, и имя ихъ пребудетъ вѣч-

нымъ; а въ грамапахъ по своимъ городкамъ писывали : « Сшанемъ смѣлымъ
« сердцемъ за честь; поддержимъ свою
« атаманскую и молодецкую славу;
« донинѣ еще никшо даромъ зипу-
« новъ съ насъ не снималь. »

Турки и Крымцы ихъ боялись; Султанъ опасался, что не уцѣлѣть ему въ Царьградѣ, а дворъ его откровенно сознавался, что казачій Азовъ сдѣлался для нихъ *пуще и тошкѣ Багдада*. Усиливаясь годъ отъ году, казаки брали укрѣпленные города: Керчь, Кефу, Синопь, Трапезондъ, Ризу, Перекопъ, Карасу, и наконецъ уже методически вели войну съ Турціею и Тавридою.

Съ этого времени лучшіе атаманы Донскіе, пріохоченные ласковымъ пріемомъ Московскаго двора и почестями, часто живали въ Москвѣ, и при-

смотрясь къ жизни бояръ Рускихъ, не смали чуждаться пышности, и непримѣнно удаляясь отъ старинныхъ привычекъ, исподволь вводили у себя разныя новости. Въ послѣдней половинѣ XVII вѣка въ Черкаскомъ городкѣ было уже построено нѣсколько порядочныхъ домовъ.

Атаманы Наумъ Васильевъ, Иванъ Семеновъ, Лукьянъ Максимовъ, Корнелій Яковлевъ особенно извѣстны введеніемъ новостей въ общежитіи; но атаманъ Фроль Миннаевъ первый, кажется, переступилъ за предѣлы простой жизни, и съ его времени, т. е. съ 1680 года, начинается новый періодъ нашего общежитія, описаніе коего помѣщаю въ слѣдующей статьѣ.

**ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ДОНЦОВЪ ВЪ
КОНЦѢ XVII И ВЪ ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНѢ XVIII ВѢКА.**

Донскіе атамань, вводя новостн въ своемъ общежитіи, всегда умѣли удерживать старинную простоту, которая господствовала у ихъ предковъ. Фроль Минаевъ, жившій въ послѣдней половинѣ XVII вѣка, поступалъ не иначе.

Мы уважаемъ память сего героя; предки же наши, его современники, еще болѣе цѣнили его заслуги. Около сорока лѣтъ предводительствуя полками храбрыхъ, бывъ не менѣ двад-

цати разъ избираемъ въ войсковые ашаманы, онъ наконецъ управлялъ мѣ- ниями и сердцами народа. Пяшьдесяшь лѣтъ дѣяшельной, военной жизни, до- ставили ему значительное богатство. Бывъ часто въ Москвѣ въ посольст- вахъ ко двору, проведши шамъ въ на- чалѣ царствования Петра I довольно долгое время, уважаемый Государемъ и боярами, онъ присмотрѣлся къ обра- зу жизни тогдашнихъ вельможъ Ру- скихъ, и въ старости своей любилъ иногда показывать у себя заимство- ванную отъ нихъ пышность.

Обширный домъ его, лучший въ Чер- каскѣ, стоялъ на прекрасномъ мѣстѣ. Пѣнные Татары и Турки составляли его прислугу: они смотрѣли за конюш- нею, за псовой охотой, за чистю- пою и порядкомъ двора; въ праздное время были обыкновенными его собе-

сѣдниками. Фроль обращался съ ними какъ поварнщъ, брашски; въ военное время они сопутствовали ему въ походахъ, любили старика искренно и называли обыкновенно: *бабка*. Безъ гостей они обѣдали и ужинали съ нимъ вмѣстѣ; при гостяхъ, служили ему за столомъ. За большими обѣдами, или когда ашаманъ угощалъ особъ, къ которымъ хотѣлъ показать особенное вниманіе, служили ему кромѣ плѣнныхъ, при сына его, герои въ бинвахъ, не разъ уже предводительствовавшіе полками казаковъ.

Минаевъ съ дѣтства привыкъ проводить время въ бесѣдахъ казачьихъ, и ипуть не пребуя для себя никакого предпочпенія, даже самъ вспаваль предъ смариками. Всякій казакъ называль его просно: *ты Фроль Минаевъ*, или, *твоя милость*. Лѣпомъ каждый день, предъ закатомъ солнца,

видали его въ кругу старыхъ воиновъ, кои, собравшись къ дому его побесѣдовать о жить-бытьѣ, располагались на скамьяхъ подъ навѣсами крылецъ. Сюда приходилъ всякъ кто хотѣлъ, безъ зову. Старики рассказывали о своихъ походахъ, о дѣлахъ предковъ; молодые, почтительно стоя въ шоронкѣ безъ шапокъ, со вниманіемъ слушали отцовскія повѣсти, изъ которыхъ учились военному дѣлу. Часто рассказы сіи, столь близкіе къ сердцу каждаго казака, воспламеняли души стариковъ, а особливо когда напоминали объ отличномъ подвигѣ котораго нибудь изъ собратій. Лице Фрола Минаевича блистало тогда радостію: « Это важный слуга, говорилъ онъ, и спойтъ, чтобъ въ честь его выпить. » Тотчасъ являлась стойка пчѣищаго меда, и сыновья Фрола под-

носили старикамъ заздравныя кружки. Изъ молодыхъ казаковъ, развѣ отличнѣйшіе храбростію удоспоивались иногда получать изъ рукъ Минаева кружку меду, и это почишалось весьма важною наградою. Случалось, въ веселомъ расположеніи духа, воспоминашь такимъ образомъ многихъ *важныхъ служъ*, достойныхъ почетной чары; тогда проспой разговоръ становился недостаточенъ для прославленія ихъ подвиговъ; воспламененные спарцы зацѣвали свои *богатырскія пѣсни*.

П Ъ С Н Я.

У насъ братцы на Дону, во Черкаскомъ городу,
 Проявилась у насъ братцы, прирожоная *тума*,
 Онъ изъ шумъ братцы, тума, Сенька Маюцковъ злодѣй:
 Крѣпкой думушки съ стариками онъ не думывалъ;
 Думывалъ крѣпкую онъ думушку, съ ярыжками.
 Перекинулся собака, ко Азовскому пашѣ
 А Азовскій-шо паша спалъ его спрашивашп:

Ты скажи, скажи пріятель, правду истинную :
 Шпо-шо думаютъ у васъ, во Черкаскомъ городу?
 « Да у насъ-шо на Дону, во Черкаскомъ городу
 « Спарики-шо пьютъ гуляютъ, по бесѣдушкамъ сидятъ
 « По бесѣдушкамъ сидятъ, про Азовъ вашъ говорятъ:
 « Ой не дай Боже Азовцамъ ума, разума того :
 « Не поставилибъ они башенки на усть-рѣчки Каланчи
 « Не перекинули бы цѣпи черезъ славный тихій Донъ,
 « Не подвели бы они спруны ко звонкимъ колоколамъ
 « Ужь нельзя намъ брашцы будетъ во синеморе пройши
 « По синю морю гулять, зипуновъ-шо доставашь. »
 Какъ у насъ было на Дону, во Черкаскомъ городу,
 Войсковой нашъ атаманъ во всю ночушку не спалъ ;
 Какъ со вечеру соколъ нашъ роговыя проплывалъ,
 Ко бѣлу свѣшу соколъ нашъ по синю морю гулялъ,
 По синю морю гулялъ, кораблики разбивалъ.

Часто Фроль Минаевичъ приглашалъ къ себѣ гостей ; для встрѣчи приходившихъ къ нему выходилъ самъ съ женою и дѣтьми на крыльцо, и взявъ гостя подъ руки, вводилъ въ комнату, прося милости, въ его родительскомъ дому хлѣба - соли покушати. Угощеніе его доказывало избытокъ : каждому

посвѣтителю подносили медь изъ жалаваннаго Царскаго ковша, копорыхъ Минаевъ имѣлъ болѣе 20. Никто изъ приглашенныхъ не могъ уйти прежде другаго; но всѣ вмѣстѣ оставляли бесѣду, въ кошорой часто заставляло ихъ упрю.

Съ особенною пышностію угощаль ашаманъ Рускихъ дворянъ, Азовскаго агу, Турецкихъ пашей, Горскихъ князей, знатныхъ Татарскихъ мурзь. Всѣ эти Азіяпцы, находившіеся съ нимъ въ дружескихъ связяхъ, часто нарочно прїѣзжали въ Черкаскъ для свиданія съ Фроломъ Минаевичемъ; онъ принималъ ихъ въ комнапъ, устланной богатыми Персидскими коврами; вдоль по стѣнамъ съ одной стороны были лавки, а съ другой простаго дерева раздвижныя спулья, на кои клались, собственно для сего случая, шелко-

выя подушки, шипыя золопомъ. На епѣнахъ висѣли оружіе и збруя: пищали, ружья, фузеи, сабли, шашки, кинжалы, шебалпаша (*), рога, луки, колчаны съ стрѣлами, чеканы, ронзыки (**) и проч. Это вооруженіе, все оправленное серебромъ, развѣшено было съ такимъ вкусомъ и въ такомъ порядкѣ, что, составляя для глазъ приятную

(*) Такъ назывался поясъ изъ ремня съ пряжкой, украшенный серебряными бляхами съ чернью, на кошоромъ висѣлъ большой рогъ для пороха, также обложенный серебромъ, спальной *мусатъ*, (огниво) съ опворкою, и сафьянный *галандъ* (мешечикъ) для пуль, обшитый серебрянымъ Черкескимъ *гайтамомъ* (снуркомъ).

(**) *Ронзиками* у казаковъ называется конская збруя: узда, нагрудникъ и пафы, на Турецкій образецъ сдѣланныя и украшенные серебромъ и шелковыми ниспями, двогда съ позолошой ж каменьями.

каршину, оживляло въ душѣ воиновъ величественныя воспоминанія. За столомъ, отъ спакановъ до чашъ и блюдовъ, все было изъ серебра. Хозяикъ не запрещалось показывашься гостямъ, и Фроль Минаевичъ, кажешся былъ первый на Дону, у котораго общества украсились присушсвиємъ женщинъ.

Любя и уважая почтеннаго старца, многіе Донскіе старшины ему подражали. Поздѣвы, Кумшадковы, Серебряковы, Кушейниковы, Машлыкины, отличались умѣньемъ жить, ласково принимать и угощать *бесѣду*.

Но общежитіе наше гораздо примѣннѣе начало совершенствовашься съ наступленіемъ XVIII столѣтія. Кромѣ тѣхъ причинъ, кои въ сіе время распространили въ Россіи свѣтскую жизнь, были еще нѣкоторыя общо-яшельства, болѣе къ шому способство-

вавшія на Дону. Азовъ былъ опіянь у Турокъ. Правительство запретило казакамъ производить морскіе и сухопутныя набѣги, и врожденная ихъ дѣятельность, не находя для себя пищи въ немногихъ военныхъ занятіяхъ внѣ жилищъ, обратилась на житейскій кругъ. Старики охотно перенимали новости, кои не нарушали ихъ коренныхъ обычаевъ, и Рускія обыкновенія вводились почти непримѣтно. Петръ Великій, предписавъ въ Россіи повсемѣстное употребленіе нѣмецкаго платья и запретивъ бороды, не налагалъ подобныхъ обязанностей на Донцовъ. Казаки, радуясь сему изъяснію, прислали въ Москву ашамановъ съ изъясненіемъ благодарности Монарху: « Мы взысканы, говорили они, швоею милостію паче всѣхъ подданныхъ; до насъ не коснулся швой указъ о платьѣ и

« бородахъ; мы живемъ по древнему на-
 « шему обычаю: всякій одѣвается
 « какъ ему угодно: одинъ Черкесомъ,
 « другой по Калмыцки, иной въ Руское
 « платье стараго покроя: мы это лю-
 « бимъ; нѣмецкаго же платья никто
 « у насъ не носимъ, и охоты къ нему
 « вовсе не имѣемъ. » Казаки не измѣни-
 ли сему обычаю даже до конца XVIII
 столѣтїя; но держась строга своихъ
 старыхъ привычекъ, они между шѣмъ
 распространяли кругъ своихъ занятїй
 и увеселенїй, кои придали жизни ихъ
 много разнообразїя.

Важнѣйшее измѣненїе старинны со-
 стояло въ томъ, что браки казаковъ,
 въ первой половинѣ XVIII столѣтїя
 воспрїяли всю силу свою по уста-
 вамъ церкви. Казакъ не могъ уже раз-
 вестись съ женою, сказавъ на *сборѣ*:
она мнѣ не жена, а я ей не мужъ.

Въ слѣдъ за симъ женщины получили право гражданства въ нашихъ обществахъ. Хозяйки, и особенно пожилыя, уже свободно могли показываться въ собраніяхъ мужчинъ; но все еще не скоро привыкли вмѣшиваться въ общій разговоръ и одушевлять бесѣды своимъ вліяніемъ, хотя впрочемъ жены старшинъ любили повеселиться въ кругу своихъ сосѣдокъ, которыхъ часто приглашали къ себѣ. Въ женскихъ собраніяхъ пльнная Турчанка подносила гостьямъ на большомъ подносѣ сладкій медъ, а хозяйка держа въ одной рукѣ стаканъ, а другою взявшись подъ бокъ, въ желтыхъ туфляхъ, пристукивала каблуками, припѣвая: *« туфли къ милому « глядятъ, полюбить его хотятъ. »*

Дѣвнцы пользовались еще меньшею свободою: едва кошорой изъ нихъ

совершалось 13 лѣтъ, и воля ея ограничивалась самымъ строгимъ приличіемъ. Дѣвушки на однихъ только свадебныхъ празднествахъ могли быть вмѣстѣ съ мужчинами, и обыкновенно проводили время или въ домашнемъ одиночествѣ, или въ кругу подругъ своихъ. Дома, всѣ занятія ихъ ограничивались шитьемъ и смотрѣніемъ за кухнею; особенно же прилѣжали къ шитью, дабы получить названіе *хеберки*, которое давалось досужимъ масперницамъ сего дѣла. Искусство шитья было тогда у насъ довольно однообразно: сшить *кубилекъ*, *выстегать узорамъ* одѣяло, или кафтанъ, *выстрогить ожерелокъ кривымъ танкомъ*, *бурсакками*, *разводами* и проч., все выученное отъ *Ташарокъ* или *Турчанокъ*. Весьма немногія обучались чистить акафисты и каноны; писать же красавицъ

нашихъ въ то время не учили вовсе, опасаясь, что грамотныя заведутъ переписку съ мужчинами. Каждое воскресенье и каждый праздникъ ходили онѣ въ нарядномъ платьѣ, вмѣстѣ съ бабушками, или нянюшками, къ заупре-нѣ, къ обѣднѣ и къ вечернѣ; ввечеру сидѣли или расхаживали на крыль-цахъ домовъ своихъ, скрываясь всякій разъ, какъ скоро завидятъ проходящаго молодаго мужчину. Когда соби-ралось ихъ нѣсколько вмѣстѣ, играли въ *кремешки* (*), въ *жмурки*, въ *лан-*

(*) *Кремешками* называются у насъ круглыя гладкіе камешки, величиною съ голубиное яйцо; для игры употребляются шесть такихъ камешковъ: играющія садятся на полъ, который покрытъ ковромъ, кладутъ пять *кремешковъ* на коверъ кучкою, шестой бросаютъ вверхъ не много выше головъ, и должны успѣть взять камешекъ съ ковра и поймать падающій съ

ту (*), пѣли и плясали подѣ пѣсни, подѣ *варганъ*, или подѣ *гребешокъ*. Собственная ихъ пляска была во всемъ сходна съ Русскою. Иногда подѣ надзоромъ же бабушекъ и нянюшекъ вы-

---

верху. Каждая изъ играющихъ продолжаетъ такимъ образомъ брать съ ковра по одиночкѣ всѣ камни порознь, пошомъ всю кучку вмѣстѣ; послѣ перекладываетъ ихъ съ одного мѣста на другое, захватываетъ между пальцевъ, прокатываетъ подѣ пальцами и проч. продолжая одна играть до шомъ, пока уронишь бросаемый кремешекъ; въ то время передаетъ другой, которая шочно тоже дѣлаетъ и т. д. Сія игра перешла къ намъ ошъ Ташаръ.

(*) Въ игрѣ сей одной дѣвчкѣ завязывали глаза, другія составляли кругъ; первая, расхаживая въ кругу, должна была узнать у кого находился жгушъ; ежели указывала не на шу, то имѣющая жгушъ, ударивъ ее, передавала жгушъ другой. Когда же узнавали, шо сей узнавшой завязывали глаза.

ходили онѣ на улицу для хороводовъ ; мужчины стоя поодаль могли только въ нѣкоторомъ разстояніи любоваться сими играми. Зимю дозволялось дѣвушкамъ *кататься на каталкахъ*, т. е., на гладкомъ льду, на которомъ скользили просто на ногахъ съ разбѣгу. Взрослымъ нельзя было осмѣиваться до поздняго вечера ни въ хороводѣ, ни на *каталкахъ*, и если бы которая хотя немного запоздала, то бабушка нѣсколько дней сряду твердила бы ей: « не стыдно ли дѣвушка, « допоздна таскашься ; что женихи « скажутъ ? » Хотите ли знать наружность нашихъ женщинъ ? Представьте красавицу роскошной Азіи, смѣшанныя вмѣстѣ черты Черкешенокъ, Турчанокъ, Татарокъ, Рускихъ, и тогда получите общее понятіе о красотѣ обитательницъ Дона ; пла-

менные черные глаза, щеки полныя свѣжей жизни, величавая опрятность и чистота въ одеждѣ, составляющъ собственность нашихъ дѣвушекъ. Онѣ, какъ и всѣ женщины, любили наряды, и также какъ и Рускія барыни того времени, румянились, когда выходили въ церковь или въ гости.

Но строгое одиначество женщинъ мало по малу ослабѣвало: оны капалокъ и хороводовъ оны непримѣнно присвоили себѣ свободу выходить на улицу просто, для того, чтобы погулять или *посидѣть* подлѣ *рундука* (помость, оны котораго начиналась мѣшница). Главный городъ на Дону, Черкасскъ, былъ построенъ такъ шѣсно и неправильно, что нельзя было найти порядочнаго мѣста для гулянья. Почти ни одинъ домъ не имѣлъ двора. Всѣ строенія были весьма однообразны:

снаружи высокая лестница вела на *галдарю* (*), ошь кошорой кругомъ всего дома шло высокое крыльцо; изъ галдарен ходъ въ сѣни.

Взойдите въ средину дома: главная комната или зала всегда прибрана и гошова для приѣма чужихъ; въ переднемъ углу на божницѣ стоитъ рядъ образовъ въ богашыхъ серебряныхъ окладахъ, надъ коими виситъ зажженная лампада, а съ божницы спускается *пелена*; по божницѣ и между образами висятъ въ пучечкахъ засохшіе цвѣты и разныя изображенія, сдѣланныя изъ цвѣтной бумаги и волосевъ. Въ углу, подъ святыми,

(*) Галдаря, родъ закрытаго со всѣхъ сторонъ балкона, который дѣлался передъ дверью, ведущею въ сѣни; самыя же дома строились на высокихъ столбахъ по образцу Азіятскому.

столь, покрытый чистою скатертью. Около сѣнъ лавки, а въ богатыхъ домахъ на одной сторонѣ нѣсколько спульцевъ, или раздвижныхъ проспаго дерева, или рѣзныхъ съ высокими спицами. Всѣ сѣнны увѣшены оружіемъ, и зброєю. Подлѣ двери поставчикъ, сдѣланный на подобіе шкапа со стеклянными дверцами, изъ за которыхъ видна разложенная въ порядкѣ серебряная посуда. Изъ залы дверь въ спальню, а изъ сей послѣдней въ спряпную. Изъ сѣней ходъ на чердакъ, гдѣ жили младшіе въ семействѣ. Хозяйка содержала весь домъ въ удивительной чистотѣ: недовольно того, что каждую недѣлю по одному и по два раза мыли полы, еще нѣсколько разъ въ году обмывали всѣ наружныя и внутреннія сѣнны и пошолки. Сія заботливость о чистотѣ составляетъ до

сихъ поръ отличительную черту въ характеръ Донскаго народа.

Самое большое развитіе стариннаго нашего общенія послѣдовало при атаманѣ Давидѣ Ефремовичѣ Ефремовѣ, который утверждёнъ въ семь званій въ 1738 году. Сей умный вождь казаковъ, имѣя по тогдашнему времени прекрасный вкусъ и значительное богатство, самъ любилъ жить весело и поощрялъ къ тому своихъ подчиненныхъ. Въ его время въ праздничные дни на всѣхъ улицахъ толпился народъ: въ одномъ мѣсяцѣ молодежь занималась борьбою, бѣганьемъ, игрою въ мячи, въ чехарду, въ бабки или въ *айдангикки* (*). Въ другомъ, казаки, собравшись въ кружокъ, напѣвали бога-

---

(*) *Айдангиками* называются маленькія косли изъ бараньихъ ножекъ.

шырскія пѣсни. Тамъ стройный юноша, бросивъ небрежно шапку на бѣкренъ, выступаль изреди шоварницей, и съ первымъ звукомъ балалайки, пускался плясать казачка быстро, живо, присвистывая и прищелкивая языкомъ. Здѣсь, подлѣ *рундука*, сидяшь чинно пожилые воины: посреди ихъ *ендова* (*) *переварнаго* меда (**); старцы воспоминая о прежнихъ подвигахъ, осушали кружки прохладительнаго напитка. Подлѣ другаго *рундука*, на раскинутомъ коврѣ, расположилась бесѣда старушекъ: это жены старѣйшинъ нашихъ; онѣ сдѣлали общую складку, и *ясырка* (***) на собран-

---

(*) *Татарскій медный сосудъ, родъ большой чаши.*

(**) Старяки любили *переварной* медъ по его крѣпости и хорошему вкусу.

(***) Въ лучшихъ домахъ нашихъ женщины

ныя деньги принесла имъ сладкаго меду; передавая изъ рукъ въ руки кружку, онѣ выхваляють спарину и поють духовныя псалмы и пѣсни о подвигахъ своихъ мужей и отцовъ. Проходятъ ли мимо ихъ знакомый или незнакомый мужчина, онѣ, привѣжливо поклонившись, приглашаютъ его: *подойди къ намъ роднишкой*, и потчуютъ медомъ, а шотъ, въ благодарность, кладетъ имъ на поднось деньги. За собранное отъ проходящихъ посылали въ другой разъ за медомъ, или замѣняли эпимъ сборомъ складку будущаго воскресенья. Въ шаковыхъ беседахъ наши прабабушки любили го-

---

имѣли для услугъ пѣнныхъ Ташарокъ и Турчанокъ, кои назывались *ясвирками*. Еще и нынѣ нѣкоторыя старушки называютъ горничныхъ дѣвушекъ *ясвирками*.

ворить между собою по Татарски, что въ то время было въ большой модѣ. Въ другомъ мѣстѣ видали кругъ молодыхъ женщинъ въ праздничныхъ кубилькахъ: онѣ только что сошли съ ближняго крыльца, гдѣ хозяйка попчивала ихъ плодами, закусками, *сблестками* (*); теперь вышли онѣ на улицу *посидѣть* и *полюбоваться* общимъ *веселіемъ* народа. Онѣ шакже, подражая старухамъ, поюшь пѣсни и псалмы. Вошь идетъ мимо казакъ пожилыхъ лѣтъ: не допуская его до себя на нѣсколько шаговъ, всѣ вспаюшь,

---

(* *Сблестки*, т. е., сѣмена арбузные или тыквенныя, были во всеобщемъ употребленіи на Дону: ихъ жарили (сушили) на сковородѣ; каждая женщина и дѣвица почти всегда носила порядочный запасъ ихъ въ карманѣ для непрерывнаго употребленія. Это было въ обычаяхъ тогдашняго времени.

почтительно кланяются и садятся уже тогда, когда онъ удалился отъ нихъ на нѣкоторое разстояніе. Это уваженіе къ старшимъ съ малолѣтства укоренялось въ дѣтяхъ нашихъ и наставляеніями и примѣрами: молодые люди стыдились сдѣлать при спарикѣ малѣйшую непристойность, иначе всякій спарецъ могъ не только напомнить юношѣ о его обязанностяхъ, но и наказать его, не опасаясь гнѣва родителей. Женщины обязаны были отдавать первенство всѣмъ мужчинамъ, а особенно когда сѣи послѣдніе являлись въ доспѣхахъ воинскихъ: случалось ли вооруженному казаку встрѣтиться съ женщиною на узкихъ помостахъ грязной улицы, она, не смотря на грязь, должна была уступать мѣсто воину.

Но улицы города были шѣсны для вмѣщенія всей толпы веселаго

и дѣятельнаго народа; для того мно-
 гія *компаніи* молодыхъ людей, и осо-
 бенно дѣти, выходили за городъ къ
полисаднику, которымъ обнесенъ былъ
 весь городъ, или въ *сады*. Здѣсь мо-
 лодежь, одни съ ружьями, другіе съ
 луками и стрѣлами, размѣривъ мѣсто,
 поставили цѣли и вошь: первая стрѣ-
 ла вонзилась надъ кругомъ, вторая
 вошла въ кругъ, третья въ самую сре-
 дину онаго. Пули одна другой мѣшчѣ,
 рѣдкая возвысится или понизится на
 палець. Яйцо служишь мѣшой, и ни
 одинъ выстрѣлъ не пролетаетъ мимо.
 Въ сихъ забавахъ воинственные юно-
 ши проводили большую часть дня; без-
 прерывное упражненіе въ стрѣляніи
 доставило имъ удивительную мѣш-
 кость: были между казаками такіе
 стрѣлки, которые на довольномъ раз-
 стояніи выбивали пулею изъ рукъ

монету, положенную между пальцами, не зацѣпивъ держащаго ее. Рассказываютъ анекдотъ, что Государь Петръ первый, во время похода къ Азову, остановившись въ Верхне-Курмоярской станицѣ, и увидѣвъ какъ-то подь противоположнымъ берегомъ Дона плавающую утку, спросилъ: нѣтъ ли шутъ казака, которой застрѣлилъ бы ее? Вызвался молодой воинъ *Пядухъ*, поднялъ пищаль и убилъ утку не цѣпившись. « *Исполать казакъ!* » сказалъ Государь, *и я убью, но только поцѣлюсь.* »

Въ другомъ мѣсцѣ около полисадника большая толпа малютокъ, разделенная на двѣ партіи, разбила лагерь изъ камыща; всѣ въ воинскихъ доспѣхахъ: въ бумажныхъ шапкахъ и лядункахъ, съ лубочными саблями, съ маленькими деревянными пиками; въ каждой партіи свой предводитель;

знамена изъ окрашенной бумаги, щепочки, бубны и шарелки для торжественныхъ пѣсней. По данному знаку объ партіи снимающіяся съ лагерь, сходятся, сражаются: побѣдители преслѣдуютъ побѣжденных, отбиваютъ знамена, берутъ въ плѣнъ людей, и торжественно съ трофеями своихъ подвиговъ, при звукѣ бубновъ и шарелокъ, входятъ въ городъ, чтобы принять отъ шариковъ похвалу. Казакъ *раждался* воиномъ; съ появленіемъ на свѣтъ младенца, начиналась его военная школа: новорожденному, всѣ родные и знакомые отца, приносили въ даръ на *зубокъ*: стрѣлу, пашронъ пороха, пулю, лукъ, ружье и ш. п.; даренныя вещи развѣшивались на стѣнѣ той горницы, гдѣ лежала родильница съ младенцемъ. Когда, по исчисленіи сорока дней, мать, взявъ въ

церкви очистишельную молитву, возвращалась съ ребенкомъ домой, отецъ надѣвалъ на него какъ нибудь саблю, сажалъ на лошадь, подстригалъ ножницами волосы въ кружокъ, и возвращая сына мащери, поздравляя ея съ казакомъ. Когда у младенца прорѣзывались зубы, отецъ и мать посадивъ его на лошадь, возили въ церковь служить молебенъ Іоанну воину о томъ, чшобъ сынъ ихъ былъ *храбрымъ казакомъ*. Первыя слова, произносимыя малюшкою, были: *чу* и *пу* (*). Трехлѣтніе уже сами ѣздили на лошадяхъ по двору, а въ пять лѣтъ безстрашно скакали по улицамъ и участвовали въ дѣшскихъ манѣврахъ.

(*) *Чу* выражаетъ ѣхашъ верхомъ, а *пу* стрѣляшъ.

И старики не всё помѣщались въ бесѣдахъ, подлѣ *рундуковъ*: нѣкоторые собирались въ *станижные дома*, которыхъ по числу станицъ города Черкаска, было девять (*). Дома сіи были построены на берегу Дона въ близкомъ одинъ отъ другаго разстояніи; двѣ или при станицы пускали по рѣкѣ деревянный поплавокъ, прикрѣпивъ къ нему маленькую цѣль; пространство размѣряли такъ, чтобы отъ каждаго станичнаго дома цѣль отстояла на ружейный выстрѣлъ; начиналась стрѣльба со всѣхъ станичныхъ домовъ, и которая станица прежде успѣвала сбить цѣль, ту побѣжденная обязаны были угощать *тройнимъ касильгатымъ* (**)

(*) За исключеніемъ Таварской станицы.

(**) Подъ симъ именемъ извѣстенъ былъ крѣпкій и весьма хорошій медъ.

медомъ. Другія *компаніи* стариковъ собирались на *голубцахъ* (*) (на кладбищѣ), гдѣ усѣвшись кружками, каждый поочередно приносилъ *ендову* крѣпкаго меда, и разнося кружки за упокой усопшихъ и въ честь живущихъ, начиналъ любимыя богатырскія пѣсни, повшоряемыя всею бесѣдою:

I.

На зарѣ-то было на зорюшкѣ,
 На зарѣ-то было на ушренней,
 На восходѣ было солнца красного:
 Не буйные вѣтры подымались,
 Не синее море всколыхалось,
 Не фузеюшка въ полѣ прогрянула,
 Не люта змѣя въ полѣ просвиснула,
 Просвиснула пулечка свинчатая;
 Она падала пулька не на землю,
 Не на землю пуля и не на воду,
 Она падала пуля въ казачій кругъ,

(*) *Голубцалии* называются у насъ могильные памятники.

На урочную-то на головушку,
 Чпо да на первого есаулушку;
 Попадала пулечка промежь бровей,
 Чпо промежь бровей, промежь ясныхъ очей;
 Упалъ молодець коню на черну гриву.

2.

Не травушка, не ковылушка въ полѣ шаталася,
 Какъ шапался, волочился удалъ добрый молодець,
 Въ одной шоненькой въ полошннкой во рубашечкѣ,
 Чпо во шой-то было во кармазинной черкесочкѣ;
 У черкесочки рукавчики назадъ закинушы,
 И камчатны ево полочки назадъ застегнушы,
 Бусурманскою онѣ кровію позабрызганы.
 Онѣ идетъ удалъ добрый молодець, самъ шапается,
 Горючею онѣ слезою обливается.
 Онѣ пугимъ-то своимъ лукомъ опирается;
 Позолошушка съ пуга лука долой ленишь.
 Какъ никто-то съ добрымъ молодцемъ не
 встрѣчается;
 Лишь встрѣчалась съ добрымъ молодцемъ род-
 ная манушка:
 Ахъ ты чадо мое, чадушко, чадо милое мое!
 Ты зачѣмъ шакъ мое чадушко напиваешься?
 До сырой-то шы до земли все приклоняешься,

И за травушку, за кавылушку все хватаешься.
 Какъ возговоришь добрый молодецъ родной ма-
 тушкѣ :

« Я не самъ такъ добрый молодецъ напиваюся,
 « Напоилъ-шо меня Турецкій царь тремя пойлами,
 « Чшо прѣмя-шо было пойлами, прѣмя разными:
 « Какъ и первое-шо ево пойло — сабля оспрая,
 « А другое ево пойло — копье мѣпкое было,
 « Ево трѣнїе-шо пойло — пуля свинчатая.

3.

Какъ ты бабюшка, славный тихій Донъ,
 Ты кормилецъ нашъ Донъ Ивановичъ !
 Про тебя лежишь слава добрая,
 Слава добрая, рѣчь хорошая.
 Какъ бывало ты все бысперь бѣжишь,
 Ты бысперь бѣжишь все чистехонекъ;
 А теперь ты, кормилецъ, все мушень шечешь,
 Помущилася ты, Донъ, съ верху до низу.
 Рѣчь возговоришь славный тихій Донъ:
 Ужь какъ-то мнѣ все смущну не бышь,
 Распустилъ я своихъ ясныхъ соколовъ,
 Ясныхъ соколовъ, Донскихъ казаковъ;
 Размываются безъ нихъ мои крупы бережки,
 Высыпающся безъ нихъ косы желшымъ пескомъ.

4.

Не великой тамъ огоньшекъ горитъ,
 То-шо въ полѣ кипарисный гробъ спойтъ;
 Во гробу лежишь удалый молодець:
 Во рѣзвухъ ногахъ ему чуденъ крестъ,
 У буйной головушки душа добрый конь.
 Какъ и долго ли въ рѣзвухъ ногахъ стояшь,
 Какъ и долго ли желчи пески глодашь?
 Выбилъ яму по колѣно онъ.
 Конь мой, конь, поварищъ вѣрный мой!
 Ты веселіе мое въ чистомъ полѣ!
 Бѣги мой конь пы къ моему двору,
 Бѣги пы конь мой, все не спежкою,
 Ты не спежкою, не дорожкой;
 Бѣги мой конь пропинкою,
 Ты пропинкою все звѣривою,
 Куда правушка ковылушка лежишь,
 Тамъ холодная крениченька бѣжишь.
 Злодѣй Турчинъ не поймаешь тебя,
 И Тапарины не осѣдлаютъ тебя.
 Прибѣжижь конь къ моему пы ко двору,
 Вдарь копытомъ у верепчки;
 Выдешъ къ тебѣ снара я вдова,
 Старая вдова, родная мать моя;
 Сманешь тебя про сына спрашиваши:

« Не убилъ, не упоилъ ли ты его, »

« Въ числомъ полъ положилъ-шо я его »

Ты скажи: « швой сынъ женишься захошѣлъ,

« Обнимаешъ поле чистое теперь. »

Послѣ каждой пѣсни, расстроганные старцы съ чувствомъ восклицали: « Да! заслужили наши казаки Богу, Государю и великому войску Донскому. » Случалась ли въ бесѣдахъ сихъ какая ссора, старики пошчасъ мирили ее, или засшавляли обидчика ишпи по упру въ домъ къ обиженному, чшобы поклономъ въ ноги испросишь прощеніе. Вообще всѣ казаки, а особенно жившіе въ верховыхъ сшаницахъ, поставляли себѣ въ обязанность мирить всякія ссоры и даже тяжбы. Тамъ ашаманъ и старики сами кланялись въ ноги шяжущимся, чшобъ они помирились и не ѣздили судишся въ Черкаскъ, гдѣ было главное

правление. Если враждующіе не соглашались на миръ, то оба въ одномъ каюкѣ (лодкѣ) пускались внизъ по Дону въ главное войско на судъ; но часпо на пути, за крѣпительной чарой вина, будто неумышленно заводили между собою разговоръ и забывали о своей враждѣ. Нынѣ нужды, что назадъ до станицы надлежало шянуться противу воды, иногда верстѣ сто и двѣсти: пріятно то, что атаманъ и старики встрѣчая ихъ, поздравляли съ миромъ.

Въ маѣ *главное войско* разматривало дѣла станицъ и распредѣляло казаковъ. Для сего атаманъ со всѣми старшинами, составлявшими правительство, извѣстное въ народѣ подъ именемъ *всевеликаго войска Донскаго*, выходилъ за городъ на возвышенныя мѣста, кои не пощипались бываю-

щими въ семь мѣсяць разливами Дона, и тамъ разбивъ лагерь, шворили судъ. Являлись челобитчики съ прозьбами о поновленіи границъ, о которыхъ вышелъ между станицами споръ, и сонмъ старѣйшинъ или поручалъ одному изъ среды своей разобрать дѣло на мѣстѣ, или склонялъ шажущихся къ согласію на *общую правду*, т. е. на рѣшеніе какого нибудь старожила, который, поклявшись на Евангеліи поступать по совѣсти, долженъ былъ со святою иконою въ рукахъ пройти точно по тѣмъ мѣстамъ, какъ помнилъ онъ прежнюю межу. За симъ подходили изувѣченные на войнѣ казаки: войско снабжало ихъ опшставными листами и награждало доспойнѣйшихъ. Выступали частные челобитчики: *всевеликое войско* удовлетворяло cadaго; ни одинъ не ошхо-

диль недовольнымъ. Спарѣйшины Дона занимались такимъ образомъ дѣлами шолько до полудня, а остатокъ дня проводили въ забавахъ. Забавы сіи имѣли общій характеръ, своешвенный народу воинственному. Иногда располагались все большимъ кругомъ, посреди лагеря: вводили въ кругъ двухъ могучихъ борцовъ, полунагихъ калмыковъ, у копорыхъ все тѣло было вымазано жиромъ. Поединчики осмашривали другъ друга, сходились, расходились, примѣривались какъ ловчѣ схватиться, и вдругъ сцѣпились: руки ихъ скользять по тѣлу; борцы упираются ногами въ землю, жмутъ одинъ другаго, крутятся, сплетающа ногами и вошь сильный розмахъ повергаешъ одного на землю; крикъ со всехъ сторонъ: *славно! богатырь!* награждаешъ побѣдителя. Побѣдишь

противника значило повергнуть его лицомъ вверхъ. За симъ собраніе дѣлилось на ряды, чѣпобъ спрѣляшь въ цѣль изъ ружей и луковъ; поодаль манёврировали толпы мальчиковъ, заводя противную партію въ засады, или спараясь схватить удобный случай для нечаяннаго нападенія; старѣйшины торжественно отдавали первенство той или другой сторонѣ. Непримѣтно вечеръ заставала собраніе въ сихъ играхъ.

Случалось ли войсковому атаману обозрѣвать верховыя спаницы для переписи *малолѣтковъ* (*): онъ назначалъ удобное мѣсто, куда собирались изъ 20, 30 и болѣе спаницъ, атаманы со спариками и всѣ малолѣтки на

(*). Девятнадцати-лѣтнихъ казаковъ, кошорые съ сего возраста записывались въ служилые казаки.

лучшихъ коняхъ въ полномъ вооруженіи: съ пиками, длинными ружьями, шашками, боршиями, луками и проч. Обширный лагерь разбивался посреди ровной долины, на которой недѣли по двѣ и по мѣсяцу, въ присутствіи войсковаго атамана, продолжалась военныя игры. Одна толпа юношей пробовала скачкою быспрошу лошадей; другая на всемъ скаку стрѣляла въ цѣль; тамъ удалцы, перекинувъ черезъ сѣдло стремена, стоя неслись во весь опоръ на дикихъ лошадяхъ, отбиваясь шашкою, или цѣлясь ружьемъ; либо разославъ на землю бурку, и бросивъ на нее плѣть, монету и т. п., хватали ихъ на всемъ скаку. Выѣзжали охотники поединщики и разскакавшись другъ на друга начинали бой плѣтьми. За сѣнь открывалось новое зрѣлище. Большая

часть воиновъ въ полномъ вооруженіи неслия толпою къ рѣкѣ и на всемъ лешу, бросившись въ воду, переплывали на другой берегъ. Тѣмъ, которые отличались проворствомъ, легкостію, мѣткостію въ стрѣльбѣ, войсковой атаманъ дарилъ уздечки, приборы къ сѣдлу, оружіе и проч. Эта награда пріобрѣтала имъ уваженіе товарищей. Съ наступленіемъ вечера производились кулачные бои.

Масляница у предковъ нашихъ праздновалась великолѣпнымъ образомъ: целую недѣлю отъ малаго до стараго весь городъ веселился. Кромѣ пріятельскиххъ *бесѣдъ* мужчинъ и женщинъ, которые въ эту недѣлю почти въ каждомъ домѣ распѣвали псалмы и богатырскія пѣсни, главное отличіе масляничнаго веселія составляли скачки и пальба. Приготовленія къ сему на-

чинались почти цѣлымъ мѣсяцемъ ранѣе; во все это время молодежь не выходила изъ конюшенъ, не досыпала ночей, готовя добрыхъ коней. Съ наступленіемъ перваго дня масляницы, вооруженные наѣзники со всего города собирались къ назначенному мѣсту, на лучшихъ скакунахъ съ дорогими наборами, всякій съ желаніемъ блеснуть конемъ, збруєю, удалъствомъ. Спеченіе было самое многолюдное: сюда выѣзжали и прабабушки наши съ своими красавицами дочками въ нарядныхъ возкахъ съ жаровнями. На открытомъ мѣстѣ стояла мишень, пучекъ камыша, перпендикулярно поставленный, а саженьхъ въ 200 отъ него назначался пунктъ, отъ котораго надлежало скакать. Начиналась скачка: первый несетя стрѣлою съдой старецъ; бросивъ у самаго пука

поводья, прикладывается онъ короткимъ своимъ ружьемъ и пукъ зажженъ. За нимъ лешитъ юноша, которъй, на всемъ скаку соскочивъ съ лошади и держась одною рукою за гриву, схватываетъ другою изъ за пояса пистолеть, стрѣляетъ въ пукъ и въ мигъ на лошади; другіе по слѣдамъ его перепрыгиваютъ черезъ огонь. Иной, припворясь падающимъ съ несущейся лошади, хватаетъ съ земли монету, и бросивъ ее впередъ, ловитъ ее на лету. Такимъ образомъ наѣздничествовали здѣсь Донскіе воины, каждый день до вечера, перемѣняя по нѣскольку пуковъ камыша въ день, и по нѣскольку коней. Успавъ отъ скачки старики подѣзжали къ *возкамъ* и изъ рукъ бабушекъ подкрѣпляли себя *сабираломъ* (*); а молодежь

(*) Подъ именемъ *сабирала* извѣстенъ былъ на Дону лучшій медъ.

украдкою ловила взоры сидѣвшихъ въ возкахъ прелестныхъ затворницъ.

Тогда, какъ здѣсь забавлялись *скачкою на мишень*, въ другомъ мѣстѣ собирались охотники на скачку другаго рода, въ которой сильнѣйшая и рѣзвѣйшая лошадь одерживала побѣду. Въ эту скачку употреблялись *яровыя* лошади, которыхъ каждый разъ собирали отъ 50 до 100: надлежало пронестись не менѣе 15 верстъ по прямому направленію. Данила Ефремовичъ по большей части учреждалъ шаковые скачки отъ *Гирловой* могилы до того мѣста, гдѣ нынѣ Новочеркасскъ; это будетъ болѣе 25 верстъ разстоянія (*). Треть

(*) Замѣчательнѣйшая скачка на Дону была 5 мая 1805 года, при заложеніи города Новочеркаска, на кошорой было болѣе 500 лошадей.

украдкою ловила взоры сидѣвшихъ въ возкахъ прелестныхъ зашворницъ.

Тогда, какъ здѣсь забавлялись сказкою на мишень, въ другомъ мѣстѣ собиравались охотники на скачку другаго рода, въ которой сильнѣйшая и ртзвѣйшая лошадь одерживала побѣду. Въ эту скачку употреблялись *яровыя* лошади, которыхъ каждый разъ собирали отъ 50 до 100: надлежалой пронестись не менѣе 15 верстъ по прямому направленію. Данила Ефремовичъ по большей части учреждалъ шаковыя скачки отъ *Гирявой* могилы до того мѣста, гдѣ нынѣ Новочеркасскъ; это будетъ болѣе 25 верстъ разстоянія (*). Треть

(*) Замѣчательнѣйшая скачка на Дону была 5 мая 1805 года, при zaloженіи города Новочеркаска, на кошорой было болѣе 500 лошадей.

лучшимъ ѣздокамъ полагались призы : первому, конь со всею збруею, или большая серебряная кружка; второму, нѣсколько аршинъ алаго сукна и парча; третьему, шибеньки, стрелы и сафьянъ.

Дѣши заводили свои скачки по улицамъ; въ городѣ же въ каждомъ домѣ съ ранней зари и до полуночи производилась непрерывная пальба изъ ружей и пистолетовъ; дѣши стрѣляли изъ маленькихъ пушечекъ, у кого же не было ихъ, тѣ просверливали въ пустыхъ косякахъ заправки, или заряжали камышинки. На крыльцахъ домовъ, на улицахъ, на мостахъ, вездѣ шло народа, вездѣ пальба; одни больные были прикованы къ своимъ постелямъ, все прочее веселилось.

Въ будни, въ свободное время, казакъ не осматривался дома : его неуго-

мойный характеръ требовалъ дѣятельности. На залетномъ конѣ гонялся онъ въ полѣ за дикими козами, оленями, шарпанами, сайгами, или съ борзыми собаками *полеваль зайцевъ*, лисицъ, волковъ; убить вепря или барса, было дѣломъ славнымъ. Но у насъ бывали еще особеннаго рода охоты, которыми забавлялъ войско самъ ашаманъ. Опличные наѣзники на рѣзвыхъ скакунахъ, собравшись по повѣсткѣ, отправлялись за ашаманомъ къ курганамъ *Двухъ братьевъ* (*); отсюда открывается обширное *займище*, которое на шоть разъ всегда окружалось тысячью казаковъ, нарочно для сего собранныхъ; въ разныхъ мѣстахъ разставлены были шенета. Вотъ шроекрашный ружейный выстрѣлъ подаетъ знакъ

(*) Меподалеку отъ Черкаска.

къ начатию охоты : раздавшійся со всѣхъ сторонъ громкій крикъ пробуждаетъ *займище* ; толпы всадниковъ носятся въ различныхъ направленихъ ; поднимаются успрашенные звѣри. Здѣсь, видите вы, свирѣпый вепрь, посякая клыками камышь, идетъ на сопровивниковъ; его ждуть мѣткіе охотники съ винтовками на прикладахъ, и подпустивъ на выспрѣль, поражаютъ нѣсколькими пулями; разъяренный звѣрь, означая слѣдъ свой пѣною и кровію, успремляется на дымъ, чтобъ отомстить дерзкимъ, или дорого продать жизнь свою; охотники посшороняющся, и въ мигъ нѣсколько пикъ повергаютъ его на землю. Тамъ решивый наѣздникъ, поднявъ чеканъ, преслѣдуетъ волка; добрый конь, *попрашивал* (*) поводья,

---

(*) Національное у казаковъ слово, означаю-

не выпускаетъ изъ виду звѣря, который, ощипывая шерсть, часомъ озирается и щелкаетъ зубами, и оба скрываются ошь глазъ. Здѣсь легкая коза, поднявъ гордо шею, сирѣлой несется по гладкой равнинѣ, оспанавливаясь, манитъ жаднаго охотника, надеясь на быспрыи свои бѣгъ; но подстрекнуый всадникъ принадастъ къ сѣду, гонитъ борзаго коня, и собравъ арканъ, мѣтко бросаетъ его на шею своей добычи. А здѣсь робкій заяцъ, приложивъ на спину уши, мечется во всѣ стороны ища спасенія: его съ намѣреніемъ, пропускаютъ и у самыхъ ногъ ашамана, ударомъ плѣши приковываютъ къ землѣ. Въ сихъ охотахъ молодежь наша научалась имѣть

щее, что лошадь нетерпѣливо рвешся, чтобы имѣть свободныя поводья.

зоркій глазъ, чуткое ухо, смѣлость, отважность. Окончивъ охоту, павздыки отпралялись къ ашаману обѣдаться или ужинашь; шупъ, за сшаканами меда, всякій разсказываль какъ нагналь волка на засаду, или подшереть лису, кравшуюся ползкомъ въ густошу камыша, или съ конемъ своимъ перепрыгнуль черезъ опасный оврагъ.

За охотою обыкновенно слѣдовала дружеская *бесѣда*: убившій оленя, вепря или козу, созываль своихъ сосѣдей разѣесть вмѣстѣ звѣря; нынѣ одному удавалась охота, завтра другому, а послѣ шрепъему, и шакъ далѣе. Бесѣды переходили изъ дома въ домъ; кшо не доспаваль дикаго звѣря, шопъ убиваль что нибудь изъ домашняго скота лишь бы не опсашъ опъ другихъ въ гостепрїимствѣ. Опсашками убитаго звѣря хозяинъ дѣлялся съ

сосѣдами ; ибо продавать съѣстное не было тогда у насъ въ обычаѣ. Прадѣды любили щеголять на званыхъ столахъ, приглашая знакомыхъ на крестины, именины, свадьбы и проч. Здѣсь бѣдный и богатый ставили на столъ непременно полное число блюдъ. Обѣды начинались обыкновенно *кругликомъ* (пирогомъ) съ рубленнымъ мясомъ и перепелками; за нимъ следовало 8 или 10 холодныхъ: *студень*, *сѣкъ* (*), *лизни* (**), приправленные солеными огурцами; ломтики изъ поросенка, гуся, индѣйки, всѣ на разныхъ блюдахъ; часть дикой свиньи въ разварѣ, лебедь, соленый журавль и проч.; послѣ холодныхъ подавали горячія также до 10 блюдъ: щи, по-

---

(*) Филейная часть говядины въ разварѣ.

(**) Языки.

хлебку изъ курицы, свареной съ сарацинскимъ пшеномъ и изюмомъ; *моркву*, т. е. супъ изъ баранины, приправленной морковью; *шурубарки* (ушки); борщъ со свиной; *дулму*, которой было три рода: изъ капусты съ рубленнымъ мясомъ, изъ огурцовъ и изъ баклажановъ; *лапшу*, супъ изъ дикой ушки и проч. Всѣ супы были приправлены лукомъ. Соусы вовсе были исключены изъ нашихъ обѣдовъ, а послѣ суповъ тотчасъ подавали жаркія: гуся, индѣйку, поросенка съ *натинкою*, цѣлаго ягненка съ чеснокомъ, часть дикой козы, дрофу, дикихъ утокъ, куликовъ и другую дичину, все также на особыхъ блюдахъ. Телятины предки наши никогда не ѣли, почитая это за грѣхъ. Въмѣсто пирожнаго подавали: *блинцы*, *лапшевникъ*, *кашникъ*, молочную кашу, и наконецъ *уре кашу*

изъ простаго пшеиа приправленную *сюзьмою*, п. с., кислымъ молокомъ. Оканчивался же столъ десертомъ изъ свѣжихъ и сухихъ фруктовъ. Чтобъ не обидѣть хозяина, всѣ госпи должны были непременно отвѣдать каждое блюдо. За всякимъ кушаньемъ шли медъ, а дабы никто не отговаривался и всякой выпивалъ до дна, по съ перваго стакана начинались тосты: пёрвый за здравіе Государя; хозяинъ возглашалъ: *«Здравствуй Царь, Государь въ кременной Москвѣ, а мы Донскіе казаки на тихомъ Дону.»* Потомъ слѣдовала тостъ войска Донскаго: *«Здравствуй войско Донское съ верху до низу, съ низу до верху.»* Потомъ пили здорье ашамана, всѣхъ госпей и проч. Десертъ нашъ, по изобилію и вкусу фруктовъ, могъ почитаться отличнымъ: перенки, абрикосы, виноградь,

изъ простаго пшеиа приправленную *слюзмою*, ш. с., кислымъ молокомъ. Оканчивался же споль десертомъ изъ свѣжихъ и сухихъ фруктовъ. Чтoбъ не обидѣть хозяина, всѣ госпи должны были непременно отвѣдать каждое блюдо. За всякимъ кушаньемъ пили медъ, а дабы никто не опговаривался и всякой выпивалъ до дна, по съ перваго спакана начинались тосты: пёрвый за здравіе Государя; хозяинъ возглашалъ: *«Здравствуй Царь, Государь въ кременной Москвѣ, а мы Донскіе казаки на тихомъ Дону.»* Потомъ слѣдовалъ тостъ войска Донскаго: *«Здравствуй войско Донское съ верху до низу, съ низу до верху.»* Потомъ пили здорвье ашамана, всѣхъ госпей и проч. Десертъ нашъ, по изобилію и вкусу фруктовъ, могъ почитаться отличнымъ: персенки, абрикосы, винограды,

разные роды вишень, грушь, Бергамоновъ, яблочковъ, и дули (груши), извѣстные подъ именемъ Персидскихъ. Сказываютъ будто Императоръ Петръ I, находясь въ Персидскомъ походѣ, далъ бывшему при немъ казаку сѣмя таковой дули, которую самъ кушалъ, сказавши: « когда вернешься домой, посади это сѣмя и разведешь себѣ хорошия груши. » Казакъ исполнилъ это, и плоды сѣи до нынѣ сохранялись въ садахъ нашихъ.

При Ефремовѣ завелся на Дону экипажи. Въ старину казаки всегда ѣздили верхомъ; сѣсть въ рыдвань почиталось неприличнымъ; одиѣ только женщины употребляли простыя таратайки, покрытыя узорчатымъ войлокомъ. Въ повозки сѣи дозволено было запрягать только самыхъ дурныхъ лошадей, калекъ и вообще такихъ,

кои неспособны были къ верховой ѣздѣ: казаки думали, что достоинство лошади оскорбляется упряжью. Первый рыдванъ появился въ домъ атамана Даниила Ефремовича безъ рессоръ, на ремняхъ, усѣянный мѣдными гвоздями съ большими головками. Экипажъ сей новостію своею такъ удивлялъ тогда всѣхъ жителей, что когда атаманиша ѣздила въ немъ по городу, то народъ выбѣгалъ на улицы и къ окнамъ домовъ, крича: *сама ѣдетъ*. Въ подражаніе Ефремовымъ заведись экипажи въ домахъ Поздѣева, Мартынова, Луковкина. Векоръ показала у Ефремовыхъ и коляска тогдашняго фасона, а для зимы возокъ, расписанный яркими красками, обитый войлоками, цвѣтливою шелковою матеріею и бархатомъ, со стеклами и съ жаровнею по серединѣ. Хошите ли имѣть поня-

тіе о тогдашнемъ Донскомъ экипажѣ? Онъ запряжеть турецкими лошаками или изувѣченными лошадьми; Калмыкъ занимаетъ мѣсто кучера; дородная дѣвушка или женщина на запяткахъ вмѣсто слуги. Въ то время крестьянъ на Дону еще не было, а казакъ ни за что въ міръ не согласился бы потѣхаться женщинами. Это починалось такимъ безчестіемъ, котораго ничѣмъ не лзя было загладить. Старшина Павелъ Ѡмичъ Кирсановъ (*), уже въ послѣдней половинѣ минувшаго столѣтія, первый выѣхалъ въ санихъ на бѣгунѣ съ присяжными, что изумило весь городъ. Спустия нѣкоторое время, старшина Дмитрій Маршановичъ

(*). Почтенному сыну его обязанъ и многими любопытными свѣдѣніями о Донской сваринѣ, и симъ изъявляю мою признательность.

Мартыновъ показался въ одноколѣ на гордомъ конѣ.

Старшины обращались съ казаками чрезвычайно просто и совершенно по брашеки. Даже и тогда, когда званіе воинскаго атамана сдѣлалось не избирательнымъ, и власпъ его въ народѣ была весьма значительна, прежде обхожденіе не измѣнилось. Данила Ефремовичъ Ефремовъ, бывший генераль-маіоромъ и послѣ шашнымъ содѣйникомъ, никогда не чуждался *бесѣдъ* казачьихъ. Къ нему великіи приходили какъ къ своему товарищу, и запросто говорили ему *ты*. Много забавныхъ анекдотовъ можно слышать о подобной простотѣ; такъ напримѣръ: однажды казакъ, донося Ефремову, что войсковые плошты попали на мѣль, заключилъ рѣчь свою со всемъ добродушіемъ: *хоть тресни, Данила Ефремо-*

вить, не стацишь. Въ Рождество, старики разными компаніями, не исключая и лучшихъ старшинъ, ходили изъ дома въ домъ *Христа славить*, начиная обыкновенно отъ воцсковаго ашамана. Самъ ашаманъ являвакъ къ компаніи старшинъ, и вмѣстѣ съ ними ходилъ по всемъ жилищамъ города. Во всякомъ домѣ пѣли они *Христось рождается*, за что хозяинъ обязанъ былъ заплащить имъ. Собранныя такимъ образомъ деньги, иные отдавали на соборъ, другіе покупали на нихъ медь для бесѣдъ своихъ.

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ.

Изъ частной жизни Донцовъ вы видѣли, что воспитаніе и образъ жизни дѣвиць и молодыхъ людей на Дону не благопріятствовали ихъ знакомству; мужчины могли видѣть дѣвушекъ только въ хороводахъ, иногда на гуляньяхъ, на свадьбахъ, или на крыльцахъ теремовъ; но всегда вмѣстѣ съ нянюшками или пожилыми родственницами. Иной дѣвиць до самаго замужества не удавалось сказать трехъ словъ чужому мужчине. Старые Донцы находили грѣхъ въ томъ, когда холостой мужчина свободно разговаривалъ

съ дѣвушкою. « Не гляди въ глаза муж-
 « чинѣ, » твердила бабушка своей
 внучкѣ; « Богъ не дастъ счастья; » и
 внучка должна была оповорачиваться,
 или поворачивать глаза въ присущеннѣи
 мужчинѣ. Думать не лзя, чтобы
 украдкою красавицы не заглядывались
 на спранныхъ юношей; чтобы муж-
 чина, кошерому уже намекали о же-
 нидбѣ, не назначать въ умѣ своемъ
 той или другой себѣ въ жены; но
 рѣдкїи Донецъ женился по собствен-
 ному выбору: большею частїю роди-
 тели назначали ему невѣсту. Почте-
 нїе и послушанїе къ старшимъ всегда
 соснавляло у насъ главнѣйшую часть
 нравственнаго воспитанїя; не было
 примѣра неповиновенїя родителямъ.
 « Сынокъ, тебѣ время жениться, » го-
 ворилъ отецъ: « мы съ матерью вы-
 « брали тебѣ невѣсту; она умѣетъ

« хозяйничать, изъ хорошаго дому и « тиберка » прибавляла машь. « Воля ваша, » ошвѣчалъ сынъ, и поклонъ въ ноги. Даже въ такомъ случаѣ, когда самому жениху давалась воля избирать себѣ подругу, вліяніе родшелеи всегда почши располагало его выборомъ; надобно было, чшобы невѣсна имъ шакже правилась, какъ жениху.

Дѣло начиналось смолромъ невѣсты. Женихъ съ однимъ или двумя пожилыми родшвенниками, ошправлялся, по большей часши вечеромъ, въ домъ невѣсты, гдѣ принимали ихъ ея родштели. Гости заводили разговоръ о дочери хозяйна, хвалили ея красоту, умъ, называли ее доброю хозяйкою и просили, чшобъ она имъ *поднесла*: позову матерн красавица являлась, одѣшая по домашнему, держа въ рукахъ поднось съ кубками вина, и разнесши

кубки опходила къ споронѣ, смиренно ожидая пока гости выпьютъ.

Разумѣется спарикъ съ умысломъ медлил, чшобы дать жениху время всмотрѣться въ невесту, и между тѣмъ хвалили вино и *поднощницу*. Принявъ бокалы, она удалялась, а въ слѣдъ за нею гости, которые не переснавали хвалишь дочку, оканчивая: «Богъ дастъ, она и насъ полюбитъ.» Сямъ заключалось первое посѣщеніе жениха, и хотя не объявляли прямо о его намѣреніи, но самый приходъ его уже объяснял все.

Черезъ нѣсколько дней послѣ смотря, присылался со стороны жениха *сваты*, одинъ или два челоуѣка изъ родственниковъ или поспороннихъ. Выбирали для сего людей опытныхъ, которые славились умѣньемъ выващашъ, и могли насчитать до сошши

соединенныхъ ими паръ. Случалось иногда, что дурной выборъ сваповъ ставили жениху въ укоризну, и единственно потому отказывали ему въ невѣстѣ; объяснясь же самимъ родичеямъ жениха и невѣсты на счетъ своихъ дѣней, почиталось неприличнымъ. Свапы начинали дѣло просто: «шакон-шо и шакон-ша хоняшь вену-пипъ съ вами въ родство,» и разумѣея осыпали похвалами жениха и его семейство. Если имъ отвѣчали благодарностию за доброе мнѣнiе о дочери; но отговаривались, что не могутъ выдать ее по немнѣнiю всего нужнаго для свадьбы: то это означало отказъ. Въ случаѣ согласiя, невѣстпнъ отецъ просилъ дать ему время посоветоваться съ роднею и назначать день, въ который свапамъ надлежало принести за ошвѣтомъ. Невѣста въ семь

случаѣ не имѣла голоса; ей нравилось, или должно было нравиться все, что было угодно бапюшкѣ и мапюшкѣ. Свашы, выходя изъ комнаты спарались непременно прикоснуться рукою къ печи, приговаривая: какъ эта печь не сходишь съ своего мѣста, такъ бы и отъ насъ не отошла наша невѣста. Некусѣнѣише въ свашовствѣ не ограничивались однимъ этимъ и дѣлали много другихъ причудъ, шолкуя, что онѣ помогаютъ успѣху.

Въ назначенный день по утра являлись тѣ же свашы, вынимали изъ за-пазухи кусокъ чернаго хлѣба, посыпаннаго солью, клали на ешоль, говоря хозяевамъ: « опець и мапѣ такогото кланяюся, и просятъ принять хлѣбъ-соль. » Хозяева вмѣсто отвѣта цѣловали гостинець. Свашовство, разумѣется, оканчивалось согласіемъ.

Сваши требовали , въ знакъ онаго руки. « *Дай Богъ въ добрый часъ,* » говорили ошечь, осѣняль себя крестомъ, и обернувь полою своего плашья руку, подавалъ ее свапамъ. Мать клала земные поклоны, и повторяя: « *въ добрый часъ* » подавала и свою руку. Это называлось у насъ *взять руку*. Подать или взять руку, не завернувь ее въ полу плашья, ночиталось дурнымъ предзнаменованіемъ. Въ стари-ну Донцы думали, что голая рука есть символъ бѣдности. Въ заключе-ніе, невѣста подносила по стакану меду свапамъ, которые и поздравляли ее съ женихомъ.

По большей чаеши въ этошь же вечеръ дѣлалось *рукобитье*. Женихъ съ опцемъ, матерью и родными приходилъ къ своей суженой, въ домъ ко-шорой собирались ея ближніе род-

свенники. Тамъ встрѣчали жениха поздравленіемъ съ невьстою, а онъ отвѣчалъ поклономъ въ ноги будущему своему пестю и пещѣ, и становился у порога. Родители двухъ споронъ, въ знакъ союза, давали другъ другу *руки*, называли одинъ другаго: *сватушка* и *свашинька*, и дѣлали *зарядъ* на случай отказа какой-либо стороны отъ брака.

О приданомъ тогдашніе казаки вовсе не знали: никогда не женили дѣтей по расчету, и для того при сватовствѣ даже не намекали о томъ, опасаясь унижить чистоту брака примѣсно къ оному какой-либо корысти. Окончивъ все условія, свашъ, который игралъ здѣсь ролю церемоніймейстера, выводилъ жениха на средину комнаты; невьсту ставили подлѣ правой стороны; подносили имъ по

рюмкѣ вина или меду, и молодые, выпивъ, цѣловами другъ друга. Сей первый поцѣлуй уже связывалъ ихъ навсегда; родители соединяли имъ руки приговаривая: « дочь! возьми себя женихъ, а себя мой сынъ невѣста; да благословитъ Господь Богъ союзъ вашъ. » Иногда при семъ случаѣ, невѣста и женихъ дарили другъ друга. Между тѣмъ выносили огромный серебряный подносъ, уставленный серебряными съ чернью стаканами, полными пѣнишаго меду или вина; женихъ, а послѣ него невѣста, обносили всѣхъ гостей, которые, выпивъ до дна, привѣщивали ихъ желаніемъ *совершить нагатое дѣло*. Сямъ оканчивалось *рукобитие*, которое на Дону означало поже, что въ Россіи *помолвка*. Когда соединяли руки новой чепъ, женщины пѣли двѣ пѣсни:

Ой заюшка горностай молодой и Перепелушка рябля перушки; первую для жениха, вторую для невесты; повторяя оныя во весь вечеръ.

Совершивъ *рукобитье*, старики удалялись въ другую комнату запивать радостное начало дѣла, а жениха и невесту оставляли однихъ съ молодыми, чтобъ ознакомиться и повеселиться. На *рукобитъ* обыкновенно гости не оставались долго; назначали день для *сговора* и расходились. Женщины, проходя по улицамъ непременно пѣли *Заюшку* и *Перепелушку*; чтобы извѣстить жителей о происходившемъ.

Сговоръ былъ гораздо торжественнѣе *рукобитья*. Въ назначенный день двѣ *позыватя* со стороны жениха, и двѣ со стороны невесты, съ самаго утра, ѣздили изъ дома въ домъ съ

приглашеніями къ роднымъ и всѣмъ знакомымъ. Въ *позыватя* обыкновенно избирались молодыя женщины, которыя умѣли *хорошо украшивать*, были веселы, развязны, разговорчивы. Въ каждомъ домѣ онѣ должны были *сказать поклонъ отъ отца и матери и просить на сговоръ*, непременно прибавляя: « *да пожалуйста же мои родненькія*; въ каждомъ домѣ ихъ угощали сладкимъ виномъ и также *просили непременно выпить*, такъ что не рѣдко онѣ возвращались домой очень навеселѣ. Въ вечеру, обыкновенно къ 6 и 7 часамъ, собиравсь въ домъ невесты, собственно къ ней дѣвцы, а къ ея родителямъ замужнія женщины и мужчины. Дѣвушки помѣщались въ особой комнатѣ; всѣ прочіе гости, которыхъ всегда называли *стариками*, въ залѣ, посреди коей былъ

раскинуть большой столъ, покрытый скашернью; угловой столкъ, былъ уставленъ пряниками, орѣхами; сахарными закусками и *сметками*. Все собраніе садилось, въ ожиданіи жениха.

Въ его домѣ собиравлись его знакомые; здѣсь пригопояляли 10 или 20 и болѣе блюдъ съ кренделями, пряниками, орѣхами, винными ягодами, финиками, и всякими сластями, да нѣсколько дюжинъ бупылокъ лучшаго меду и вина. Всѣ гости отпраплялись съ сею хлѣбомъ солью въ шоржесствѣ въ домъ невѣсты: впереди несли блюда, за ними шли женатые мужчины, потомъ замужнія женщины, и наконецъ женихъ съ молодежью. Хозяинъ и хозяйка встрѣчали ихъ на крыльцѣ, вводили въ залу и сажали свашушку, свашиньку и родню ихъ въ первыя мѣста; женихъ съ товарищами сшановился у порога;

принесенными блюдами и напитками усаживали раскинутый по срединѣ снопъ, чтобы все видѣли обильную хлѣбъ-соль. Ошець невѣстницъ, попомъ мать, обносили всемъ госпямъ по спакану. За снмъ сватны пребовали, чтобы юная чета въ виду всего собранія *была сговорена*. Жениха и невѣсту спазвили посреди залы и повторили тотъ же обрядъ, который наблюдался при рукобитьѣ: родственники жениха и невѣсты, поздравляя, дарили другъ друга. Свекоръ и свекровь, въ семь случаѣ, должны были превзойти всехъ щедростію. Сговоръ оканчивался тѣмъ, что женихъ и невѣста подносили всемъ госпямъ вино или медъ, и принимали отъ всехъ по поцѣлюю.

Отъ послѣдняго гостя невѣста убѣгала въ другую комнату къ дѣвуш-

камъ, стараясь, чѣмъ женихъ не успѣлъ ее упредить и помѣщалась между своими подругами, кои сажались сколько можно тѣснѣе, дабы не дать мѣста жениху. Это было ему наказаніемъ за чѣмъ выпустилъ изъ рукъ невѣсту. Женихъ, опоздавшій занять мѣсто возлѣ своей суженой, долженъ былъ купить его у ея сосѣдокъ. Начинался торгъ; женихъ набавлялъ цѣну по немногу, дѣвицы не уступали ничего, говоря, *что ихъ невѣста золотая, и недешево ему достанется.* Этого торгъ забавлялъ всѣхъ: старики оставляли свои стаканы и полпились изъ залы, чѣмъ посмотрѣть на молодыхъ проказницъ; ихъ шутки приводили въ смятеніе жениха, и часпо заставляли его соглашаться на все, чѣмъ получить мѣсто подлѣ невѣсты. Молодежь не отставала отъ жениха;

но ей нельзя было садиться между дѣвцами, а надлежало помещаться въ особомъ углу, или стоять у порога; только къ родственницамъ можно было подойти и вступать съ ними въ разговоръ, не нарушая благопристойности. Полчаса, часъ, и болѣе продолжалась пишка: молодежь въ своемъ углу шептала; черноокія красавицы неподвижно сидѣли на своихъ мѣстахъ, не смѣя посмотреть въ сторону, и только изрѣдка поглядывая на свои наряды, и поправляя полы алыхъ или малиновыхъ кубельковъ и плапки на шеяхъ, голубые съ бѣлыми каймами или алые съ зелеными. Всякая щеголиха старалась выказать при семъ случаѣ свои жемчуги, золотыя серьги, чиклики.

Отъ привычки ли, или отъ того, что въ нашихъ обществѣхъ тогда не

знали еще нынѣшнихъ свѣтскихъ приличій, никто не скучалъ общимъ молчаніемъ. Мало по малу хозяйка, или кто нибудь изъ ея родственницъ заводила игры: въ *короли*, въ *контики* (*) и ш. п. Общество оживлялось: смѣялись, шутили, рѣзвились. Въ нѣкоторыхъ домахъ танцовали подь балалайку, а послѣ подь звуки оркестра, состоявшаго изъ двухъ скрыпокъ, дудочки, цымбаловъ и баса и привезеннаго на Донъ Малороссійяниномъ Марковичемъ. Сначала *казатекъ*, и *журавель* были у насъ единственными танцами;

(*) Въ *контики* обыкновенно играютъ четверо, двое мужчинъ и двѣ дѣвицы: одинъ изъ играющихъ сложивъ вмѣстѣ концы карманнаго платка, подноситъ оныя прочимъ; каждый выбираетъ для себя любой и развертываютъ платокъ; шѣ, коихъ концы придутся на креслѣ, должны цѣловать другъ друга.

нопомъ введены: *Барыня*, *Какъ у нашихъ у воротъ*, и *Хлопушка*. Мужчины танцовали ошлично; напрошивъ шого женщины вовсе не обращали вниманія на танцы: всякая ходила, или прыгала какъ умѣла, и наши прелестныя, не смонря на свою несловкость въ семь дѣлъ, умѣли привлекать взоры и сердца. *Журавль*, *Барыня* и *Увѣротъ* танцовались въ чепыре пары на подобіе кадрили, шолько безъ вальса; дѣлали однакожь круги, шень, кресны; прошивуешоющія пары сходились, расходились и кружились, перемѣняя дамь. Въ *Хлопушкѣ* шановились въ дварада, какъ въ экосезѣ. Не скоро привыкли дѣвицы танцовать въ общесивѣ. Въ кругу подругъ своихъ онѣ любили это невинное увеселеніе; но здѣсь, какъ рѣшишься спать рядомъ съ мужчиною, дашь ему свою руку, кружишься

съ нимъ? Почти всегда при началѣ бала, лишь только мужчина подходилъ къ ней, она наклоняла голову и закрывала лице руками или платкомъ, такъ чпо хозяйка принуждена была насильно увлечь ее съ мѣста, и поспавишь въ пару. Невѣста въ сей вечеръ должна была перемѣнить два, или три нарядныя платья, показывая шѣмъ свои избытокъ.

Но чпо дѣлами *старики*? У нихъ было свое веселье. Какъ скоро женихъ получалъ мѣсто возмѣ своей невѣсты, родители его просили свапушку, свашиньку, и всѣхъ гостей къ себѣ въ домъ *смотрѣть пегн*, какъ они говорили: шамъ посреди залы накрытъ былъ столъ. Всѣ гости сажались ужинать. Хозяйка, стараясь отличашься изобиліемъ, подавали блюдо тридцать и болѣе; за каждымъ шли вино и медъ;

и чтобы не было опговорокъ, ко всякому снакану придумывали шонсть: начинали обыкновенно здоровьемъ свашушки, потомъ свашиньки, будущей чены, всѣхъ гостей порознь, и наконецъ пили за упокой умершихъ родственниковъ. Во время десерта веселые госпи пѣли пѣсни, сначала *богатырскія*, потомъ плясовыя: *А кто въ моемъ во садикѣ; Ахъ матушка жениха; Утушка луговая.* Тутъ была *перепелогка* и проч. Женщины пускались въ пляску, двигаясь вокругъ шюла и стуча въ ладъ каблуками туфлей. Пиръ продолжался за полночь: женщины уходя пѣли по улицамъ, чинобъ во всѣхъ концахъ города, узнавали о бывшемъ стговорѣ.

Женихъ долженъ былъ платить за всѣ издержки сего вечера, даже въ домъ невѣсты. *Послѣ сговора*, родствен-

ницы невесты оставались при ней безоплучно до самой свадьбы и шли для нее приданое. Если бы какую вещь вздумали отдать въ постороннія руки за деньги, то это ставилось въ укоризну *тиберкамъ*. Женихъ съ друзьями бывалъ у невесты каждый вечеръ и имѣлъ право оставаться въ ея домѣ ночевать. Невинная молодость рѣзвилась въ этомъ обществѣ: проведя весь день за работою, дѣвицы ввечеру съ нестерпнѣемъ ждали жениха, который, являсь съ узломъ закусокъ, приносилъ съ собою веселіе. До полуночи и далѣе продолжались игры: жмурки, четки, короли, кончики и проч.

За два дня до свадьбы смотрѣли приданое или праздновали *подушки*; на канунъ *дѣвигникъ*.

Первыя происходили такимъ образомъ: ввечеру собирались въ домъ

невѣсты знакомыя дѣвцы и женихъ съ молодежью. Изъ пожилыхъ мужчинъ и женщинъ участвовали здѣсь одни только родные. Сперва гости, одинъ послѣ другаго, входили въ комнату, гдѣ находилось приданое невѣсты: богатая постель и множество платья въ сундукахъ; *гиберки* предлагали имъ *садиться на подушки*. Женихъ съ невѣстою сажались первые; тутъ шведъ подносилъ жениху стаканъ меда, который онъ выпивалъ въ нѣсколько приемовъ, за каждымъ цѣлуя свою возлюбленную, и приговаривая: *медъ горекъ, надобно подсластить*. Осушивъ бокаль, онъ клалъ *гиберкамъ* деньги на подносъ. Потомъ *садились* вся молодежь, одинъ послѣ другаго; каждый просилъ къ себѣ въ соѣдки изъ присутствовавшихъ дѣвицъ ту, которая ему нравилась, также цалъ медъ, цѣловалъ красавицу

сколько хотѣлъ, и платилъ поднощицамъ деньги. Отпустивъ онъ себя выбранную, могъ онъ просить садиться другую, третью и такъ далѣе. За всякимъ разомъ, когда мужчина оканчивалъ бокаль, поднощицы бросали въ сидящую пару подушками, приговаривая: « *раса сага басень* (*) ».

При всей застѣчивости нашихъ красавицъ, ни одна не могла совершенно отказаться отъ *сидѣнія на подушкахъ*; но всякая, или почти всякая, непременно отговаривалась нѣкоторое время изъ стыдливости, и наконецъ какъ будто уступала принужденію. Изъ всѣхъ нашихъ общественныхъ собраній, на одномъ только этомъ дозволялась мужчинамъ нѣко-

---

(*) По Татарски: и вамъ того желаемъ.

порая свобода въ обращеніи съ дѣвухами. Такимъ образомъ, до полуночи и позже, продолжали *садиться на подушки*. Иногда бывала здѣсь и музыка; но она не препятствовала сидѣнью: пока одни танцовали въ залѣ, другіе не переставали срывать жаркіе поцѣлуи съ свѣжихъ дѣвственнхъ устъ.

Дѣвизникъ былъ для невѣсты послѣднимъ праздникомъ въ ея дѣвическомъ состояніи. Доселѣ она невинно предавалась движеніямъ душевной радости, воображая будущее счастье. Наконецъ наступилъ тотъ день, который издали казался ей столь благоприятнымъ, и душа ея невольно трепетала при мысли, что завтра она должна оставить семью свою, въ которой образовались ея наклонности и привычки, гдѣ она умѣла быть любимой дочерью; завтра должна она будетъ

вступивъ въ кругъ новыхъ людей, должна принять на себя обязанности, ей мало извѣстныя. Невольная грусть появлялась на свѣтломъ лицѣ неопытной дѣвы. Невѣста, на канунѣ свадьбы плакала во весь день. Ввечеру, передъ захожденіемъ солнца, одна съ нянюшкою, ходила она на могилы своихъ предковъ; здѣсь въ безмолвіи гробовъ, прижавъ къ землѣ, со слезами призывала усоншихъ родныхъ, въ свидѣтельство кляпвы, которую завпра произнесетъ предъ олшаремъ Всевышняго; просила отъ нихъ себѣ благословенія, предстательства ихъ у престола небеснаго Отца, да благословитъ. Онъ новое поприще ея жизни.

Между тѣмъ невѣстныя позыватые звали родственниковъ ея и знакомыхъ мужчинъ и женщинъ на вечеръ, *наволакивать подушки*, и на другой день

на выданье невесты. Со стороны жениха свати и дружка просили гостей къ нему каравай сажать, и на завтра встрѣтить новобрачныхъ.

У жениха съ самаго утра начинали готовить каравай: когда сажали большой каравай въ печь, все собраніе держалось за лопапу; дружка и свахи освѣщали печь, и свѣчи ихъ, обвившья лентами, на другой день вручались жениху и невестѣ для заженія предъ олтаремъ.

Ввечеру, всѣ гости жениха, набравъ караваевъ, отправлялись въ домъ невесты. Здѣсь грустная дѣва въ слезахъ сидѣла посреди подругъ своихъ, въ той же убранной комнатѣ, имѣя на головѣ уже не платокъ, и не челоучь, но высокую шапку изъ черныхъ смушекъ съ краснымъ бархатнымъ, или парчевымъ верхомъ, украшенную цвѣ-

тами и перьями; въ косѣ золотой косникъ. Подруги напѣвали ей жалобныя пѣсни о разлукѣ съ родными и предстоящей перемѣнѣ жизни. Спарки въ другой комнашѣ изрѣдка опоражнивали бокалы, въ ожиданіи жениха. Съ его приходомъ пѣсни замолкали, и молодые *садились* опять попарно на подушки, какъ на капунѣ. За симъ всѣ гости шли къ столу, послѣ котораго женщины входили въ комнашу съ приданымъ и припѣвая: « *Сестрицы, подружки, несите подушки* и проч. » разбирали пошель и другія легкія вещи изъ приданаго, и всемъ обществомъ отправлялись къ жениху.

Съ наступленіемъ дня свадьбы (это бывало всегда въ воскресенье), въ домахъ жениха и невесты все было въ движеніи. Дѣвицы убирали невесту въ брачную одежду: богатый парче-

вой кубилекъ и такую же рубаху; на голову надѣвали шу самую шапку, которую она имѣла на *дѣвигникѣ*, и косу заплели по *дѣвигѣ*; самыя лучшія украшенія изъ жемчуга и золота блистали на ней. Съ благовѣстомъ къ обѣдинѣ, отецъ и мать благословляли святою иконою невесту, которая, положивъ передъ иконою три земныхъ поклона, цѣловала священный ликъ, кланяясь въ ноги плочущимъ отцу и матери, и прощалась со всеми родными и домашними, сама заливаясь слезами. Между тѣмъ женихъ, получивъ отъ своихъ родителей благословеніе, отправлялся къ невестѣ: впереди шелъ священникъ со крестомъ; потомъ мальчики несли благословенные образа съ *пеленами*; за ними женихъ между дружкой и свахами въ парчевомъ кафтанѣ, въ алой суконной черкескѣ,

обшитой серебряными позументами, въ красныхъ сапогахъ, шипыхъ золотомъ, держа подъ рукою высокую шапку изъ сѣрыхъ сѣмшескъ съ краснымъ бархатнымъ верхомъ. Рядомъ съ нимъ *храбрый повздь*, или *повзжаные*, т. е., холостые друзья жениха, отдающие ему послѣдній *молодегескій* долгъ; они сопутствовали ему къ невѣстѣ, въ церковь и назадъ домой, иногда верхомъ на борзыхъ коняхъ въ серебряномъ уборѣ. Впереди или подлѣ жениха шель *вѣдунъ* (збережатыи), котораго дружка обязанъ былъ прінскаль за благовременно, и который не оплачался отъ жениха до окончанія брака, наблюдая, чпобы на порогахъ и приполкахъ, гдѣ ему надлежало проходить, не было чародѣйства, и чпобы въ пищу и питье не примѣшала кто *порги*. Обыкновеніе наряжать жениха и невѣсту въ бога-

тѣхъ платьѣхъ было всеобщее; брачная одежда сохранялась въ семействахъ, какъ нечто священное и переходила къ потомству. Не рѣдко видали внука и правнука передъ брачнымъ олтаремъ въ дѣдовскомъ вѣнчалномъ кафтанѣ. Во многихъ сшаницахъ, гдѣ въ сшарину вовсе не умѣли или не любили наряжаться, было по одному общесшвенному вѣнчалному платью: краснаго сукна чекмень, цвѣшшой кафтанъ и красныя или желтыя сапоги; всѣ женщины шой сшаницы вѣнчались въ эшомъ платьѣхъ, возвращая оное по совершеніи брака въ сшаницную избу.

Женихъ находилъ невѣсту уже на *посадѣ*, въ переднемъ мѣстѣ подъ *сштыми*. Подъ нее одинъ или два мальчика, братья ея съ *державою*, ш. е., съ простою или шелковою пшпкою, шшшою золошомъ и убранныю серебря-

ными бляшками и шурками. Малютки, грозя плѣшью, не допускали жениха къ невѣстѣ; дружка долженъ былъ купить у нихъ мѣсто. Отсюда юная чета въ большомъ шоржеспивѣ отправлялась въ церковь. Въ церковномъ припворѣ приготавливали невѣсту къ вѣнцу: снимали шапку, расплетали косу, раздѣляли на двое длинные волосы. По окончаніи духовнаго обряда, у новобрачной заплетали косу уже по женски на двое, обвивали ими голову, надѣвали ей соболью шапку или *повойникъ*, и прежнимъ порядкомъ всѣ отправлялись въ домъ жениха. Тутъ на крыльцѣ встрѣчали *молодыхъ* родители съ хлѣбомъ и солью, подъ которою вся процессія должна была пройти; когда проходили *молодые*, сыпали на нихъ пшеницу или другія хлѣбныя зерна, перемѣшанныя съ хмѣлемъ, орѣхами, пряниками, мѣл-

кою монетою и проч., дабы Новая чета жила въ избыткѣ и счастіи. Угостивъ свшшу молодыхъ, опводили послѣднихъ на брачное ложе. Нѣкогда существоваль у насъ обычай, что новая супруга должна была разуть мужа своего, который въ правомъ сапогѣ имѣлъ плёшку, и при снятіи онаго, ласково, не говоря ни слова, грозилъ ею своеі любезной.

Между шѣмъ званые гости собирались къ обѣду, въ которомъ хозяйка старалась блеснуть числомъ блюдъ и изобиліемъ. Шли посты Царя, атамана съ войскомъ Донскимъ, *молодаго князя съ княгинею*, ихъ родителей и каждаго госпя порознь, а потомъ по обыкновенію, доходило дѣло и до покойниковъ. Передъ жаркимъ *поднимали молодыхъ*, обрядъ установленный для женской непорочности, который въ

по время соблюдался у насъ такъ строго, что когда подавали первое жаркое, то все общество требовало, чтобъ имъ показали *гестъ новображной*, а безъ того не разрѣзывали жаркаго. Въ знакъ радости о добромъ имени молодой, дружкѣ навязывали на руки платки, а свахъ окутывали разными матеріями крестообразно черезъ плечи, и всѣ гости прикалывали къ головному убору или къ груди кисточки свѣжей калины, какъ символъ невинности. Дружко и сваха, которые по большей части не садилась за столъ, а ходили кругомъ гостей, прося покушать и наблюдая, чтобы задравные бокалы осушались до дна, начинали пѣть свадебныя пѣсни, прославляющія честь *молодой*: потомъ потчасъ отправлялись, какъ были въ *перевязкахъ*, къ родителямъ

новобрачной съ извѣстіемъ о торжествѣ дочерней чести и съ приглашеніемъ на общій пиръ и *всселіе*.

И здѣсь также перевязывали ихъ манеріями и плашками. Однакожь не долго сохранился у насъ сей обычай: скоро стали приглашать родителей *молодой* прямо къ столу, и въ ихъ присутствіи *поднимали молодого князя съ княгиню*.

Коль скоро уносили столы, вводили въ собраніе *молодыгъ*: впереди дружка несъ на блюдѣ, покрытомъ шелковымъ или парчевымъ плашкомъ, изрѣзанный кусками большой каравай, котораго каждая частичка была украшена серебрянымъ лебедемъ или золоченою сосенкою, и на каждой положено было по немногу сыру; за нимъ сваха вела за руки *молодого князя и княгиню*. Сошворивъ молитву, дружка откры-

валъ каравай, разносилъ оный по порядку госпнямъ, прося именемъ молодого князя и княгини, *сыръ-каравай принимать и молодыгъ надѣлать*, а молодые въ слѣдъ за нимъ подчивали ихъ виномъ или медомъ. Каждый изъ госпней, принявъ чашечку каравая и Сокамъ, обвинялъ новобрачныхъ, поздравлялъ ихъ, изъявляя различныя желанія и дѣлалъ имъ какой нибудь подарокъ. Дарили новобрачнымъ шабуны, куски богатыхъ манеринъ, которыя вѣшали молодой на плечо, дорогія вещи, оружіе, деньги. Если шестъ хотѣлъ одолжить зятя, то отдавалъ ему своего замѣтнаго скакуна съ сѣдомъ и ронзыкомъ. Объ этихъ подаркахъ говорилъ цѣлый городъ; рассказывали: такой-то *положилъ на каравай шабунъ*, такой-то боо обещъ, пошъ домъ съ садомъ, отецъ покрылъ молодую парчею, мать роб-

раномъ. Родители *молодой* также получали въ это время подарки отъ свашовъ своихъ: отецъ сукно, а мать бархатъ, или парчу, всѣмъ прочимъ гостямъ дарили: мужчинамъ сафьяны, или плашки, а женщинамъ красныя шупли. Остальную часть дня проводили въ самомъ шумномъ пированьи: подносили вино гостямъ, то старшій сынъ хозяина, уже славный на поприщѣ военномъ, то малютка внукъ, то дочь красавица, изъ жалованнаго царскаго ковша, или изъ завѣтнаго дѣдовскаго бокала, или изъ прадѣдовской чары, добычи Азовскихъ походовъ. Завистливое время бѣжало для нихъ быстро: разсвѣтъ другаго дня начинался прежде, нежели веселая бесѣда успѣвала окончить нѣсколько разъ повторяемые тосты въ честь живыхъ и усопшихъ. Никто, или почти никто

не выпивалъ своего бокала, не изъ-
явивъ громогласно желанія въ пользу
того, чье здоровье онъ пилъ. Для
разныхъ случаевъ были различныя по-
здравиленія : « желаю здравствовать
князю молодому съ княгинею, » гово-
рилъ шепещущимъ голосомъ старый
воинъ, кланяясь на всѣ стороны; « кня-
жему отцу, матери, дружку съ свахами
и всѣмъ любящимъ гостямъ, или *всей
гостной компаніи* на бесѣдѣ, не всѣмъ
поименно, но всѣмъ поравенно; что
задумали, загадали, опредѣли Господи
таланъ и счастье; слышанное видѣть,
желаемое получить, въ чести и въ ра-
дости нерушимо. » Собраніе ошлѣ-
чало ему: « опредѣли Господи! »

На другой день по утру, мать *мо-
лодой* присылала новобрачнымъ супъ
изъ курицы съ изюмомъ и коренья-
ми, и такъ называемое *вареное*, приго-

повленное изъ вина съ сахаромъ и ароматными веществами. Бюда сія носили: няня молодой и бывшія ея прислужницы; всѣ онѣ были перевязаны штуками матеріи, и она въ карикатурномъ нарядѣ; проходя по улицамъ, онѣ неумолчно пѣли свадебныя пѣсни, часто останавливаясь, чтобы поплясать и привлечь вниманіе народа. Угощенія продолжались цѣлую недѣлю: участвовавшіе въ брачной церемоніи, переходя изъ дома въ домъ къ каждому изъ гостей по очередно, пиrowали до самаго *нелъзя*.

Наконецъ назначались іпакъ называемые *отвады*. Родители *молодой* давали у себя для всѣхъ прежнихъ гостей обѣдъ, на который являлись и новобрачные, въ первый разъ послѣ свадьбы показавшіеся тушь въ чужомъ домѣ въ обществѣ. Разумѣешь послѣ обѣда все

собрание пировало какъ слѣдуетъ : хлѣбосольные хозяева почидали за сныдь не угоспнть *гестную компанію* такъ, какъ она угощаема была на прежнихъ пирахъ.

Таковы были въ старину главные свадебные обряды у *Низовыхъ казаковъ*, и преимущественно въ Черкасскъ, гдѣ они исполнялись во всей точности, какъ въ высшемъ сословіи, такъ и между самыми бѣдными казаками. Въ станицахъ *верховыхъ*, обряды сіи имѣли нѣкоторыя измѣненія; въ каждой было что нибудь свое собственное.

ДОНСКІЯ ПѢСНИ.

*Здѣсь предлагаются пѣсни для нотъ,
приложенныхъ въ концѣ книжки; про-
зія помѣщена въ текстѣ.*

1.

Какъ на славныхъ на степяхъ было
Саратовскихъ,
Чпо пониже было города Саратова,
А повыше было города Камышина,
Собирались казаки-други, люди вольные,
Собирались они братцы во единый кругъ:
Какъ Донскіе, Гребенскіе и Яицкіе;
Атаманъ у нихъ Ермакъ, сынъ Тимо-
фѣевичъ,
Есауль у нихъ, Аспашка, сынъ Лав-
рентьевичъ,
Они думали думушку все единую:
Ужъ-какъ лѣпо проходитъ, лѣпо теплое,
А зима настаетъ, братцы, холодная,

Какъ и гдѣ-по намъ, братцы, зимо-
вашь буденъ ;

На Яикъ намъ ипшинь, да переходъ
великъ ,

Да на Волгѣ ходишь намъ, все ворами
слышь ,

Подъ Казань градъ ипшинь, да шамъ
Царь споишь ,

Какъ грозной-та Царь Иванъ Васильевичъ.
У него шамъ силы много-множество.

Да тебѣ Ермаку бышь шамъ повѣшену,
А намъ казакамъ бышь переловленнымъ,
Да по крѣпкимъ по шормамъ поразсо-
женнымъ.

Какъ не золотая шрубушка воспрубила,
Не серебряная рѣчь громко возговорить,
Рѣчь возговорить Ермакъ сынъ Тимо-
фѣевичъ :

Гей вы думайте, братцы, вы подумайте,
И меня Ермака, братцы, послушайте :
Зазимемъмы, братцы, всѣ въ Аспрахани,
А зимою мы, братцы, поисправимся,
А какъ вскрыешся весна красная,

Мы тогда-то, други братьцы, во походъ
пойдемъ ,

Мы заслужимъ предъ грознымъ Царемъ
вину свою :

Какъ гуляли мы, братьцы, по синю морю,
Да по синему морю по Хвалынскому,
Разбивали мы, братьцы, бусы, корабли,
Какъ и шь-то корабли, братьцы, не
орленые,

Мы убили посланничка Всецарскаго ,
Какъ шаво-то вѣдъ посланничка Пер-
сидскаго.

Какъ во славномъ было городѣ во Аспра-
ханѣ,

На широкой , на ровной было площади,
Собирались казаки други во единой кругъ,
Они думали думу крѣпкую ,
Да и крѣпкую думушку единую :

Какъ зима-то проходишь все холодная,
Какъ и лѣто наспанеть, братьцы, лѣто
теплое ,

Да пора ужь намъ, братьцы, въ походъ
идшишь ;

Рѣчь возговоритъ Ермакъ Тимофѣевичъ:
Ой, вы гой еси брашцы Ашаманы молодцы,
Эй вы дѣлайше лодочки камоленки,
Забивайте вы почеша еловые;
Накладайте бабаички сосновые,
Мы поѣдимше брашцы съ Божьей
помочью;

Мы пригрянемше брашцы вверхъ по
Волгѣ по рѣкѣ,

Перейдемше мы брашцы горы крутыя,
Доберемся мы до царства бусорманскаго,
Завоюемъ мы царство Сибирское,
Покоримъ его мы брашцы Царю Бѣлому,
А Царя-по Кучума во полонь возьмемъ,
И за то - то Государь Царь насъ
пожалуетъ.

Я тогда - то пойду самъ ко Бѣлу Царю,
Я надѣну тогда шубу соболиную,
Я возьму кунью шапочку подъ мышечку,
Принесу я Царю Бѣлому повинную,
Он - ты гой еси Надежа православный
Царь,

Не вели меня казнить, да вели рѣчь
говорить :

Какъ и я-то Ермакъ, сынъ Тимофѣевичъ;
Какъ и я-то воровской Донской Аппама-
нушка;

Какъ и я-то гулялъ вѣдь по синю морю,
Что по синю морю по Хвалынскому;
Какъ и я-то разбивалъ вѣдь бусы,
корабли ,

Какъ и пѣ-то корабли все не орленые ;
А теперича Надежа православной Царь
Приношу тебѣ буйную головушку,
И съ буйной головой царство Сибирское.
Рѣчь возговорить Надежа православ-
ной Царь ,

Какъ и грозной-то Царь Иванъ Ва-
сильевичъ :

Ой-ты гой еси Ермакъ сынъ Тимофѣе-
вичъ ,

Ой-ты гой еси Войсковой Донской Аппа-
манушка ,

И прощаю тебя да и со войскомъ
пвоимъ ,

Я прощаю тебя да за твою службу;
За твою-то ли службу мнѣ за вѣрную,
И я жалую тебѣ Ермакъ славной тихой
Донь.

2.

Приуныло, приумолкло войско Донское,
Приужаснулась армейюшка Царя Бѣлаго,
Безъ вѣрнаго служителя Государева,
Безъ Ивана Матвѣича Краснощокаго.
Взяли Краснощокова въ полонъ Шведы,
Повели добраго молодца къ Левен-
гауппу.

Какъ и сталъ его Левенгауппъ спра-
шивать:

« Ты скажи, скажи доброй молодець,
не утай ничего:

« Ты чѣмъ служилъ Царю Бѣлому,
какъ ты жалованъ,

« Сотникомъ, полковникомъ иль брига-
дирушкой? »

Рѣчь взговорилъ Краснощоковъ Левен-
гауппу:

« Я служилъ Царю Бѣлому ровно трид-
цать лѣтъ ,

« И не сотникомъ , полковничкомъ ,
бригадирушкой ,

« Я служилъ Царю Бѣлому рядовой
козакъ . »

Пѣтъ , не правду разудалой открываешь
мнѣ ;

На тебѣ , молодецъ , управушка не казачая ,

На тебѣ-то управушка командирская ,

Я хочу тебя молодеца просить прозьбою :

Ты служилъ Царю Бѣлому ровно трид-
цать лѣтъ ,

Послужи ты Царю Шведскому хоть
три года . —

Какъ воскликнулъ Краснощокъ Ле-
венгаупшу :

« Ахъ , еслибы была при мнѣ сабля
оспрая ,

« Послужилъ бы я надъ своею буйной
головушкой .

К О Н Е Ц Ъ .

С С Ы Л К И.

Частная жизнь Императора Петра I.

1) См. мѣру роста Императора Петра I въ Музеумъ Импер. Академіи наукъ въ кабинетѣ сего Государя.

2) Scheltema *Russland en Nederlanden.* Amsterdam 1817. II.

3) Достопамятныя повѣствованія и рѣчи Петра Великаго, рукопись Андрея Нартова § 22. Опрывки помѣщены были въ С. О. 1819 года.

4) Scheltema — III.

5) Scheltema.

6) Нартовъ; Кашинъ; рукопись его помѣщена въ Рускихъ анекдотахъ, изданныхъ С. Глинкою. Москва 1820 года, ч. I. стр. 31.

- 7) Кашинъ, 31. Нартовъ § 80.
- 8) Tagebuch von Bergholz 2er Theil;
въ Бюшинговомъ магазинѣ ч. 20,
стр. 332.
- 9) Scheltema III.
- 10) Bergholz — Busching, ч. XIX; Bas-
sewitz въ Бюшинговомъ магазинѣ ч. IX.
- 11) Нартовъ § 60.
- 12) Извлечено изъ дѣлъ сенатскаго
архива.
- 13) Нартовъ.
- 14) Нартовъ.
- 15) Büsching T. XX.
- 16) Büsching T. IX. Bassewitz; — XXI
Bergholz.
- 17) Нартовъ.
- 18) Нартовъ.
- 19) Кашинъ — въ Р. А. стр. 32.
- 20) Нартовъ.
- 21) Originalanekdoten v. Stählin. —
Duclos.
- 22) Anecdotes sur le règne de Pierre

Le Grand, современная рукопись, находящаяся въ библиотекѣ кн. А. Я. Лобанова-Ростовскаго. Жизнь Петра Великаго, изд. Галема III. 185.

23) Das veränderte Russland, von Weber, II. 23. Нартовъ § 80.

24) Weber, тамъ же.

25) Нартовъ.

26) Тамъ же § 6.

27) Тамъ же.

28) Тамъ же.

29) Галемъ III. 147. Голиковъ, Дѣянiя Петра Великаго.

30) Bruce 5. Reisen 138. Нартовъ § 80. Кашинъ.

31) Галемъ III. 177. Нартовъ.

32) Нартовъ, § 38.

33) Graf Lunar I. 34. Галемъ.

34) Bruce. — Нартовъ.

35) Bassewitz.

36) Голиковъ, Дѣянiя Петра Великаго.

37) Нартовъ § 80.

38) Bruce 138.

39) Тамъ же.

40) Нартовъ. Bergholz.

41) Bergholz.

42) Нартовъ.

43) Нартовъ.

44) Bergholz.

45) Нѣмецкая рукопись изъ библіотеки графа Сухшелена, подъ заглавіемъ: Ueber die Veränderungen zu Zeiten Peter's des Grossen.

46) Нартовъ § 88.

47) Bergholz.

48) Нартовъ § 80.

49) Журналь Ив. Ив. Неплюева въ рукописи.

50) Bruce 138. Weber ч. II.

51) Bergholz. Богдановъ. Описаніе С. Петербурга.

52) Нартовъ.

53) Bassewitz.

54) Stählin.

55) Нартовъ. Bergholz.

56) Образъ сей и рубашка хранятся до сихъ поръ въ семьѣ Гг. Мухановыхъ.

57) Галемъ.

58) Sche tema II.

59) Тамъ же II.

60) Тамъ же II.

61) Тамъ же.

62) Тамъ же.

63) Въ собраніи собственноручныхъ писемъ Петра I, находящемся въ Московскомъ архивѣ коллегіи иноспиранныхъ дѣлъ.

64) Stählin.

65) Bergholz.

66) Нартовъ. .

Снашья объ увеселеніяхъ и первыхъ балахъ почерпнуты изъ Беркгольца, Бассевица, Вебера, и Шпелина (Ueber die Musik und Tanzkunst in Russland), Нартова, Кашина, изъ писемъ Гжи Рондо (Letters of an english Lady who

resided many years in Russia), изъ статьи
А. О. Малиновскаго о Россійскомъ
театрѣ, помѣщенной въ Сѣверномъ
Архивѣ 1822 года.

*Частная жизнь боярѣ при
Петрѣ I.*

- 1) Нартова рукопись.
- 2) Bergholz.
- 3) Weber.
- 4) Weber.
- 5) *Leben des Grafen Scheremetef, von
Müller.*
- 6) См. Сокольничій уставъ въ Древн.
Библиоѳикѣ.
- 7) Описание С. Пешербурга Богданова.
- 8) Bergholz.
- 9) Тамъ же.
- 10) Bergholz.
- 11) Weber.
- 12) Bergholz.
- 13) *Leben des Gr. Scherem., v. Müller.*

- 14) См. планъ С. П. бурга 1716 года.
 15) Нартовъ.
 16) An account of Russia as it was in 1708, by Lord Whitworth.
 17) Описаніе С. П. бурга Богданова.
 18) Bergholz.
 19) Mémoires sur Pierre-le-Grand, par un ministre étranger.
 20 } Все это заимствовано изъ Берк-
 21 } гольцава журнала: многое такъ-
 22 } же изъ преданій.

Въ статьяхъ о Донскихъ казакахъ помѣщены нѣкоторыя слова національныя, копорыя не для всѣхъ чинапателей, можетъ быть, равно понятны. Здѣсь слѣдуетъ ихъ объясненіе.

Тула. Такъ называли у казаковъ пришлеца Татарскаго племени, вновь поступившаго въ ихъ общество.

Шертованіе, у Татаръ и Калмыковъ

присяга, совершаемая по обрядамъ Магомешанскаго или Ламанскаго законовъ.

Юртѣ, всѣ земли и воды, принадлежащія какой нибудь станицѣ.

Чеканѣ, родъ молотка съ рукояткою, имѣющею длины около полутора аршина. Съ симъ оружіемъ обыкновенно гонялись за волками.

Тарпанѣ, дикій конь.

Чикилики, женское украшеніе, связанное съпскою изъ жемчуга, которое обливая чело, спускалось подъ ушами.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Предисловіе..... v

Отдѣленіе I.

О частной жизни Императора
Петра I..... 1

Объ увеселеніяхъ Рускаго двора при
Петрѣ I..... 55

О первыхъ балахъ въ Россіи..... 99

О частной жизни Рускихъ при
Петрѣ I..... 127

Отдѣленіе II.

Вступленіе..... 173

Рыцарская жизнь казаковъ..... 178

Частная жизнь Донцевъ въ концѣ
XVII и первой половинѣ XVIII вѣка 212

Свадебные обряды..... 298

Донскія пѣсни..... 336
